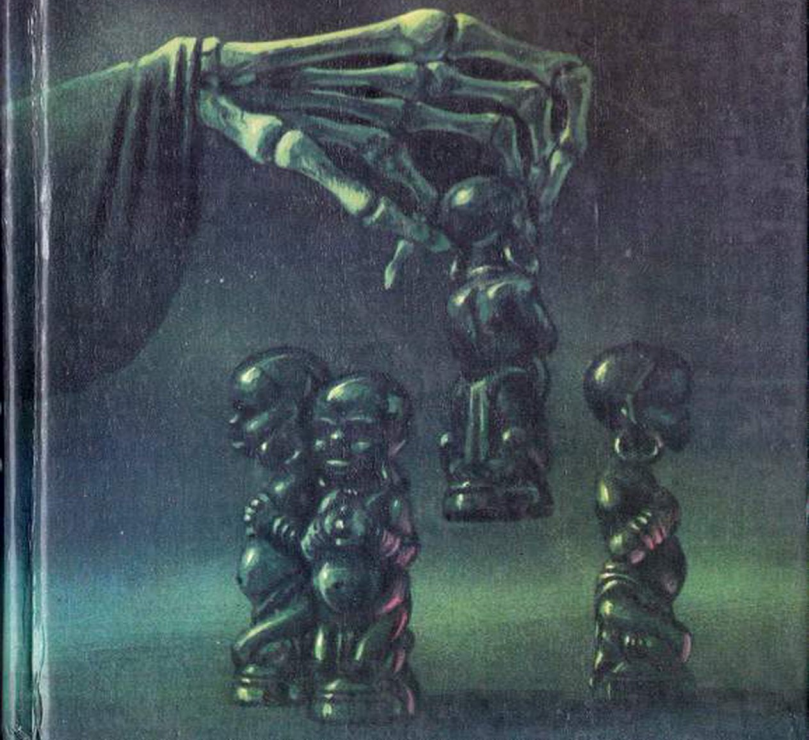
1

Агата Кристи



И тогда никого не осталось
Агата Кристи

Аннотация
Агата Кристи. И тогда никого не осталось
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Главая пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Эпилог
Рукопись, посланная в Скотленд-Ярд владельцем рыболовного траулера «Эмма Джейн»

Аннотация

Роман «И тогда никого не осталось» впервые был опубликован в конце 1939 года.

Сначала он вышел под названием «10 little niggers», но nigger — расистское ругательство, и посему Кристи не захотела, чтобы впоследствии именно это слово фигурировало в названии романа. Следующие варианты «Nursery Rhume's Murders», «10 little Indians» и, наконец, «And then there were none» («И тогда никого не осталось»), которое стало любимым названием Кристи. Это один из величайших детективов XX века. К тому же он очень актуален и пронизан глубокой философской идеей. Не зря именно его постановку осуществили узники нацистского лагеря Бухенвальд. В следующем, 1940 году Кристи переработала роман в пьесу с тем же названием, точнее, с теми же названиями.

Роман также публиковался под следующими авторскими названиями: «10 негритят», «Убийство по детской считалочке», «10 маленьких индейцев».

Агата Кристи
И тогда никого не осталось

Глава первая

I

В углу курительного купе первого класса пыхтел сигарой и заинтересованно проглядывал политические новости в «Таймс» господин судья Уогрейв, недавно вышедший в отставку.

Он положил газету и выглянул из окна. Поезд как раз проезжал через Сомерсет. Он посмотрел на свои часы — ехать еще два часа.

Он мысленно повторил все, что было в газетах об острове Ниггер. Сначала его купил американский миллионер, который был помешан на яхтах, — и тотчас же в газетах появились отчеты о роскошном современном доме, который он выстроил на этом островке, расположенном неподалеку от Девонского побережья. К несчастью, новая третья жена американского миллионера оказалась плохим моряком, что привело к тому, что он выставил и дом, и остров на продажу. И в газетах заискрились рекламные объявления. Потом появилась первая краткая информация, что их купил мистер Оуэн. И вот тогда-то принялись упражняться писаки-сплетники. На самом

деле остров Ниггер купила мисс Габриэль Терл, голливудская кинозвезда! Она хотела провести там несколько месяцев вдали от общества! «Деловая Пчела» деликатно намекала, что остров с домом принадлежит теперь королевской семье?!! Мистеру Мерривизеру[1] доверили, что остров был куплен для проведения медового месяца — юный лорд Л. наконец-то капитулировал перед Купидоном! Джонас знал *наверняка,* что остров купило адмиралтейство, собираясь проводить на нем какие-то жутко секретные эксперименты!

Что и говорить, остров Ниггер был в центре всеобщего внимания!

Из своего кармана господин судья Уогрейв вынул письмо. Почерк был страшно неразборчив, но то здесь, то там с необычайной ясностью проступали слова: *«дражайший Лоуренс… столько лет с тех пор, как я получила от тебя последнюю весточку… должен приехать на остров Ниггер… просто очаровательнейшее место… о стольком надо поговорить… старые времена… единение с Природой… погреться на солнышке… 12.40 от Лэддингтона… встречу тебя в Окбридже…»* И сия корреспонденция была подписана с цветистым

[1] Примечания: 1

Хорошая погода — псевдоним, *перевод с англ. — Здесь и далее прим. переводчика.*

росчерком его *«всегда Констанс Калмингтон».*

Господин судья Уогрейв порылся в памяти, пытаясь отыскать в ней, когда точно в последний раз он видел леди Констанс Калмингтон. Должно быть, 7… нет, 8 лет назад. Она тогда собиралась в Италию, греться там на солнышке, единиться с Природой и contadini[2] Потом, как он слышал, она отправилась в Сирию, где намеревалась греться на ее более жарком солнышке и жить в единении с Природой и бедуинами.

Констанс Калмингтон, как он думал про себя, была именно такой женщиной, которая *должна* была бы купить остров и окружить себя тайной. Кивая головой в знак одобрения своей логики, господин судья Уогрейв заклевал носом…

Он спал…

II

Вера Клэйторн в купе третьего класса с пятью другими попутчиками откинула голову назад и закрыла глаза. Как жарко сегодня в поезде! Должно быть, будет очень приятно возле моря! Право, ей жутко повезло заполучить эту работу. Когда ищешь место на время каникул, почти

---

[2] Примечания: 2
крестьянами — *итал.*

всегда приходится довольствоваться тем, что придется следить за стаей детей, — заполучить же должность секретаря очень сложно. Даже агентство не слишком обнадеживает. И вот тогда пришло письмо.

«Мне сообщили вашу фамилию в Агентстве квалифицированных женщин вместе с их рекомендациями. Насколько я понимаю, там знают вас лично: Я буду рада заплатить вам жалованье, которое вы просите, и надеюсь, что вы приступите к исполнению своих обязанностей 8 августа. Поезд отходит в 12.40 от Лэддингтона, и вас встретят на станции Окбридж. Прилагаю к письму 5 однофунтовых банкнот на расходы.

Искренне ваша Уна Нэнси Оуэн».

И наверху стоял штамп с адресом: *остров Ниггер, Стиклхэвен, Девон…*

Остров Ниггер! Да, в последнее время в газетах писали только о нем! Каких только намеков и интересных слухов не было. Хотя, вероятно, большей частью они были враньем. Но дом, конечно, был выстроен миллионером и, говорили, являлся последним словом в смысле комфорта.

Вера Клэйторн, утомленная недавним напряженным семестром в школе, подумала: «Быть учительницей физкультуры в школе третьего класса не бог весть какое сокровище… Если бы только я смогла получить место в какой-нибудь *приличной* школе».

И потом ее сердце сжала ледяная рука, и она подумала: «Но мне повезло, что я хоть это-то получила. В конце концов, людям не очень-то по душе дознание коронера, даже если коронер и *оправдал меня* ото всех обвинений!»[3]

Помнится, он даже похвалил ее за быстроту решений и храбрость. Лучше и быть не могло. И миссис Хамилтон была к ней такой доброй… вот только Хьюго… *но она не должна думать о Хьюго!* Неожиданно, несмотря на духоту в купе, она поежилась и вдруг расхотела ехать к морю. Перед ее мысленным взором возникла картина. *Голова Сирилла, плывущего к скале, подпрыгивающая на воде, словно мячик…* вверх-вниз… верх-вниз… И она сама разрезает воду легкими, тренированными гребками — прокладывает путь к нему, но знает… прекрасно знает… что не должна успеть… Море… его глубокая, теплая синева… утренние

[3] Примечания: 3

Коронер — судебный чиновник, ведущий дознание — следствие по поводу внезапной смерти, несчастного случая или убийства.

часы, проведенные на песке, — Хьюго… Хьюго, который говорил, что любит ее…

Она *не* должна думать о Хьюго…

Она открыла глаза и, нахмурившись, посмотрела на сидящего напротив человека. Человека с загорелым лицом, светлыми, посаженными слишком близко глазами и надменным, почти жестоким ртом. Она подумала про себя: «Держу пари, он побывал в далеких уголках земного шара и повидал кое-что интересное…»

III

Филип Ломбард с молниеносной скоростью окинул взглядом девушку, сидящую напротив, и подумал: «Довольно привлекательная… может быть, немножко похожа на училку. Хладнокровная особа… в обиду себя не даст — ни в любви, ни в войне. Пожалуй, было бы неплохо ей понравиться…»

Он нахмурился. Нет, полноте. Он едет по делу. Он должен думать только о своей работе.

Что же намечалось, хотел бы он знать. Этот маленький еврей вел себя чертовски таинственно.

— Примете предложение или откажетесь, капитан Ломбари?

Он задумчиво произнес:

— Сотни гиней, а?

Он сказал это безразличным тоном, словно сотня гиней ничего для него не значила. *Сотня гиней,* когда он вот-вот будет в буквальном смысле голодать! Однако ему показалось, что маленького еврея обмануть не удалось — самое плохое в евреях то, что их невозможно обмануть в отношении денег — они всегда *знают*!

Он поинтересовался тем же безразличным тоном:

— И вы не располагаете возможностью предоставить мне дополнительную информацию?

Мистер Исаак Моррис очень решительно покачал своей маленькой лысой головой.

— Нет, капитан Ломбард, дело обстоит следующим образом. Мой клиент полагает, что вы являетесь надежным человеком в затруднительном положении. Я уполномочен передать вам 100 гиней, получив которые, вы обязуетесь отправиться в Стиклхэвен, в Девон. Ближайшая станция — Окбридж, вас встретят и на автомобиле отвезут в Стиклхэвен, откуда катер переправит вас на остров Ниггер. Там вы будете находиться в полном распоряжении моего клиента.

Ломбард резко спросил:

— На какой срок?

— Самое большее — неделя.

Дотронувшись до своих маленьких усов, капитан Ломбард осведомился:

— Надеюсь, вы понимаете, что я не могу взяться ни за, что… нелегальное?

И, задавая вопрос, он бросил резкий взгляд на своего собеседника. На толстых семитских губах мистера Морриса появилась очень слабая улыбка, когда он серьезно ответил:

— Если вам поручат что-то нелегальное, конечно, вы будете вольны отказаться.

Черт бы побрал эту вкрадчивую маленькую скотину, он улыбался! Словно прекрасно знал, что в прошлом Ломбарда законность не всегда была sine qua non[4]…

Губы Ломбарда растянулись в ухмылке.

Черт возьми, он не раз круто плавал и рисковал! Но всегда выходил сухим из воды! Он мало перед чем останавливался…

Да, он мало перед чем останавливался. Ему подумалось, что ему понравится на острове Ниггер.

---

[4] Примечания: 4
Обязательным условием — *лат.*

IV

В купе для некурящих сидела с очень прямой спиной, что было ее привычкой, мисс Эмили Брент. Ей было 65 лет, и она не одобряла праздного времяпрепровождения. Ее отец, полковник старой школы, всегда придавал большое внимание осанке.

Нынешнее поколение было до бесстыдства расхлябанным — и в отношении осанки, и *во всем остальном*...

Окутанная атмосферой праведности и твердых принципов, мисс Брент сидела в своем купе третьего класса и с триумфом побеждала дискомфорт и жару. Сегодня все только суетились! Требовали инъекций перед удалением зубов, принимали наркотики, если не могли заснуть, не могли обойтись без кресел и подушек, и девушки совсем не держали осанки и летом валялись полуголыми на пляжах.

Мисс Брент плотно сжала губы. Она бы хотела показать пример некоторым людям.

Она вспомнила прошлогодний летний отдых. Однако на сей раз все будет иначе. Остров Ниггер...

Мысленно она перечитала письмо, которое

столько раз пробегала глазами:

«Дорогая мисс Брент,

надеюсь, вы меня помните? Мы вместе отдыхали в Белхэвенской гостинице в августе, несколько лет назад, и, похоже, нашли очень много общего.

Я открываю собственную гостиницу на острове возле Девонского побережья. Думаю, у отеля с простой, хорошей едой для приличных людей старого типа будут неплохие шансы. Никакой голой молодежи и граммофонного визга до полуночи. Буду очень рада, если вы найдете возможность провести летний отдых на острове Ниггер — совершенно бесплатно — в качестве моей гостьи. Подойдет ли вам первая половина августа? Возможно, с 8-го числа.

Искренне ваша У. Н. О...»

Что же у нее была за фамилия? Подпись была неразборчива. Эмили Брент с раздражением подумала: «Столько людей подписываются неразборчиво».

Она мысленно постаралась припомнить тех, с кем встречалась в Белхэвене. Она отдыхала там

два лета подряд. Среди них была одна приятная дама средних лет… мисс… мисс… как же была ее фамилия? — ее отец был каноником. И еще миссис Олтен… Ормен… нет, конечно же, *Оливер*! Да, Оливер.

Остров Ниггер! Что только не писали в газетах об острове Ниггер — что-то насчет кинозвезды… или это был американский миллионер?

Конечно, часто подобная недвижимость продавалась дешево — острова никому не нужны. Считают сначала, что вроде бы ах как романтично, но, когда начинают там жить, сразу сталкиваются со множеством недостатков и с радостью продают свое приобретение.

Эмили Брент подумала: «Во всяком случае, у меня будет бесплатный отдых». Ведь когда доход так сильно уменьшился и столько дивидендов не оплачивалось, подобную удачу следовало принимать в расчет. Если бы только она могла вспомнить побольше о миссис… или она была мисс — Оливер!

V

Генерал Макартур выглянул из окна купе. Поезд как раз входил в Эксетер, где он должен сделать пересадку. Черт бы побрал эти медленные поезда,

ползающие по железнодорожным веткам! Остров Ниггер оказался совсем не близко.

Он так и не разобрался до конца, кто такой был этот Оуэн. Явно друг Спуфа Леггарда и Джони Дайера. *«…Приедут кое-какие ваши старые товарищи — будет с кем поговорить о старых временах».*

Что ж, он, несомненно, получит удовольствие от разговоров о старых временах. Недавно ему показалось, что приятели стали его избегать и все из-за этого проклятого слуха! Бог ты мой, ведь это же было почти 20 лет назад! Наверняка Эрмитэйдж наболтал. Чертов щенок! Что *он* знает? О, ладно, что без толку размышлять! Иногда черт знает что начинаешь воображать — к примеру, кажется, что кто-то странно на тебя посмотрел.

Ему было интересно увидеть остров Ниггер. Много о нем сплетен ходило. Казалось, больше всего правды было в россказнях, что его купили адмиралтейство иди военное министерство, или министерство военно-воздушных сил…

Особняк там действительно выстроил молодой Элмер Робсон, американский миллионер. Говорили, потратил на него много тысяч. Все удобства… Эксетер! И ждать полчаса! А он не хотел ждать. Он хотел продолжить путь…

VI

Доктор Армстронг ехал на своем «моррисе»[5] по равнине в Сэлисбьюри. Он очень устал… За успех надо платить. Было время, когда он сидел, в своем кабинете на Харли-стрит[6] в надлежащем облачении, в окружении самых современных приборов и роскошной обстановки и ждал день за днем, потерпит ли его рискованное предприятие фиаско или преуспеет…

Что ж, оно преуспело! Ему повезло! Он оказался удачливым! Удачливым и, конечно, искусным врачом. Он хорошо знал свое дело, но этого было недостаточно для успеха. Обязательно нужна удача. И удача к нему пришла! Точный диагноз — пара признательных пациентов, пациентов со средствами и положением — и о нем заговорили. «Вам следует пойти *к* Армстронгу — *совсем* молодой, но *такой* умный — Пэм *многие годы* к кому только ни обращалась, а он сразу положил палец на нужное место!» И шар удачи завертелся.

---

[5] Примечания: 5

Марка легкового автомобиля компании «Бритиш Лейланд».

[6] Примечания: 6

Улица в Лондоне, на которой размещены приемные наиболее известных частных врачей.

И теперь доктор Армстронг определенно добился успеха. Его дни были полны работы. Отдыхать было почти некогда. И посему в это августовское утро он был рад, что оставляет Лондон, и ему предстоит провести несколько дней на острове возле Девонского побережья. Конечно, это не совсем отдых. Полученное им письмо было довольно расплывчатым, но вот приложенный, к нему чек расплывчатым не назовешь. Огромный гонорар. Должно быть, эти Оуэны купаются в деньгах. Небольшое затруднение, муж беспокоится за здоровье жены и хотел бы узнать, что с ней, ее не тревожа. Она и слышать не хочет о враче. Ее нервы…

Нервы! Брови доктора поползли вверх. Эти женщины и их нервы! Бизнес благодаря им процветает. Половина женщин, консультировавшихся у него, были абсолютно здоровы и не страдали ни от чего, кроме скуки, но если им так сказать, они не поблагодарят! Так что обычно приходится что-то придумывать.

«Несколько необычное состояние (какое-нибудь длинное слово), ничего серьезного, но нужно выправить положение. Лечение очень простое».

Что ж, большей частью лечат не лекарства, а вера в их силу. И у него неплохие манеры — он

умеет внушить надежду и веру.

Как ему повезло, что удалось взять себя в руки вовремя после того происшествия 10-... нет, 15-летней давности. Крах был совсем близок! Он готов был сломаться. Но шок привел его в себя. Он вообще бросил пить. Черт возьми, однако, крах был совсем рядом...

Издавая жуткие, душераздирающие гудки, мимо него промчался огромный суперспортивный «далмайн» на скорости не меньше 80 миль в час. Доктор Армстронг чуть было не врезался в изгородь. Один из этих молодых идиотов, что носятся по сельской местности. Он их ненавидел. Просто чудом уцелел. Чертов молодой дурень!

VI

Тони Марстон, с ревом мчась в Мере, подумал про себя: «Просто жуть, сколько машин ползает по дорогам. Вечно кто-нибудь стоит на пути. Да к тому же едут прямо посреди дороги! Раскатывать в Англии просто безнадежно — это тебе не Франция, где запросто *можно* носиться вволю...»

Остановиться здесь и выпить чего-нибудь или махнуть дальше? Времени навалом! Еще сотня миль и готово. Он глотнет джина и имбирного пива. Жутко жаркий денек выдался!

Должно быть, на острове удастся повеселиться… если только погода продержится. Хотел бы он знать, кто *такие* эти Оуэны? Наверное, богатые и противные. Барсук здорово таких вынюхивает. Конечно, ведь у него, бедняги, своих денег *нет*…

Надо надеяться, что выпивка у них будет. Никогда не знаешь, что ожидать от тех, кто сделал кучу денег, но рожден для них не был. Жаль, что история о покупке острова Ниггер Габриэлью Терл оказалась враньем. Он бы не прочь был повеселиться в окружении этой кинозвезды. О, ладно, наверняка там будет несколько девчонок…

Выйдя из отеля, он потянулся, зевнул, взглянул на голубое небо и сел в свой «далмайн».

Несколько молодых особ с восхищением воззрились на него — на его шестифутовое[7] хорошо сложенное тело, его волнистые волосы, загорелое лицо и яркие синие глаза.

Он с ревом врубил сцепление и вырвался на узкую улочку. Старик и мальчишки-рассыльные бросились врассыпную в безопасные места. Пацаны с восхищением уставились вслед его машине.

Энтони Марстон продолжил свое триумфаль-

---

[7] Примечания: 7
1 фут = 30,45 см

ное путешествие.

VIII

Мистер Блор сидел в «медленном» поезде[8], идущем из Плимута. Кроме него в купе был только еще один пассажир — пожилой джентльмен, по виду моряк с затуманенными глазами. В настоящий момент он дремал.

Мистер Блор тщательно писал в маленьком блокнотике.

— Вот они все, — пробормотал он себе под нос, — Эмили Брент, Вера Клэйторн, доктор Армстронг, Энтони Марстон, старый судья Уогрейв, Филип Ломбард, генерал Макартур, кавалер ордена Св. Михаила и Св. Георгия третьей степени[9] и ордена «За боевые заслуги»[10], слуга и его жена — мистер и миссис Роджерс.

Он закрыл блокнот и сунул его обратно в карман, а потом взглянул на дремлющего в углу

---

[8] Примечания: 8

Поезд, останавливающийся на каждой станции.

[9] Примечания: 9

Этим орденом, учрежденным в 1818 году, награждаются дипломаты и высшие офицеры.

[10] Примечания: 10

Учрежден в 1866 г., им награждаются офицеры сухопутных войск, ВМС, ВВС и морской пехоты.

человека.

«Перебрал», — поставил точный диагноз мистер Блор.

Он тщательно и добросовестно повторил детали.

«Работа наверняка будет простой, — размышлял он. — Не думаю, что дам осечку. Надеюсь, вид у меня подходящий». Он встал и пристально посмотрел на свое отражение в зеркале. То было немного воинственное лицо с усами. На нем практически отсутствовало выражение. Глаза серые и слишком близко посаженные.

«Могу представиться майором, — заметил мистер Блор, — нет, я совсем забыл. Там будет этот старый вояка. Он сразу меня раскусит».

— Южная Африка, — произнес мистер Блор, — вот моя линия! Никто из них не имеет никакого отношения к Южной Африке, и я как раз читал ту рекламную книжечку, так что поговорить о ней смогу.

К счастью, из колоний приезжали люди всевозможных типов. Мистер Блор решил, что запросто может вписаться в любое общество под видом состоятельного господина из Южной Африки.

Остров Ниггер. Он помнил остров Ниггер с детства… Зловонная скала, покрытая чайками, —

где-то в миле от берега. Его так прозвали, потому что он напоминал голову человека — человека с негроидными губами.

Это надо же додуматься: выстроить на нем дом! Там же кошмар в плохую погоду! Но миллионеры полны причуд!

Старик в углу проснулся и изрек:

— Никогда не зарекайся насчет моря… никогда!

Мистер Блор поспешил его успокоить: «Все верно. Никогда».

Старик дважды икнул и жалобно заявил:

— Шторм идет.

Мистер Блор ответил:

— Нет, нет, приятель, день прелестный.

Старик сердито сказал:

— Шторм идет. Я его чую.

— Может быть, вы правы, — с видом миротворца заметил мистер Блор.

Поезд остановился на станции, и старикан встал на нетвердые ноги.

— Вот здесь я выйду, — он вцепился в окно. Мистер Блор ему помог.

Старик встал у выхода. Он торжественно поднял руки и мигнул затуманенными глазами.

— Бодрствуй и молись, — сказал он. — Бодр-

ствуй и молись. Судный день близок[11].

После чего хлопнулся на платформу. Распростершись на земле, он взглянул на мистера Блора и с невероятным достоинством заявил:

— Я с вами разговариваю, молодой человек. Судный день близок.

Усаживаясь на свое место, мистер Блор подумал: «Судный день гораздо ближе к нему, чем ко мне!»

Но, как порой случается, он ошибался…

[11] Примечания: 11

Строка из сборника Шарлотты Эллиот «Утренние и вечерние гимны. Христиане ищут без отдыха». 1789-1871

Глава вторая

I

На станции Окбридж стояла небольшая группка людей, охваченная какой-то неуверенностью. Позади были носильщики с чемоданами. Один из них крикнул:

— Джим!

К ним подошел шофер одного такси.

— Может быть, вы собираетесь на остров Ниггер? — голосом, в котором слышался мягкий девонширский выговор, спросил он. Четыре человека дали утвердительный ответ — и немедленно бросили друг на друга быстрые незаметные взгляды.

Шофер обратился к господину судье Уогрейву как к самому старшему.

— Здесь два такси, сэр. Одно должно подождать «медленного» поезда из Эксетера, это всего минут пять, — на нем приедет один джентльмен. Может быть, кто-нибудь из вас не возражает задержаться? Так будет удобнее.

Вера Клэйторн, четко сознавая свое положение секретаря, заговорила немедленно.

— Я подожду, — сказала она, — не возражаете? — Она посмотрела на трех других, и в ее голосе и взгляде проскользнул слабый намек на приказ — такое часто бывает, когда человек занимает положение, связанное с властью. Можно было подумать, что она приказывает, в каких сетах девочки должны играть.

Мисс Брент чопорно ответствовала; «Благодарю вас», — наклонила голову и села в одно из такси, дверцу которого шофер держал открытой.

Господин судья Уогрейв последовал за ней.

Капитан Ломбард заявил:

— Я подожду с мисс…

— Клэйторн, — подсказала Вера.

— Меня зовут Ломбард, Филип Ломбард.

Носильщики водрузили багаж на такси. В самой же машине господин судья Уогрейв заметил с надлежащей юридической осторожностью:

— Сегодня прекрасная погода.

Мисс Брент ответила:

— Да, что верно, то верно.

«Очень выдающийся старый джентльмен, — подумала она. — Совсем не похож на тех людей, которые отдыхают в приморских гостиницах. Явно у миссис или мисс Оливер были хорошие связи…»

Господин судья Уогрейв поинтересовался:

— Вы хорошо знаете эти места?

— Я бывала в Корнуолле и Торки, но в эту часть Девона приезжаю впервые.

Судья сказал:

— Я также не знаком с данными местами.

Такси отправилось в путь.

Шофер второй машины спросил:

— Может быть, вы хотите посидеть, пока ждете?

Вера решительно ответствовала:

— Нет, нет.

Капитан Ломбард улыбнулся и заметил:

— Солнечная стена кажется более привлекательной. Только, может быть, вы хотите зайти на станцию?

— Нет, что вы. Так приятно выбраться из душного поезда.

Он ответил:

— Да, путешествовать на поезде в такую погоду довольно *утомительно.*

Вера общепринятым тоном произнесла:

— Надеюсь, она продержится… я имею в виду погоду. Английское лето такое предательское.

Ломбард не слишком оригинально спросил:

— Вы хорошо знаете здешние места?

— Нет, никогда раньше здесь не бывала — и она быстро добавила, добросовестно решив разъяснить свое положение сразу: — Я даже не видела свою работодательницу.

— Свою работодательницу?

— Да, я — секретарь миссис Оуэн.

— О, понятно, — пусть практически незаметно, но его манеры изменились. Они стали чуть более уверенными, чуть более легкомысленными. Он заметил:

— Как странно.

Вера засмеялась.

— О нет, не думаю. Ее секретарь неожиданно заболела, и она протелеграфировала в агентство, прося подыскать за мену, и послали меня.

— Так вот в чем дело. И, предположим, место вам не понравится?

Вера вновь засмеялась.

— О, работа временная — только на время каникул. У меня постоянное место в школе для девочек. Но правде говоря, я ужасно волнуюсь при мысли, что увижу остров Ниггер. Про него столько писали в газетах. Он что, действительно такой обворожительный, а?

Ломабрд ответил:

— Не знаю. Я никогда его не видел.

— О, что вы говорите? Наверное, Оуэны жутко любят свой остров. Что они собой представляют? Расскажите мне.

Ломбард подумал: «Неловкая ситуация… должен я их знать или нет?» Он быстро ответил:

— По вашей руке ползает оса. Стойте спокойно. — Он сделал убедительный выпад. — Ну вот. Улетела.

— О, благодарю вас. В это лето столько ос.

— Да, наверное, во всем повинна жара. Вы не знаете, кого мы ждем?

— Не имею ни малейшего понятия.

До них донесся долгий, протяжный визг приближающегося поезда. Ломбард заметил:

— Сейчас прибудет состав.

На выходе с платформы появился высокий человек с воинской выправкой. У него были седые, коротко подстриженные волосы и аккуратные белые усы.

Его носильщик, слегка пошатываясь под тяжестью солидного кожаного чемодана, указал на Веру и Ломбарда.

Вера с компетентным видом выступила вперед и сказала:

— Я — секретарь миссис Оуэн. Вас ожидает машина, — она добавила: — Это — мистер Ломбард.

Выцветшие голубые глаза, проницательные, несмотря на возраст, окинули Ломбарда. Будь кто рядом, то смог бы прочесть в них оценку: «Красивый парень. Правда, в нем есть что-то не то…»

Все трое сели в ожидающее такси. Они проехали по сонным улочкам маленького Окбриджа и покрыли милю на главной Плимутской дороге. Потом машина погрузилась в лабиринт деревенских тропинок — крутых, зеленых и узких.

Генерал Макартур заметил:

— Я совсем не знаю эту часть Девона. Мое маленькое поместье в Восточном Девоне — прямо на границе с Дорсетом.

Вера отозвалась:

— Здесь по-настоящему прекрасно. Холмы и краснозем, и все такое зеленое и ароматное.

Филип Ломбард критически сказал:

— Правда, слишком неровно… Я люблю открытую местность. Когда можно видеть, что откуда грозит…

Генерал Макартур обратился к нему:

— Думаю, вы повидали мир?

Ломбард пренебрежительно пожал плечами.

— Побывал кое-где, сэр.

Про себя он подумал: «Сейчас он меня спросит,

не был ли я на войне[12]. Эти стариканы всегда так делают».

Но генерал Макартур не упомянул войну.

II

Они подъехали к крутому холму и по зигзагообразной тропинке спустились к Стиклхэвену — то была просто горстка коттеджей, да на пляж были вытащены одна-две рыбачьи лодки.

Они впервые увидели остров Ниггер, освещенный садящимся солнцем и выступающий из моря к югу от берега.

Вера удивленно заметила:

— А он далеко.

В мыслях она рисовала его совсем другим — расположенным неподалеку от берега, увенчанным прекрасным белым домом. Но никакого дома видно не было — только вырисовывалась на фоне неба голая скала, немного похожая на голову гигантского негра.

В острове было что-то зловещее. Она слабо поежилась.

Возле маленькой гостиницы «Семь звезд» сидели три человека. Сутулая старческая фигура

---

[12] Примечания: 12
Имеется в виду первая мировая.

судьи, прямая мисс Брент и еще одна — фигура, принадлежащая крупному грубовато-добродушному человеку, который немедленно подошел к ним и представился.

— Мы решили вас подождать, — сказал он. — Чтобы переправиться всем разом. Позвольте представиться. Фамилия Дэйвис. Родился в Натале, Южная Африка, ха, ха![13] — Он легкомысленно рассмеялся.

Господин судья Уогрейв посмотрел на него с кипящей злостью. Казалось, он всей душой желал приказать, чтобы здание суда очистили от посторонних. Мисс Эмили Брент явно не могла решить, нравятся ли ей жители колоний.

— Кто-нибудь хочет глотнуть чего-нибудь перед тем, как отправимся? — гостеприимно поинтересовался мистер Дэйвис.

Никто на его предложение не согласился. Мистер Дэйвис повернулся и поднял палец.

— В таком случае никаких задержек. Наверняка наши хозяева нас ждут, — сказал он.

Может быть, он заметил, что какая-то странная скованность охватила остальных. Словно упоминание хозяев произвело на гостей непонятный

---

[13] Примечания: 13

Каламбур: Natal — город и natal — место рождения — *англ.*

парализующий эффект.

В ответ на подзывающий палец Дэйвиса человек, который стоял, прислонившись к ближайшей стене, направился к ним. По его походке вразвалочку сразу было видно, что он моряк. У него было загорелое лицо и темные глаза с каким-то уклончивым выражением. Он заговорил своим мягким девонским голосом:

— Вы готовы отправиться на остров, леди и джентльмены. Катер ждет. Два джентльмена приедут на машинах, но мистер Оуэн приказал не ждать их, потому что они могут прибыть в любое время.

Группка встала. Их проводник повел их к маленькой, сложенной из камня пристани. Рядом с ней стоял моторный катерок, почти лодка.

Эмили Брент заявила:

— Это очень маленький катер.

Владелец лодки убедительно заговорил:

— Лодка прекрасная, мэм. На ней до Плимута добраться — все равно, что глазом моргнуть.

Господин судья Уогрейв резко заметил:

— Нас слишком много.

— Она может перевезти и вдвое больше людей, сэр.

Филип Ломбард сказал своим приятным бес-

печным голосом:

— Все в порядке. Погода прекрасная — никаких волн.

С сомневающимся видом мисс Брент позволила, чтобы ей помогли сесть в лодку. Остальные последовали ее примеру. Однако ничего дружелюбного в поведении людей не было. Казалось, что каждый озадачен своими попутчиками.

Они только собрались отдать швартовые, когда их проводник замер с багром в руке.

По узкой тропинке в деревню неслась машина. Столь фантастически мощная, столь прекрасная, что казалась каким-то видением. За рулем сидел молодой человек, его волосы развевались на ветру. В мягком свете садящегося солнца он казался не человеком, а юным богом, героем из какой-то северной саги.

Он нажал на гудок, и громкий ревущий звук раскатился эхом по скалам бухты.

То был фантастический момент. Тогда казалось, что Энтони Марстон нечто большее, чем простой смертный. Потом они еще не раз вспоминали этот момент.

III

Фред Нарракотт сидел возле мотора и думал, что компания была очень странная. Он никогда и не помышлял, что гости мистера Оуэна могут быть такими. Он ожидал нечто более классное. Разнаряженные женщины, джентльмены в костюмах для яхт, и все очень богатые и значительные.

А эти совсем не то, что гости мистера Элмера Робсона. Слабая ухмылка скривила губы Фреда Нарракотта, когда он вспомнил визитеров миллионера. Вот уж они были гости как гости, и какая выпивка у них была! Должно быть, этот мистер Оуэн совсем другой джентльмен. Странно, думал Фред, что он никогда не видывал Оуэна и его миссис тоже. Наверняка они здесь еще никогда не бывали. Все приказы и оплата шли через этого мистера Морриса. Инструкции всегда очень четкие, и плата не задерживалась, но все-таки странно. Газеты писали, что с Оуэном связана какая-то тайна. Мистер Нарракотт целиком и полностью был с ними согласен.

Может быть, в конце концов, остров *купила* мисс Габриэль Терл. Но он сразу отверг эту теорию, как только оглядел своих пассажиров. Не тот тип — вряд ли кто из них может иметь какое-то

отношение к кинозвезде.

Он бесстрастно попытался их оценить.

Одна старая дева — злючка, он прекрасно знал ей подобных. Наверняка настоящая карга, пари можно держать. Старый военный джентльмен — настоящий армеец. Симпатичная юная леди… правда, обычная, ничего эффектного, голливудского. Этот грубоватый веселый джентльмен — он не настоящий джентльмен. Удалившийся от дел торговец, вот кто он такой, подумал Фред Нарракотт. Другой джентльмен, худой, с голодным видом и быстрыми глазами, он какой-то странный. *Может*, он действительно имеет какое-то отношение к кино.

Нет, в лодке был только один подходящий пассажир. Последний джентльмен, тот, что приехал на машине (и какая машина! Таких машин прежде в Стиклхэвене не видывали. Должно быть, этакая машина должна стоить сотни и сотни фунтов). Он был подходящим типом. Рожденным для денег. Если бы все гости были похожи на него… он бы тогда все понял…

Странное это дело, как подумать хорошенько… все странное… очень странное…

IV

Лодка, вспенивая воду, обогнула скалу. Теперь, наконец-то, появился дом. Южная сторона острова была совсем другой. Она отлого спускалась к морю. Дом выходил на юг, он был низкий, квадратный и современный, с округленными окнами, пропускавшими как можно больше света. Захватывающий дом — дом, оправдывающий ожидания!

Фред Нарракотт вырубил мотор, и они мягко проскользнули в маленькую естественную бухточку, затаившуюся меж скал.

Филип Ломбард резко заметил:

— Должно быть, в плохую погоду здесь трудно причалить.

Фред Нарракотт весело ответил:

— Вообще невозможно высадиться на остров Ниггер, когда дует юго-восточный ветер. Иногда его на неделю, а то и больше отрезает от суши.

Вера Клэйторн подумала: «Должно быть, поставка продуктов сильно затруднена. Вот что самое худшее на острове. Домашние хлопоты становятся во сто крат сложнее».

Лодка заскрежетала о камни. Фред Нарракотт выскочил из нее и вместе с Ломбардом помог

остальным сойти на берег. Нарракотт прикрепил катер к кольцу, вбитому в скалу, и начал подниматься по ступенькам, вырезанным в утесе.

Генерал Макартур заметил:

— Ха! Восхитительное местечко!

Но он почувствовал тревогу. Чертовски странный остров.

Когда группа поднялась на террасу, их настроение поднялось. Возле открытой двери в дом их ожидал обычный дворецкий, и что-то в его серьезности их успокаивало. И потом сам дом оказался необычайно привлекательным, и вид с террасы был чудесным…

Дворецкий шагнул вперед, чуть склонив голову. Он был высоким, тощим человеком, седоволосым и очень респектабельным. Он сказал:

— Прошу вас, следуйте за мной!

В широком холле стояли наготове напитки. Ряды и ряды бутылок. Энтони Марстон немного повеселел. Он только начал думать, что больно уж странная собралась компания. Совсем не по *нему.* О чем думал старый Барсук, когда приглашал сюда? Однако выпивка была на месте. И льда предостаточно.

Что говорил этот дворецкий?

Мистер Оуэн… к сожалению, задерживается…

сможет прибыть только завтра. Инструкции… все, что они пожелают… не хотят ли они пойти в свои комнаты? Обед будет подан в 8 часов…

V

Вера последовала вверх по лестнице за миссис Роджерс. Женщина распахнула дверь в конце коридора, и Вера вошла в восхитительную спальню с большим окном с видом на море и другим — на восток. Она издала быстрое восклицание, выражавшее удовольствие.

Миссис Роджерс говорила:

— Надеюсь, у вас есть все, что вам нужно, мисс?

Вера огляделась. Ее багаж принесли и распаковали. В одной стене комнаты была распахнута дверь, ведущая в ванную, выложенную бледно-голубым кафелем.

Она быстро сказала:

— Да, думаю, все.

— Если вам что-нибудь потребуется, мисс, позвоните в колокольчик.

Голос у миссис Роджерс был вялый и монотонный. Вера с любопытством посмотрела на нее: «Какая бледная, бескровная женщина, прямо привидение! Очень респектабельная внешность,

волосы зачесаны назад, черное платье. Странные светлые глаза, которые все время бегали с места на место».

Вера подумала: «По ее виду кажется, что она боится собственной тени! Да, вот именно… она боится!»

Она выглядела так, словно все время находилась в смертельном страхе… Слабая дрожь пробежала по спине Веры. Чего же, черт возьми, эта женщина боится?

Она приятным голосом сказала:

— Я новый секретарь миссис Оуэн. Наверное, вам это известно.

Миссис Роджерс ответила:

— Нет, мисс, я не знаю ничего. У нас имеется просто список леди и джентльменов и в какие комнаты их поселить.

Вера спросила:

— Миссис Оуэн про меня ничего не говорила?

Ресницы миссис Роджерс затрепетали.

— Я не видела миссис Оуэн, пока не видела. Мы приехали сюда только два дня назад.

«Странные люди, эти Оуэны», — подумала Вера и вслух поинтересовалась:

— Какой здесь штат?

— Только я и Роджерс, мисс.

Вера нахмурилась. Восемь человек в доме, десять вместе с хозяином и хозяйкой — и со всей обслугой должна справляться лишь одна супружеская пара.

Миссис Роджерс пояснила:

— Я хорошо готовлю, Роджерс умеет делать все по дому. Конечно, я не знала, что гостей будет столько.

Вера спросила:

— Но вы справитесь?

— О, да, мисс, справлюсь. Если здесь часто будет бывать много гостей, может быть, миссис Оуэн наймет кого для помощи.

Вера сказала:

— Наверное.

Миссис Роджерс повернулась к выходу. Ее ноги двигались по полу бесшумно. Ока выплыла из комнаты, словно тень.

Вера подошла к окну и села на сиденье под ним. Она почувствовала слабое беспокойство. Все… почему-то… казалось немного странным. Отсутствие Оуэнов, бледная, похожая на привидение, миссис Роджерс. И гости! Да, гости тоже были странными. Какое-то непонятное сборище.

Вера подумала: «Как бы я хотела увидеть Оуэнов… Как бы я хотела узнать, что они собой

представляют».

Она встала и стала обеспокоенно расхаживать по комнате.

Прекрасная ванная была отделана целиком и полностью в современном стиле. Не совсем белые коврики на сияющем паркетном полу… выкрашенные в мягкий оттенок стены… длинное зеркало, окруженное светильниками. Камин безо всяких украшений, не считая огромной глыбы белого мрамора в форме медведя — этакой скульптуры в современном стиле, в которую были вделаны часы. Над ними в сияющей хромированной рамке висел большой квадрат пергамента — стихотворение.

Она встала перед камином и прочла его. То была старая считалочка, которую она помнила с детства.

10 негритят отправились обедать.

Один поперхнулся, и тогда

их осталось Девять.

Девять негритят засиделись допоздна.

Один не проснулся, и тогда

их осталось Восемь.

Восемь негритят отправились на день в Девон.

Один сказал, что не вернется, и тогда

их осталось Семь.

Семь негритят раскалывали жердь.

Один разрубился пополам, и тогда

их осталось Шесть.

Шесть негритят стали с ульем играть.

Одного ужалил шмель, и тогда

их осталось Пять.

Пять негритят судиться пошли.

Один вошел в суд канцлера[14], *и тогда*

их осталось Четверо.

Четыре негритенка вышли в море.

Одного проглотила копченая селедка[15], *и тогда*

их осталось Трое.

Три негритенка гуляли в зоопарке.

Одного заломил медведь, и тогда

их осталось Двое.

Два негритенка на солнце сидели.

Один вдруг изжарился, и тогда

---

[14] Примечания: 14

Суд канцлера — верховный суд Великобритании до 1876 года.

[15] Примечания: 15

Копченая селедка — английская идиома, означающая приманку, ловушку, выражение возникло в связи с тем, что на след подкладывали копченую селедку, запах которой сбивал собак со следа.

остался только Один.

Один негритенок остался один-одинешенек.

Он пошел и повесился, и тогда Никого не осталось.

Вера улыбнулась: «Конечно! Это же остров Ниггер!»

Она вновь села возле окна, выходящего на море.

Какое море большое!

Отсюда нигде не видно суши — только огромное пространство, заполненное синей водой, покрытой мелкой рябью, переливающейся всеми огнями в последних лучах вечернего солнца.

Море… оно сегодня такое мирное… но иногда бывает таким жестоким…

Море, которое затаскивает вас в свои глубины. Утонул… найден утонувшим… утонул в море… утонул… утонул… утонул…

Нет. Она не должна вспоминать… она *не* должна об этом думать! Все кончено…

VI

Доктор Армстронг приехал на остров Ниггер, когда солнце уже опускалось в море. Во время переправы он поговорил с лодочником — тот был местным. Ему хотелось разузнать хоть немного о владельцах острова Ниггер, но Нарракотт, похоже, или был совершенно неправильно информирован, или вообще не хотел ничего рассказывать.

Так что доктору Армстронгу пришлось поболтать насчет погоды и клева. Он устал после долгой езды. Болели глазные яблоки. Ведь он держал путь на запад, и солнце било ему в глаза. Да, он очень устал. Море и полный покой — вот что ему было нужно. Как бы он хотел, право, отправиться на длительный отдых. Но он не мог себе этого позволить. Нет, в финансовом отношении, конечно, мог, но нельзя было выпадать из поля зрения. Теперь быстро забывают. Нет, чтобы не упустить того, чего добился, надо, как говорится, всегда держать нос возле точила, работать без устали.

Он подумал: «И все-таки сегодня вечером я пофантазирую, что никогда не вернусь назад, что я покончил с Лондоном и Хэрли-стрит и всем остальным».

В острове было что-то магическое — само название вызывало самые разные фантазии. При виде его терялась связь с миром — остров сам по себе был целым миром. Быть может, миром, обратного пути из которого нет. Он подумал: «Я оставляю позади обычную жизнь».

И, улыбаясь сам себе, начал строить планы, фантастические планы на будущее. Он все еще улыбался, когда поднимался по вырезанным в скале ступенькам.

На террасе на стуле сидел старый джентльмен, и он показался доктору Армстронгу чем-то знакомым. Где он видел это лягушачье лицо, черепашью шею, сгорбленную фигуру, да и эти бледные проницательные маленькие глаза? Ну, конечно, старый Уогрейв. Он однажды давал передним показания. Всегда старик казался полусонным, но не было никого проницательней его, когда речь заходила о законе. Он обладал огромной властью над присяжными — говорили, что он мог в любой день недели заставить их принять решение, каковое сам считал правильным. Раза два он добился от них обвинительного вердикта, когда никто о нем и не помышлял. Некоторые называли его вешающим судьей.

Забавное место для встречи с ним… здесь…

вдали от всего мира.

VII

Господин судья Уогрейв подумал про себя: «Армстронг? Помню его на месте свидетелей. Очень аккуратный и осторожный. Все доктора — чертовы идиоты. А те, что с Хэрли-стрит, хуже всех». И он с ядовитой злостью вспомнил беседу с учтивым типом с той самой улицы.

Вслух он прохрюкал:

— Выпивка в холле.

Доктор Армстронг сказал:

— Я должен выказать свое почтение хозяину и хозяйке.

Господин судья Уогрейв вновь закрыл глаза, стал решительно похож на рептилию и сказал:

— У вас ничего не выйдет.

Доктор Армстронг был поражен.

— Почему?

Судья ответил?

— Нет ни хозяина, ни хозяйки. Очень странное положение вещей. Не понимаю я этого места.

Доктор Армстронг минуту-другую таращил на него глаза. Когда он подумал, что старый джентльмен заснул, Уогрейв неожиданно сказал:

— Вы знаете Констанс Калмингтон?

— Э… нет. Боюсь, что нет.

— Не имеет значения, — заявил судья. — Очень рассеянная женщина… и почерк у нее невероятно неразборчивый. Я начинаю подумывать, что приехал не туда.

Доктор Армстронг покачал головой и направился к дому.

Господин судья Уогрейв поразмышлял немного насчет Констанс Калмингтон. Ненадежна, впрочем, как и все женщины.

Его мысли вернулись к двум женщинам в доме — старой деве со сжатыми губами и девушке. Девушка ему совсем не понравилась — хладнокровная молодая потаскуха. Нет, тут три женщины, если считать жену Роджерса. Странное создание, по ее виду кажется, что она перепугана до смерти. Респектабельная пара и дело свое знает.

В эту самую минуту на террасу вышел Роджерс, и судья его спросил:

— Вы не знаете, ожидается ли прибытие леди Констанс Калмингтон?

Роджерс уставился на него.

— Нет, сэр, насколько мне известно.

Брови судьи попозли вверх. Но он только хрюкнул. Он подумал: «Остров Ниггер, а? Как

говорится, в этой охапке дров есть ниггер»[16]

VIII

Энтони Марстон лежал в ванной. Он нежился в дымящейся воде. Его конечности сводили судороги после долгой езды. Очень мало мыслей пробегало в его голове. Энтони был человеком ощущений… и действия. Он подумал: «Наверное, потерпеть», и за сим выбросил из головы все.

«Теплая дымящаяся вода… усталые конечности… вскоре бритье… коктейль… обед.

А потом?..»

IX

Генерал Макартур хмурился.

Черт подери, все так дьявольски странно! Совсем не то, что он ожидал…

Как говорится, хоть за две булавки он был готов придумать предлог и удрать, отказаться от всей затеи…

Но моторная лодка вернулась на материк.

Так что ему придется остаться.

Вот этот Ломбард, странный какой-то парень.

---

[16] Примечания: 16

Нечто подозрительное, способное что-то испортить — идиома, *англ.*

Не искренний. Он мог поклясться, что он не был искренен.

X

Когда прозвучал гонг, Филип Ломбард вышел из своей комнаты и направился к верхней лестничной площадке. Он двигался, как пантера — гладко и бесшумно. В нем вообще было что-то от пантеры. Хищник, приятный для глаз.

Он улыбался сам себе.

Неделя… а?

Он получит истинное наслаждение от этой недели.

XI

Эмили Брент в своей спальне, одетая в черный шелк и готовая для обеда, читала свою Библию.

Ее губы шевелились:

> *«И упадут язычники в яму, которую сами выкопали; и угодит в сеть, которую они сами сплели, их нога. Господь известен за свой суд; грешник падет жертвой своей собственной ловушки и будет отправлен в ад».*

Ее губы плотно сжались. Она закрыла Библию.

Поднявшись, она пришпилила к воротнику брошь из дымчатого топаза и спустилась к обеду.

Глава третья

I

Обед подходил к концу.

Еда была хороша, вино чудесно. Роджерс прислуживал великолепно. Настроение поднялось у всех. Гости начали разговаривать друг с другом более свободно и дружелюбно.

Господин судья Уогрейв, разомлев благодаря прекрасному портвейну, принялся язвительно шутить. Доктор Армстронг и Тони Марстон его слушали. Мисс Брент болтала с генералом Макартуром — у них, оказывается, были какие-то общие друзья. Вера Клэйторн задавала мистеру Дэйвису умные вопросы насчет Южной Африки. Мистер Дэйвис красноречиво отвечал. Ломбард слушал их разговор. Разили два он быстро поднимал голову, и его глаза сощуривались. Время от времени он оглядывал стол, изучая остальных. Неожиданно Энтони Марстон заметил:

— Странные штучки, а?

В центре круглого стола на круглой стеклянной подставке расположилось несколько фарфоровых фигурок.

— Ниггеры, — сказал Тони. — Остров Ниггер. Наверное, такая была идея.

Вера наклонилась вперед.

— Интересно. Сколько их здесь? Десять?

И воскликнула:

— Как забавно! Они же 10 негритят из детской считалочки. В моей комнате она висит над камином в рамке.

Ломбард сказал:

— И в моей тоже.

— И в моей.

— И в моей.

Голоса гостей соединились в хор. Вера заметила:

— Что за забавная идея, а?

Господин судья Уогрейв хрюкнул: «Невероятное ребячество», — и угостился портвейном.

Эмили Брент посмотрела на Веру Клэйторн. Вера Клэйторн посмотрела на мисс Брент. Обе женщины встали.

В гостиной французские окна выходили на террасу, и через них доносилось шуршание моря о скалы.

Эмили Брент заметила:

— Приятный звук.

Вера резко сказала:

— Я его ненавижу.

Мисс Брент изумленно взглянула на нее. Вера покраснела и более уравновешенно добавила:

— Не думаю, что здесь очень приятно во время шторма.

Эмили Брент согласилась.

— Не сомневаюсь, что зимой дом закрывается, — сказала она. — Ну, во-первых, ни за что не удастся уговорить слуг здесь оставаться.

Вера пробормотала:

— Да и вообще, трудно найти слуг.

Эмили Брент заметила:

— Миссис Оливер по-настоящему повезло, что удалось заполучить эту пару. Женщина — отличная кухарка.

Вера подумала: «Забавно, как старики всегда путают фамилии». И сказала:

— Да, по-моему, миссис Оуэн действительно очень повезло.

Эмили Брент как раз вынула вышивку из сумочки. Она уже собралась вставить нитку в иголку, как вдруг замерла.

Она резко спросила:

— Оуэн? Вы сказали Оуэн?

— Да.

Эмили Брент резко заявила:

— Я никогда в жизни не встречала никого по фамилии Оуэн.

Вера уставилась на нее.

— Но, конечно…

Она не закончила предложения. Дверь открылась, и к ним присоединились мужчины. За ними в комнату последовал Роджерс с кофейным подносом. Судья сел подле Эмили Брент. Армстронг подошел к Вере. Тони Марстон направился к открытому окну. Блор с наивным удивлением разглядывал медную статуэтку, дивясь, неужели это причудливое переплетение углов действительно должно быть изображением женской фигуры. Генерал Макартур стоял спиной к камину и дергал себя за маленький белый ус. Обед был чертовски хорош. Его настроение поднялось. Ломбард листал страницы «Панча»[17], который вместе с другими газетами лежал на столе возле стены.

Роджерс обошел гостей с подносом. Кофе оказался хороший. По-настоящему черный и очень горячий.

Все пообедали прекрасно и теперь наслаждались собой и жизнью. Стрелки часов указывали

---

[17] Примечания: 17

«Панч» — сатирико-юмористический журнал, издастся в Лондоне с 1841 года.

9.21. Наступила тишина, приятная насыщенная тишина. И в этой тишине раздался *Голос.* Он ворвался безо всякого предупреждения — предостерегающий, нечеловеческий, пронизывающий…

— Леди и джентльмены! Прошу тишины!

Все были поражены и напуганы. Все оглядывались, смотрели друг на друга, на стены. Кто говорил?

Голос продолжил, ясный и высокий.

— Вам предъявляются следующие обвинения:

Эдвард Джордж Армстронг, вы 14 марта 1925 года стали причиной смерти Луизы Мэри Клис.

Эмили Кэролайн Брент, 5 ноября 1931 года вы стали ответственной за смерть Беатрис Тэйлор.

Уильям Генри Блор, вы виновны в смерти Джеймса Стивена Лэндора, наступившей 10 октября 1928 года.

Вера Элизабет Клэйторн, 11 августа 1935 года вы убили Сирилла Огильви Хамилтона.

Филип Ломбард, в феврале 1932 года вы стали виновны в смерти 21 человека из восточно-африканского племени.

Джон Гордон Макартур, 14 января 1917 года вы намеренно послали любовника своей жены Артура Ричмонда на смерть.

Энтони Джеймс Марстон, 14 ноября прошлого года вы совершили убийство Джона и Люси Комбз.

Томас Роджерс и Этел Роджерс, 6 мая 1929 года вы вызвали смерть Дженнифер Брэди.

Лоуренс Джон Уогрейв, 10 июня 1930 года вы убили Эдварда Ситона.

Обвиняемые на скамье подсудимых, есть вам что сказать в свою защиту?

II

Голос смолк.

На какой-то краткий миг наступила ошеломленная тишина, потом раздался грохот! Роджерс уронил кофейный поднос!

В тот же самый миг откуда-то за пределами комнаты донесся вопль и звук глухого удара.

Ломбард задвигался первым. Он подскочил к двери и распахнул ее. На полу бесформенной грудой лежала миссис Роджерс.

Ломбард крикнул:

— Марстон!

Энтони бросился к нему на помощь. Вдвоем они подняли женщину и отнесли ее в гостиную.

Быстро подошел доктор Армстронг. Он помог им поднять ее на софу и склонился над ней. Он

отрывисто произнес:

— Ничего. Она в обмороке, вот и все. Через минуту придет в себя.

Ломбард обратился к Роджерсу:

— Принесите брэнди.

Роджерс с белым лицом и трясущимися руками пробормотал:

— Да, сэр, — и быстро выскользнул из комнаты.

Вера воскликнула:

— *Кто это говорил?* Где он? Голос был… он был…

Генерал Макартур хлопотал:

— Что здесь происходит? Что это за неуместные шутки?

Его рука тряслась. Его плечи ссутулились. Неожиданно он стал выглядеть на 10 лет старше.

Блор протирал взмокшее лицо носовым платком.

Только господин судья Уогрейв и мисс Брент казались сравнительно спокойными. Эмили Брент сидела, выпрямив спину, высоко подняв голову. На ее щеках горели пятнышки румянца. Судья сидел в своей обычной позе, опустив голову в плечи. Одной рукой он мягко почесывал ухо. Только глаза его были активны. Они носились по комна-

те — озадаченные, настороженные, умные.

И снова действовал Ломбард. Армстронг возился с потерявшей сознание женщиной. Ломбард вновь был свободен и мог взять инициативу в свои руки.

Он сказал:

— Что за голос? Похоже, его источник был где-то в комнате.

Вера воскликнула:

— Кто это был? Кто это был? Он не один из нас.

Как и судья, Ломбард медленно оглядел комнату. Его глаза на мгновение остановились на открытом окне, потом он решительно покачал головой. Неожиданно в них вспыхнул свет. Он быстро шагнул к двери, расположенной рядом с камином и ведущей в соседнюю комнату. Быстрым жестом он схватил ручку и распахнул дверь. Он вошел в комнату и сразу же издал удовлетворенное восклицание.

— А, вот!

Другие толпились за ним. Только мисс Брент по-прежнему прямо восседала на своем месте.

Во второй комнате, к стене, общей с гостиной, был близко придвинут стол. На столе был граммофон — старомодный аппарат с большой трубой. Отверстие трубы было направлено на

стену, и Ломбард, оттолкнув ее в сторону, указал на два-три маленьких отверстия, незаметно высверленных в стене.

Подготовив граммофон к прослушиванию, он поставил иглу на пластинку, и немедленно они услышали вновь: *«Вам предъявляются следующие обвинения…»*

Вера воскликнула:

— Выключите его! Выключите его! Это ужасно!

Ломбард повиновался.

Доктор Армстронг заметил со вздохом облегчения:

— Позорная и бессердечная неумная шутка.

Тихий ясный голос господина судьи Уогрейва пробормотал:

— Так, значит, вы считаете, что это шутка, а?

Доктор уставился на него.

— А что же еще?

Рука судьи мягко погладила его верхнюю губу.

Он сказал:

— В данный момент я не готов высказывать свое мнение.

Энтони Марстон вмешался в разговор:

— Послушайте, вы забыли об одном. Что за дьявол включил эту штуковину?

Уогрейв прошептал:

— Да, думаю, нам долженствует навести на сей счет справки.

Он направился обратно в гостиную. Остальные последовали за ним.

Роджерс только что вошел со стаканом брэнди. Мисс Брент склонилась над стонущей миссис Роджерс.

Роджерс ловко проскользнул между женщинами.

— Позвольте мне, мадам, поговорить с ней. Этел… Этел… все в порядке… ты слышишь? Возьми себя в руки.

Миссис Роджерс быстро ловила воздух ртом. Ее глаза, вытаращенные, испуганные глаза, обегали и обегали круг лиц. Роджерс настойчиво повторил:

— Возьми себя в руки, Этел.

Доктор Армстронг успокаивающе обратился к ней:

— Теперь с вами все будет в порядке, миссис Роджерс. Просто отвратительное потрясение.

Она спросила:

— Я упала в обморок, сэр?

— Да.

— Это из-за голоса… из-за того ужасного голоса… *он словно выносил приговор…*

Ее лицо вновь позеленело, веки опять затрепетали.

Доктор Армстронг резко спросил:

— Где брэнди?

Роджерс поставил стакан на маленький столик. Кто-то передал его, доктору, и тот склонился над с трудом ловящей воздух ртом женщиной.

— Выпейте это, миссис Роджерс.

Она выпила, чуточку подавилась. Но спиртное пошло ей на пользу. Краска вернулась на ее лицо, и она сказала:

— Теперь я в полном порядке. Просто… просто шок.

Роджерс быстро заговорил:

— Ну, конечно. Я сам был потрясен. Даже поднос выронил. Безнравственная ложь, вот что это было! Хотел бы я знать…

Его прервали. То был всего лишь кашель, сухой тихий кашель, но он заставил его замолчать, словно крик во весь голос. Он уставился на господина судью Уогрейва, и тот кашлянул снова, а потом спросил:

— Кто поставил пластинку на граммофон? Вы, Роджерс?

Роджерс воскликнул:

— Я не знал, что на ней было. Перед Богом кля-

нусь, не знал, сэр. Я бы никогда ее не поставил, если бы знал.

Судья тихо заметил:

— Вероятно, вы говорите правду. Но, думаю, вам лучше все объяснить, Роджерс.

Дворецкий протер лицо носовым платком и пылко заявил:

— Я только повиновался приказам, сэр, вот и все.

— Чьим приказам?

— Мистера Оуэна.

Господин судья Уогрейв сказал:

— Давайте все выясним. Какими точно… были приказы мистера Оуэна?

Роджерс ответил:

— Я должен был поставить пластинку на граммофон. Найти ее в шкафу, и моя жена обязана была завести граммофон, когда я вошел в гостиную с кофейным подносом.

Судья прошептал:

— Замечательная история.

Роджерс воскликнул:

— Это правда, сэр. Клянусь перед Богом, правда. Я не знал, что на ней было, не знал. На ней была надпись… я подумал, что это просто музыка.

Уогрейв посмотрел на Ломбарда.

— Там было название?

Ломбард кивнул. Неожиданно он ухмыльнулся, обнажив свои белые острые зубы, и сказал:

— Совершенно верно, сэр. На ней было название «Лебединая песня»…

III

Неожиданно сорвался генерал Макартур. Он воскликнул:

— Это… нелепо! Нелепо! Разбрасывать подобные обвинения! Нужно что-то предпринять. Этот Оуэн… кто бы он там ни был…

Его прервала Эмили Брент. Она резко сказала:

— Действительно, кто он?

Вмешался судья. Он заговорил властно и авторитетно, к чему приучили его многие годы, проведенные в суде.

— Именно этим мы и должны заняться со всей тщательностью. Должен высказать предложение, чтобы первым делом вы уложили в постель свою жену, Роджерс. Потом возвращайтесь сюда.

— Да, сэр.

Доктор Армстронг сказал:

— Я вам помогу, Роджерс.

Опираясь на двух мужчин, миссис Роджерс засеменила из комнаты. Когда они ушли, Тони

Марстон сказал:

— Не знаю, как вы, сэр, но я бы выпил.

Ломбард заявил:

— Согласен.

Тони сказал:

— Пойду принесу запас.

И он оставил комнату.

Он вернулся через секунду-другую.

— Выпивка стояла наготове на подносе. Ждала пока ее внесут.

Он осторожно поставил свою ношу. И следующие несколько минут потратил на разливку. Генерал Макартур выбрал крепкий виски. Судья последовал его примеру. Похоже, все чувствовали потребность в стимулирующем средстве. Только Эмили Брент потребовала и получила стакан воды.

Доктор Армстронг вернулся в комнату.

— Она в полном порядке, — объявил он. — Я дал ей успокаивающее. Что это, выпивка? Я бы не отказался.

Несколько человек вновь наполнили свои бокалы. Минуты через три в комнату вошел Роджерс.

Господин судья Уогрейв взялся за ведение разбирательства. Комната стала импровизированным судом.

Судья начал:

— Итак, Роджерс, мы должны докопаться до причин. Кто такой мистер Оуэн?

Роджерс уставился на него.

— Он владеет этим домом, сэр.

— Я знаком с сим фактом. Я хочу, чтобы вы мне рассказали, что вам известно об этом человеке.

Роджерс покачал головой.

— Не могу, сэр. Дело в том, что я никогда его не видел.

По комнате пронесся слабый шорох.

Генерал Макартур сказал:

— Вы никогда его не видели? Что вы имеете в виду?

— Мы здесь меньше недели, сэр, я и моя жена. Мы были наняты письмом, через агентство Реджина в Плимуте.

Блор кивнул.

— Старая, респектабельная фирма, — выдал он информацию.

Уогрейв сказал:

— У вас есть это письмо?

— Письмо, которым нас наняли? Нет, сэр. Я его не сохранил.

— Продолжайте. Как вы говорите, вы были наняты посредством письма.

— Да, сэр. Мы должны были прибыть сюда в определенный день. Все было наготове. Достаточно еды и вообще все очень прилично. Просто надо было кое-где протереть пыль и все.

— Что потом?

— Ничего, сэр. Мы получили приказы — вновь письмом — приготовить комнаты для гостей, и потом, вчера с дневной почтой я получил другое письмо от мистера Оуэна. В нем говорилось, что он и миссис Оуэн задерживаются, и мы должны постараться подготовиться как можно лучше, и также были инструкции насчет обеда, кофе и пластинки.

Судья резко спросил:

— Несомненно, это письмо еще у вас?

— Да, сэр. Вот здесь.

Он извлек его из кармана. Судья его взял.

— Хм, — сказал он. — Штамп отеля «Ритц», отпечатано на машинке.

В следующий миг Блор очутился подле него и сказал:

— Позвольте взглянуть.

Он выхватил письмо из руки судьи и проглядел его. Он прошептал:

— Машинка «Коронейшн». Совсем новая, без дефектов. Бумага гербовая, широко используе-

мая. Из него ничего не выжмешь. Может быть, найдутся отпечатки пальцев, но сомневаюсь.

Угрейв неожиданно внимательно на него уставился.

Энтони Марстон, стоявший рядом с Блором, заглянул через его плечо и заметил:

— Ну и имечко у него, а? Улик Норман Оуэн. Прямо не выговоришь.

Старый судья, чуть вздрогнув, заметил:

— Я весьма вам признателен, мистер Марстон. Вы привлекли мое внимание к прелюбопытному и наводящему на определенные размышления пункту.

Он оглядел остальных и, резко выдвинув голову, словно сердитая черепаха, сказал:

— Думаю, наступило время поделиться друг с другом информацией. По-моему, было бы желательно, если бы каждый предъявил всю известную ему информацию о владельце этого дома, — он помолчал и продолжил:

— Мы все его гости. Мне думается, было бы полезно, если бы каждый из нас пояснил точно, как так получилось.

Наступила короткая пауза, и потом Эмили Брент решительно заговорила:

— Во всем этом есть что-то очень странное, —

начала она. — Я получила письмо с довольно неразборчивой подписью. Оно было написано якобы женщиной, с которой два или три года назад я встречалась на одном летнем курорте. Я решила, что ее фамилия или Огден, или Оливер. Я не знакома с миссис Оливер и с мисс Огден. Я совершенно уверена, что никогда не встречалась ни с кем и никогда не дружила ни с кем по фамилии Оуэн.

Господин судья Уогрейв спросил:

— Это письмо у вас при себе, мисс Брент?

— Да, я его принесу.

Она ушла и минуту спустя вернулась с письмом.

Судья прочитал его и сказал:

— Я начинаю понимать… Мисс Клэйторн?

Вера пояснила обстоятельства, при которых была нанята в качестве секретаря.

Судья сказал:

— Марстон?

Энтони ответил:

— Получил телеграмму. От своего товарища. Барсука Беркели. Помню, удивился, потому что думал, что старый хрыч укатил в Норвегию. Он звал меня закатиться сюда.

Снова Уогрейв кивнул и сказал:

— Доктор Армстронг?

— Меня вызвали в качестве профессионала.

— Понятно. Прежде вы не были знакомы с семьей?

— Нет. В письме был упомянут мой коллега.

Судья сказал:

— Чтобы придать ему правдоподобие… да и, полагаю, на данный момент связаться с этим коллегой невозможно?

— А… э… да.

Ломбард, который не сводил глаз с Блора, неожиданно сказал:

— Послушайте. Я только что подумал…

Судья поднял руку.

— Через минуту…

— Но я…

— Мы будем рассматривать все по порядку, мистер Ломбард. В данный момент мы расследуем причины, в результате которых собрались здесь сегодня вечером. Генерал Макартур?

Дергая себя за ус, генерал пробормотал:

— Получил письмо… от этого Оуэна… он упоминал некоторых моих старых товарищей, которые должны быть здесь… надеялся, что извиню его за формальное приглашение. Боюсь, письма я не сохранил.

Уогрейв спросил:

— Мистер Ломбард?

Ломбард активно размышлял, выйти ли ему в открытую или нет.

Он принял решение.

— То же самое, — сказал он. — Приглашение, у поминание общих друзей… я клюнул. Письмо разорвал.

Господин судья Уогрейв обратил свое внимание на мистера Блора. Его указательный палец погладил верхнюю губу, и голос стал опасно вежливым.

Он сказал:

— Только что мы испытали довольно волнующее переживание. Некий бестелесный голос обратился ко всем нам поименно, предъявив нам определенные четкие обвинения. Вскоре мы ими займемся. В данный момент меня интересует менее важный пункт, Среди упомянутых имен был Уильям Генри Блор. Но насколько нам известно, среди нас нет никого по фамилии Блор. Фамилия Дэйвис не упоминалась. Что на это скажете, мистер Дэйвис?

Блор мрачно ответил:

— Похоже, пришла пора вытащить кота из мешка. Наверное, мне лучше признаться, что моя

фамилия не Дэйвис.

— Вы — Уильям Генри Блор?

— Верно.

— Я кое-что добавлю, — сказал Ломбард. — Вы не только находитесь здесь под фальшивой фамилией, мистер Блор, но к тому же сегодня вечером я заметил, что вы — первоклассный лжец. Вы заявляете, что приехали из Натал, из Южной Африки. Я знаю Южную Африку и Натал и готов поклясться, что вы сроду в Южной Африке не бывали.

Все взгляды устремились на Блора. Сердитые, подозрительные взгляды. Энтони Марстон приблизился к нему на шаг. Его кулаки сжались.

— Ну, свинья, — сказал он. — Какие будут объяснения?

Блор вскинул голову и выпятил квадратную челюсть.

— Вы, джентльмены, не за того меня принимаете, — сказал он. — У меня имеются удостоверения, и вы их увидите. Я отставной сотрудник департамента уголовного розыска Скотленд-Ярда. Управляю детективным агентством в Плимуте. Меня наняли сюда на работу.

Господин судья Уогрейв спросил:

— Кто?

— Этот Оуэн. Включил в письмо кругленький чек на расходы и инструкции насчет того, что от меня требуется. Я должен был присоединиться к домашним, выдавая себя за гостя. Мне были сообщены все ваши фамилии. Я должен был наблюдать за всеми вами.

— А по какой причине?

Блор с горечью ответил:

— Драгоценности миссис Оуэн. Миссис Оуэн, черт побери! Я вообще не верю, что такой человек существует.

Вновь указательный палец судьи погладил верхнюю губу, на сей раз оценивающе.

— Думаю, ваши выводы вполне оправданны, — сказал он. — Улик Норман Оуэн! В письме мисс Брент, хотя фамилия совсем не разборчива, имена написаны довольно разборчиво — Уна. Нэнси — заметьте, в каждом случае инициалы одинаковы. Улик Норман Оуэн — Уна Нэнси Оуэн, точнее говоря, всякий раз — У. Н. Оуэн. Стоит лишь немного употребить фантазию — *АННОУН — НЕИЗВЕСТНЫЙ!*

Вера воскликнула:

— Но это же фантастично, это безумие, какое то сумасшествие!

Судья мягко кивнул и сказал:

— О, да. Я сам не сомневаюсь, что нас пригласил сюда сумасшедший, возможно, опасный маньяк.

Глава четвертая

I

Наступила краткая тишина, тишина, насыщенная страхом и озадаченностью. Потом опять тихий ясный голос судьи подхватил нить разговора.

— Теперь перейдем к следующей стадии нашего дознания. Однако сначала я должен добавить собственную лепту к общему списку.

Он вынул из кармана письмо и швырнул его на стол.

— Оно якобы написано моей подругой, леди Констанс Калмингтон. Я не видел ее несколько лет. Она уехала на Восток. Именно такое рассеянное бессвязное письмо она и должна была написать. Она просит меня присоединиться к ней здесь и очень расплывчато упоминает хозяина и хозяйку дома. Как вы заметите, техника та же самая. Я упомянул его только потому, что данное письмо согласуется с остальными доказательствами, из чего следует один интересный вывод. *Кто бы ни пригласил нас сюда, этот человек знает либо позаботился многое о нас разузнать.*

Он, кто бы он там ни был, знает о моей дружбе с Констанс Калмингтон и знаком с ее эпистолярным стилем. Он знает кое-что о коллегах доктора Армстронга и их настоящем местонахождении. Он знает прозвище друга мистера Марстона и то, какие телеграммы тот посылает. Он знает точно, где два года назад отдыхала мисс Брент и каких людей она там встречала. Он знает все о старых товарищах генерала Макартура.

Он помолчал и продолжил:

— *Как видите, ему известно многое.* И, использовав информацию касательно нас, он сформировал определенные обвинения.

Немедленно поднялся настоящий галдеж.

Генерал Макартур проорал:

— Паутина чертовой лжи! Клевета!

Вера воскликнула:

— Это чудовищно! — Она задышала быстро и нервно. — Безнравственно!

Роджерс хрипло произнес:

— Ложь… безнравственная ложь… мы никогда… никто…

Энтони Марстон прорычал:

— Понятия не имею, к чему клонит этот чертов дурак!

Поднятая рука господина судьи Уогрейва пре-

кратила вавилонское столпотворение.

Он заговорил, осторожно подбирая слова:

— Я желаю сказать следующее. Наш неизвестный друг обвиняет меня в убийстве некоего Эдварда Ситона. Я отлично помню Ситона. Он предстал передо мной на суде в июне 1930 года. Ему было предъявлено обвинение в убийстве пожилой женщины. Защита у него была отличная, и он произвел хорошее впечатление на присяжных. Тем не менее доказательства свидетельствовали: вне всяких сомнений, что он был виновен. 51 провел суммирование в соответствии с данным фактом, и присяжные вынесли вердикт — виновен. Вынеся смертный приговор, я действовал в соответствии с вердиктом. Апелляция основывалась на том, что процесс якобы велся неправильно. Апелляция была отвергнута, и преступник должным образом наказан. Я желаю заявить перед всеми вами, что моя совесть абсолютно чиста. Я лишь выполнил свой долг, не более. Я вынес приговор справедливо осужденному убийце.

Теперь доктор Армстронг вспомнил. Дело Ситона! Вердикт был встречен с огромным удивлением. Он виделся с Мэттьюсом, королевским адвокатом, в один из дней процесса во время

обеда в ресторане. Мэттьюс был полностью в себе уверен. «В вердикте нет сомнений. Оправдание практически в кармане». И потом он не раз слышал замечания: «Судья был намертво против него. Развернул присяжных на 180 градусов, и они вынесли вердикт — виновен. Правда, вполне легально. Старый Уогрейв закон знает. Иногда даже кажется, что он отомстил парню за что-то».

Все эти воспоминания пронеслись в голове доктора. Не успев обдумать разумность вопроса, он импульсивно выпалил:

— Вы вообще знали Ситона? Я имею в виду до дела?

Полуприкрытые веками змеиные глаза встретили его взгляд. Ясным ледяным голосом судья ответил:

— Я не знал Ситона до процесса.

Армстронг подумал: «Он *лжет*… я знаю, что он *лжет*».

II

Дрожащим голосом заговорила Вера Клэйторн.

— Я бы хотела вам рассказать. О том ребенке… Сирилле Хамилтоне. Я была его гувернанткой. Ему было запрещено заплывать далеко. В один день, когда я отвлеклась, он уплыл. Я бросилась

вслед за ним... я не успела вовремя... Это было ужасно.. — Но я ни в чем не виновата. На дознании коронер полностью меня реабилитировал. И его мать... она была так добра. Если даже она не винила меня... почему... почему тогда кто-то говорит такую ужасную ложь? Это нечестно... нечестно...

Она оборвалась и горько заплакала.

Генерал Макартур похлопал ее по плечу и сказал:

— Ну, ну, моя милая. Конечно, это неправда. Этот человек — сумасшедший. Сумасшедший! У него какая-то пчела в шляпе засела! Все напутал.

Он выпрямился, расправил плечи и выдавил:

— Право, лучше вообще не отвечать на такую мерзость. Однако я считаю своим долгом сказать, что нет ни капли правды... ни капли правды в том, что он говорил о... э... молодом Артуре Ричмонде. Ричмонд был одним из моих офицеров, Я послал его на разведку. Он был убит. Во время войны это совершенно естественно. Желаю вам сообщить, что серьезно оскорблен... клеветой на мою жену. Она была лучшей женщиной в мире, настоящая жена Цезаря[18]!

---

[18] Примечания: 18
Человек, стоящий вне подозрений.

Генерал Макартур сел. Дрожащей рукой он дернул себя за ус. Усилие, с которым он говорил, стоило ему многого.

В разговор вступил Ломбард. У него были веселые насмешливые глаза. Он начал:

— Что касается этих туземцев…

Марстон спросил:

— Что туземцы?

Филип Ломбард ухмыльнулся.

— Все совершенно верно! Я их бросил! Вопрос самосохранения. Мы заблудились в буше. Я и пара других парней захватили всю еду и смылись.

Генерал Макартур сурово сказал:

— Вы оставили своих людей… оставили их умирать с голоду?

Ломбард ответил:

— Боюсь, не совсем в духе пукка сагиба[19]. Но самосохранение — первейший долг человека. И знаете, туземцы вообще не возражают умирать, они относятся к смерти совсем иначе, чем мы, европейцы.

Вера подняла лицо с рук и произнесла, уставившись на него:

— И вы оставили их… *умирать?*

---

[19] Примечания: 19
Белого господина — *инд.*

Ломбард ответил:

— Я оставил их умирать.

Его насмешливые глаза встретились с ее, полными ужаса.

Энтони Марстон произнес медленным озадаченным голосом:

— Я вот думал… Джон и Люси Комбз. Должно быть это пара детишек, которых я переехал неподалеку от Кембриджа. Жутко не повезло.

Господин судья Уогрейв ядовито спросил:

— Им или вам?

Энтони сказал:

— Ну, я думал… мне… но, конечно, вы правы, сэр, им чертовски не повезло. Разумеется, это был самый обычный несчастный случай. Они выскочили из какого-то коттеджа. Между прочим, мою лицензию приостановили на год. Чертовски досадно.

Доктор Армстронг разгоряченно заявил:

— Нельзя так быстро ездить… нельзя! Такие молодые люди, как вы, опасны для общества.

Энтони пожал плечами и сказал:

— Скорость предшествует остановке. Конечно, английские дороги безнадежны. На них невозможно разогнаться как следует.

Он рассеянно огляделся в поисках своего бо-

кала, взял его со стола, подошел к небольшому столику возле стены и налил себе еще виски с содовой, после чего бросил через плечо:

— Ну, во всяком случае, я ни в чем не виноват. Просто несчастный случай!

Слуга Роджерс облизывал губы и ломал руки. Теперь он сказал низким почтительным голосом:

— Могу ли я сказать несколько слов, сэр?

Ломбард заявил:

— Валяйте, Роджерс.

Роджерс прочистил горло и опять облизал пересохшие губы.

— Там упоминались я и миссис Роджерс, сэр. И мисс Брэди… Это все неправда, сэр. Моя жена и я служили у мисс Брэди, пока она не умерла. Она всегда была слаба здоровьем, сэр, всегда, еще до того, как мы поступили к ней на службу. В ту ночь, сэр, разразилась буря… в ту ночь, когда ей стало плохо. Телефон не работал. Мы не смогли вызвать ей врача. Я пошел за ним, сэр, пешком. Но он прибыл слишком поздно. Мы сделали для нее все возможное, сэр. Мы так были ей преданы. Все вам скажут то же самое. Никогда против нас и слова никто не говорил. Ни слова.

Ломбард задумчиво посмотрел на его переко-

шенное лицо, сухие губы, ужас, застывший в глазах. Он вспомнил грохот упавшего подноса. Он подумал, но не сказал вслух: «О, да вы что?»

Затворил Блор своим добродушным, задиристым официальным голосом.

— Однако после ее смерти кое-чего получили? А?

Роджерс выпрямился и чопорно ответствовал:

— Мисс Брэди оставила нам небольшое наследство в признательность за верную службу. А почему бы нет, хотел бы я знать?

Ломбард спросил:

— А что насчет вас самого, мистер Блор?

— Что насчет меня?

— Ваше имя было включено в список.

Блор стал пурпурным.

— Вы имеете в виду Лэндора? То было ограбление банка — Лондонского и Коммерческого.

Господин судья Уогрейв зашевелился и сказал:

— Помню. Я этим делом не занимался, но его помню. Лэндора осудили на основании ваших показаний. Вы расследовали то преступление?

Блор ответил:

— Да, я.

— Лэндора приговорили к пожизненной катор-

ге, и он умер в Дартмуре[20] год спустя. Он был человек слабый.

Блор заявил:

— Он был мошенником. Именно он пристукнул ночного сторожа. Доказательства против него были вполне определенными.

Уогрейв медленно произнес:

— Кажется, вам выразили благодарность за умелое ведение дела.

Блор мрачно заявил:

— Я получил повышение.

И добавил хриплым голосом:

— Я только выполнял свой долг.

Ломбард засмеялся неожиданным звенящим смехом и сказал:

— Какие здесь собрались любящие долг и законопослушные люди! Я исключаю себя. Что вы скажете, доктор, о себе и о своей маленькой профессиональной ошибке? Нелегальная операция, а?

Эмили Брент с резким отвращением взглянула на него и немного отодвинулась.

Доктор Армстронг, прекрасно владея собой, добродушно покачал головой.

---

[20] Примечания: 20

Дартмур — знаменитая тюрьма в графстве Девоншир посреди болот. Построена первоначально в 1809 году для французских военнопленных.

— Я совсем ничего не понимаю, — сказал он. — Эта названная фамилия ничего для меня не значит. Как там она: Клис? Клоуз? Право, не помню пациентку с такой фамилией и вообще, что был связан с чьей-то смертью. Признаюсь, я в полном недоумении. Это какая-то тайна. Конечно, много времени прошло. Может быть, то была одна из моих оперируемых в больнице. Очень часто больные поступают слишком поздно. И потом, когда пациент умирает, говорят, что во всем виноват хирург.

Он вздохнул, покачал головой и подумал:

«Я был пьян — вот что было, пьян... И оперировал! Нервы ни к черту, руки трясутся. Я ее убил, что там говорить. Бедняжка пожилая женщина, и операция была проще некуда, если бы я был трезв. Мне повезло, что в нашей профессии существует лояльность. Сестра, конечно, знала, подержала язык за зубами. Боже, какой это был шок! Именно он заставил меня взять себя в руки. Но кто мог об этом узнать... после стольких лет?»

IV

В комнате воцарилась тишина. Все смотрели украдкой или в открытую на Эмили Брент. Про-

шло минуты две перед тем, как она поняла, чего от нее ждут. Ее брови поднялись на узком лбу, и она произнесла:

— Вы ждете, что я что-нибудь скажу? Мне нечего сказать.

Судья спросил:

— Нечего, мисс Брент?

— Нечего.

Ее губы плотно сжались.

Судья погладил себя по лицу и кротко заметил:

— Вы оставляете за собой право на защиту?

Мисс Брент ледяным тоном ответила:

— Не может быть и речи ни о какой защите. Я всегда действовала в соответствии с указаниями своей совести. Мне не в чем себя упрекнуть.

В комнате витало неудовлетворенное ощущение. Но общественному мнению было нелегко поколебать Эмили Брент. Она была непреклонна.

Судья раза два прочистил горло и сказал:

— В таком случае наше дознание продолжается. Послушайте, Роджерс, кто еще есть на острове, кроме нас, вас и вашей жены?

— Никого, сэр. Никого.

— Вы уверены?

— Совершенно уверен, сэр.

Уогрейв сказал:

— Мне все еще не ясна цель нашего неизвестного хозяина, собравшего нас здесь. Но, по-моему, этот человек, кто бы он ни был, не совсем нормальный в общепринятом смысле данного слова. Он может быть опасным. И, по-моему, нам было бы неплохо как можно скорее отсюда уехать. Предлагаю отбыть сегодня ночью.

Роджере сказал:

— Прошу прощения, сэр, но на острове нет лодки.

— Совсем нет лодки?

— Да, сэр.

— Как же вы держите связь с материком?

— Фред Нарракотт, он каждое утро приплывает сюда, сэр. Он привозит хлеб, молоко, почту и берет заказы.

Господин судья Уогрейв сказал:

— Тогда, по-моему, было бы неплохо уехать завтра утром, как только прибудет лодка Нарракотта.

Раздался хор согласия, и только один голос высказался против. Против большинства высказался Энтони Марстон.

— Немного неспортивно, а? — сказал он. — Нам следует разнюхать эту тайну перед тем, как мы

уедем. Больно все смахивает на детектив. Очень возбуждающе.

Судья ядовито заметил:

— Когда мне было столько лет, сколько вам сейчас, я не особенно желал «возбуждений», как вы изволили выразиться.

Энтони с ухмылкой ответил:

— Жизнь законника ограничена! Я всей душой за преступление! Я пью за него!

Он взял свой бокал и одним глотком его осушил.

Наверное, слишком быстро. Он поперхнулся… сильно поперхнулся. Его лицо исказилось, стало пурпурным. Он разинул рот, ища глоток воздуха, потом соскользнул со стула, и бокал выпал из его руки.

Главая пятая

I

Это было столь внезапно и неожиданно, что все затаили дыхание и глупо таращились на бесформенную фигуру, съежившуюся на полу.

Потом доктор Армстронг вскочил на ноги и подошел к нему, встал на колени. Когда он поднял голову, в его глазах читалась озадаченность. Он произнес низким, каким-то благоговейным шепотом:

— Боже мой! Он мертв.

Они не поняли… Не сразу.

Мертв? *Мертв*? Этот юный скандинавский бог в расцвете здоровья и силы? Сражен в один момент. Здоровые молодые люди так не умирают — не умирают, поперхнувшись виски с содовой…

Нет, они не могли понять.

Доктор Армстронг вгляделся в лицо покойника. Он понюхал синие, скривленные губы. Потом взял бокал, из которого пил Энтони Марстон.

Генерал Макартур сказал:

— Мертв? Уж не имеете ли вы в виду, что этот парень просто поперхнулся и… умер?

Врач ответил:

— Можно сказать, что он поперхнулся, если вам так хочется, точнее, задохнулся. Он умер от удушья, асфиксии.

Он понюхал бокал. Окунул палец в остатки и очень осторожно притронулся им к кончику своего языка.

Выражение его лица изменилось.

Генерал Макартур сказал:

— Никогда не слышал, чтобы человек вот так вот умер… просто поперхнувшись!

Эмили Брент ясным голосом произнесла:

— И в расцвете жизни нас подстерегает смерть.

Доктор Армстронг встал и отрывисто сказал:

— Нет, он умер не просто от приступа удушья. Смерть Марстона не была естественной смертью.

Вера почти шепотом спросила:

— В виски… что-то… было?

Армстронг кивнул.

— Да. Что, точно сказать не могу. Но явно один из цианидов. Отличительного запаха синильной кислоты нет, вероятно, это был цианид калия. Он действует практически немедленно.

Судья резко спросил:

— Он был в бокале?

— Да..

Доктор подошел к столу, на котором стояли вина. Он вынул из бутылки с виски пробку и понюхал и попробовал его. Потом попробовал содовую и покачал головой:

— Здесь ничего нет.

Ломбард сказал:

— Вы имеете в виду… что он *сам* подложил себе что-то в бокал?

Армстронг кивнул со странно неудовлетворенным выражением и сказал:

— Похоже на то.

Блор заметил:

— Самоубийство, а? Странно, странно.

Вера медленно проговорила:

— Никогда бы и не подумала, что он должен покончить с собой. Он был такой живой. Он… он… наслаждался собой и жизнью! Когда он ехал по холму в своей машине сегодня вечером, он был похож… он был похоже… о… я не могу *пояснить!*

Но они знали, что она имела в виду. Энтони Марстон находился в расцвете молодости *и* силы и казался каким-то бессмертным существом. А теперь он бесформенной грудой лежал на полу.

Доктор Армстронг спросил:

— А разве имеются иные возможности, нежели самоубийство?

Все медленно покачали головами. Других версий и быть не могло. Сами напитки оказались безвредными. Они все видели, как Энтони Марстон подошел к столу и налил себе виски. Посему следовало, что цианид в бокал должен был положить сам Энтони Марстон.

И однако… почему Энтони Марстон совершил самоубийство?

Блор задумчиво произнес:

— Вы знаете, доктор, мне кажется, что здесь что-то не так. Я бы не сказал, что Энтони Марстон относится к тому типу джентльменов, которые могут совершить самоубийство.

Армстронг ответил:

— Согласен.

II

На этом они и оставили обсуждение вопроса. А что еще они могли сказать? Армстронг и Ломбард отнесли безжизненное тело Энтони Марстона в его спальню и положили там, накрыв простыней.

Когда они вновь спустились вниз, остальные стояли, сбившись в кучку и время от времени

поеживаясь, хотя ночь и не была холодной.

Эмили Брент заявила:

— Нам лучше лечь спать. Уже поздно.

И действительно, уже было больше двенадцати часов ночи. Предложение *было* вполне разумным, однако все заколебались. Словно для успокоения цеплялись за общество друг друга.

Судья заявил:

— Да, мы должны выспаться.

Роджерс сказал:

— Я еще не убирал… в столовой.

Ломбард сжато бросил:

— Утром уберете.

Армстронг спросил у него:

— Ваша жена в порядке?

— Пойду посмотрю, сэр.

Он вернулся через минуту-другую.

— Она сладко спит.

— Хорошо, — сказал доктор. — Не беспокойте ее.

— Что вы, сэр. Я просто приберусь в столовой, удостоверюсь, что все заперто, и тогда отправлюсь на покой.

И он направился по холлу в столовую.

Другие медленно и как-то неохотно поднялись наверх.

Если бы это был старый дом со скрипящим полом и темными тенями, и стенами, обитыми панелями, могло бы возникнуть какое-то сверхъестественное ощущение. Но этот дом был олицетворением современности. Никаких темных углов, никаких панелей, скрывающих тайники, его наводнял электрический свет — все в нем было новое, яркое и сияющее. Ничего скрытного, — ничего таинственного. Дом вообще не имел атмосферы. И почему-то это было самым страшным…

На верхней площадке они пожелали друг другу спокойной ночи. Каждый вошел в свою комнату и почти бессознательно запер дверь…

III

В своей приятной комнате, выкрашенной в мягкие тона, господин судья Уогрейв разоблачился и приготовился ко сну.

Он думал об Эдварде Ситоне.

Он очень хорошо помнил Эдварда Ситона. Его волосы, его голубые глаза, его привычку смотреть прямо в лицо с простым откровенным видом. Именно это произвело такое хорошее впечатление на присяжных.

Луэллин, действовавший от имени Короны[21], немного испортил дело. Чересчур уж был неистов, пытался доказать слишком много. Мэттьюс же, с другой стороны, защитник, оказался хорош. Его точки зрения были обоснованы. Перекрестный допрос беспощаден. Управление клиентом, когда тот давал показания, — верх мастерства.

И Ситон неплохо преодолел испытание перекрестного допроса. Не был ни возбужден, ни чересчур неистов. На присяжных это произвело хорошее впечатление. Возможно, Мэттьюсу казалось, что все неприятности суда позади и уже можно праздновать победу.

Судья тщательно завел свои часы и поместил их рядом с кроватью.

Он прекрасно помнил, как сидел там — скучал, делал пометки, оценивал все, сводил в систему каждый обрывок информации, свидетельствующей против подсудимого.

Он наслаждался тем процессом! Финальная речь Мэттьюса была первоклассна. Луэллину, выступавшему после него, не удалось испортить того впечатления, которое произвел защитник.

И потом наступила очередь его суммирова-

---

[21] Примечания: 21
Т. е. прокурор.

ния…

Господин судья Уогрейв осторожно вынул свои фальшивые зубы и опустил их в стакан с водой. Сморщенные губы запали. Теперь это был жестокий рот, жестокий и хищный.

Закрывая глаза, судья улыбнулся сам себе.

Он отлично изжарил гуся Ситона!

Издав ревматическое фырканье, он влез в постель и выключил свет.

IV

Внизу, в столовой, стоял озадаченный Роджерс.

Он таращился на фарфоровые фигурки в центре стола. Он пробормотал себе под нос:

— Что же творится! Я мог бы поклясться, что их было 10.

V

Генерал Макартур беспокойно метался по кровати.

Сон к нему никак не шел.

В темноте он все время видел лицо Артура Ричмонда.

Он любил Артура… чертовски любил. И был доволен, что и Лесли он пришелся по душе.

Лесли была такая капризная. Перед многими хорошими парнями она вздергивала носик и объявляла их «скучными»! Вот так вот. Но Артура Ричмонда она скучным не посчитала. Они с самого начала отлично поладили. Они разговаривали о пьесах, музыке и картинах. Она дразнила его, подшучивала над ним, разыгрывала его. И он, Макартур, был восхищен при одной лишь мысли, что Лесли питает материнский интерес к мальчику. Материнский! Каким же дураком он был, когда не помнил, что Ричмонду было 28, а Лесли — 29.

Он любил Лесли. Он мог сейчас ее представить. Ее лицо в форме сердца, ее танцующие серые глаза и коричневую вьющуюся копну волос. Он любил Лесли и верил в нее абсолютно.

И там, во Франции, посреди этого ада, он думал о ней, вынимал ее изображение из нагрудного кармана своего мундира и смотрел.

И потом… он узнал!

Все произошло именно так, как описывается в книгах. Письмо не в том конверте. Она написала им обоим и положила письмо Ричмонда в конверт, адресованный мужу. Даже сейчас, спустя столько лет, он чувствовал шок… и боль…

Господи, какую он испытал боль!

И их роман продолжался уже некоторое время. Из письма это было ясно. Уикэнды! Последний отпуск Ричмонда… Лесли… Лесли и Артур!

Черт бы побрал этого парня! Черт бы побрал его улыбающееся лицо, его живое: «Да, сэр»! Лжец и лицемер! Похититель чужой жены!

Он нарастал медленно — этот ледяной убийственный гнев.

Ему удалось вести себя, как обычно, — ничего не выдавать. Он попытался относиться к Ричмонду, как и раньше.

Удалось ли ему? Он думал, что да. Ричмонд ничего не заподозрил. Перемены настроения там объяснялись легко, ведь у всех нервы были напряжены до предела.

Только юный Эрмитэйдж раз иди два как-то странно взглянул на него. Совсем молодой парень, но мальчишка с пониманием.

Возможно, Эрмитэйдж догадался, когда пришло время.

Он намеренно послал Ричмонда на смерть. Только чудо могло еш спасти. Чуда не произошло. Да, он послал Ричмонда на смерть и не жалел. Ведь это было так просто. Ошибки совершались постоянно, офицеров без всякой надобности посылали на смерть. Неразбериха, паника. Лю-

ди потом могли бы сказать: «Старый Макартур немного разнервничался, наделал колоссальных промахов, принес в жертву некоторых лучших своих людей». Но ничего больше.

Но юный Эрмитэйдж был другой. Он очень странно поглядывал на своего начальника. Возможно, он знал, что Ричмонд был специально послан на смерть.

(Когда война закончилась, Эрмитэйдж заговорил?)

Лесли не знала. Лесли оплакивала своего любовника (он так полагал), но когда он вернулся в Англию, ее стенания закончились. Он так и не сказал ей, что узнал. Они по-прежнему жили вместе… только почему-то она больше не казалась реальной. И через три-четыре года она заболела двусторонней пневмонией и умерла.

Это было давным-давно, 15 лет назад… 16?

И он вышел в отставку, и приехал в Девон; купил маленькое поместье, о каком всегда мечтал. Приличные соседи приятное место. Можно было и поохотиться, и порыбачить! По воскресеньям он ходил в церковь (но только не в тот день когда читалась проповедь о том, как Давид приказал послать Урию во время сражения во

главе войска.[22] Почему-то он не мог ее слушать. Сразу начинал испытывать какое-то неприятное чувство).

Все были к нему очень любезны. Точнее говоря, сначала. Потом он обеспокоенно почувствовал, что люди говорят о нем за его спиной. И почему-то смотрели на него как-то иначе. Словно что-то услышали, какую-то лживую сплетню.

(Эрмитэйдж? Наверное, Эрмитэйдж заговорил?)

Тогда он стал избегать людей, замкнулся в себе. Неприятно чувствовать, что другие тебя обсуждают. Все это было так давно. И теперь так… так бесцельно. Лесли со временем поблекла, и Артур Ричмонд — тоже. Уже ничто не имело значения. А вот жизнь стала одинокой. Он начал избегать своих старых армейских друзей.

(Если Эрмитэйдж говорил, они все знают.)

И сейчас… сегодня вечером… скрытый *голос* сорвал все покровы с той давнишней тайны.

Он повел себя, как полагалось? Как говорится, верхняя губа у него не дрогнула? Выказал ли он нужное количество чувств… негодования, от-

---

[22] Примечания: 22

Урия — первый муж Вирсавии, посланный по приказу Давида туда, где шло жестокое сражение. После смерти Урии Вирсавия стала любимой женой Давида. Библия.

вращения… но ни капли вины, замешательства? Трудно сказать.

Конечно, никто не мог серьезно отнестись к обвинению. Тут было полным-полно другой чепухи, такой притянутой за уши. К примеру, та очаровательная девушка — голос обвинил ее в том, что она утопила ребенка! Идиотизм! Просто какой-то сумасшедший городит всякую чепуху! Эмили Брент тоже она ведь племянница старого Тома Брента из полка. Голос обвинил *ее* в убийстве! Даже слепой бы сразу видел, что человека набожней ее не найти… из тех, кого с пасторами водой не разольешь.

Чертовски странное дело! Безумство какое-то.

Все время с тех пор, как они сюда прибыли… когда же это было? Черт подери, только сегодня днем! А кажется, уже столько времени прошло.

Он подумал: «Интересно, когда мы отсюда уедем?

Конечно, завтра, когда придет катер с материка».

Забавно, в эту самую минуту он не захотел уезжать с острова… Возвращаться на материк, назад в свой маленький дом, назад ко всем заботам и тревогам. В открытое окно вливался шум волн, бьющихся о скалы, — теперь он стал немного

громче, чем был вчера. И ветер тоже крепчал. Он подумал: «Мирный звук. Мирное место… Место, полное покоя…»

Он подумал: «В острове самое лучшее то, что, попав на него, идти больше некуда… на острове конец всему…»

И неожиданно он понял, что не хочет уезжать с острова.

VI

Вера Клэйторн лежала в постели. Она не спала. Ее глаза уставились в потолок.

Лампа рядом с кроватью была включена. Темнота ее пугала.

Она думала:

«Хьюго… Хьюго… почему сегодня я чувствую, что ты совсем рядом?.. Где-то близко-близко…

Где он в самом деле? Не знаю. И никогда не узнаю. Он просто ушел… навсегда… из моей жизни».

Не стоит пытаться не думать о Хьюго. Он был рядом. Она *должна* о нем думать… вспоминать…

Корнуэлл…

Черные скалы — гладкий желтый песок. Миссис Хамилтон, коренастая добродушная крепышка. Сирилл, всегда хнычущий, дергает ее за руку.

— Я хочу поплыть к той скале, мисс Клэйторн. Почему я не могу поплыть к той скале?

Поднимает голову… встречает взгляд Хьюго, который пристально наблюдает за ней. Вечером Сирилла уложили спать.

— Пойдемте прогуляемся, мисс Клэйторн.

— Я не против.

Приличная прогулка по пляжу. Лунный свет, мягкий воздух Атлантики. И потом руки Хьюго, заключившие ее в объятья.

— Я люблю вас. Я люблю вас. Вы знаете, что я люблю вас, Вера?

Да, она знала.

(Или думала, что знала.)

— Я не могу попросить вас выйти за меня замуж. У меня нет ни пенни. Я могу лишь содержать себя. Знаете, странно, целых три месяца у меня был шанс стать богатым человеком. Сирилл родился через три месяца после смерти Мориса. Если бы он был девочкой.

Если бы ребенок был девочкой, Хьюго получил бы все. Он признал, что испытал разочарование.

— Конечно, я не должен был строить планов. Но все равно было тяжело. О, что ж, удача есть удача! Сирилл — милый ребенок. Я ужасно его люблю.

И он действительно его любил. Всегда готов был поиграть со своим маленьким племянником, позабавить его. Хьюго по природе был совсем не враждебным человеком.

Сирилл был не очень здоровым. Хилый ребенок, невыносливый. Вполне возможно, что он не дожил бы до зрелости…

И тогда?..

— Мисс Клэйторн, почему я не могу поплыть к той скале?

Раздражающее писклявое бормотанье.

— Они слишком далеко, Сирилл..

— Но, мисс Клэйторн…

Вера встала. Она подошла к туалетному столику и проглотила три таблетки аспирина.

Она подумала:

«Хорошо бы иметь настоящее снотворное.

Если бы я решила покончить с собой, то приняла бы смертельную дозу веронала, или чего-то в этом роде, не цианид».

Она поежилась, вспомнив перекошенное пурпурное лицо Энтони Марстона.

Проходя мимо камина, она взглянула на обрамленные вирши.

«10 негритят отправились обедать.

Один поперхнулся и тогда их стало...»

Она подумала:

«Ужасно... *прямо как сегодня вечером...»*

Почему Энтони Марстон захотел умереть?

Она не хотела умирать.

Она не могла себе представить, как можно хотеть умереть...

Смерть была предназначена другим...

Глава шестая

Доктор Армстронг видел сон…

В операционной было очень жарко…

Ну не слишком ли они натопили? Пот струился по его лицу. Руки были влажные и липкие. Трудно твердо держать скальпель…

Какой он был острый…

Легко убить таким ножом. И, конечно, он *совершал* убийство…

Тело женщины было тугим. Оно должно было быть большим и громоздким. А было тощим и хрупким. И лицо было спрятано.

Кого он должен убить?

Он не мог вспомнить. Но *должен* же он знать! Может быть, спросить сестру?

Сестра наблюдала за ним. Нет, он не мог ее спросить. Она подозревала, он видел, что она подозревала.

Но кто же на операционном столе?

Не надо было так покрывать лицо…

Если бы только он мог видеть лицо…

А! Вот так лучше. Молодой практикант убрал платок.

Ну, конечно, Эмили Брент. Он должен убить Эмили Брент. Какие злобные у нее глаза! Ее губы движутся. Что она говорит?

«В расцвете жизни нас подстерегает смерть…»

А сейчас она смеялась. Нет, сестра, не кладите снова носовой платок. Я должен видеть. Я должен дать наркоз. Где эфир? Я должен был захватать с собой эфир. Что вы сделали с эфиром, сестра? Chateau Neuf du Pape[23]) Да, тоже пойдет. Уберите носовой платок, сестра.

Конечно. Я все время это знал! Это *Энтони Марстон!* Его лицо пурпурное и перекошенное. Но он не мертв — он смеется. Говорю вам, он смеется! Он раскачивает операционный стол.

Осторожней, осторожней. Сестра, держите его… держите стол…

Неожиданно вздрогнув, доктор Армстронг проснулся. Было утро. Солнечный свет потоком вливался в комнату.

И кто-то склонился над ним — тряс его. Это был Роджерс. Роджерс с бледным лицом, бормочущий:

— Доктор… доктор!

---

[23] Примечания: 23

Новый замок Папы Римского — *букв., фр.* Сорт сухого красного вина.

Доктор Армстронг проснулся окончательно.

Он сел на кровати и резко спросил:

— Что случилось?

— Моя жена, доктор. Я *не могу ее разбудить*. Боже мой! Я не могу ее разбудить. И… и она выглядит как-то не так.

Доктор Армстронг действовал быстро и четко. Он накинул халат и последовал за Роджерсом.

Он склонился над кроватью, на которой женщина мирно лежала на боку. Он поднял холодную руку, веко. Прошло всего несколько минут перед тем, как он выпрямился и отвернулся от кровати.

Роджерс прошептал:

— Она… она… она..?

Он облизал пересохшие губы.

Армстронг кивнул.

— Да, ее не стало.

Он задумчиво посмотрел на стоящего перед ним человека. Потом они подошли к столику возле кровати, к умывальнику и вернулись к спящей вечным сном женщине.

Роджерс спросил:

— Это… было… сердце у нее сдало, доктор?

Доктор Армстронг помедлил минуту-другую перед тем, как ответить, и потом сказал:

— Здоровье у нее было нормальное?

Роджерс ответил:

— Ревматизм маленько мучил.

— В последнее время она к врачу обращалась?

— К врачу? — Роджерс уставился на нее. — Сто лет к докторам не ходили — ни она, ни я.

— У вас нет никаких причин полагать, что у нее было больное сердце?

— Нет, доктор. Ничего подобного мне не известно.

Армстронг спросил:

— Она хорошо спала?

Теперь Роджерс постарался отвести глаза. Он сцепил руки и сплетал и расплетал пальцы. Он пробормотал:

— Она плоховато спала… да.

Доктор резко произнес:

— Она принимала что-нибудь для сна?

Роджерс удивленно уставился на него.

— Принимала? Для сна? Не знаю. Уверен, что нет.

Армстронг подошел к умывальнику.

Там стояло несколько пузырьков. Лосьон для волос, лавандовая вода, каскара[24], огуречный

---

[24] Примечания: 24
Слабительное.

глицерин для рук, вода для полоскания рта, зубная паста и кое-какая продукция фирмы «Эллимэнз»[25]. Роджерс помог вытащить ящики туалетного столика. От него они перешли к комоду. Но нигде не было никаких признаков снотворного.

Роджерс сказал:

— Вчера вечером она ничего не принимала, сэр, кроме того, что ей дали вы…

II

Когда в 9 часов прогудел гонг, созывая всех к завтраку, оказалось, что гости уже встали и только ждали сигнала.

Генерал Макартур и судья расхаживали по террасе, обмениваясь бессвязными замечаниями насчет политического положения.

Вера Клэйторн и Филип Ломбард взобрались на вершину острова, которая была позади дома. Там они обнаружили Уильяма Генри Блора, который пристально смотрел на материк.

Он сказал:

— Пока что никаких признаков катера. Я его ждал.

---

[25] Примечания: 25
Парфюмерная фирма.

Вера, улыбнувшись, заметила:

— Девон — сонное графство. Тут обычно поздно принимаются за дело.

Филип Ломбард смотрел в другую сторону — на море.

Он резко спросил:

— Что вы думаете насчет погоды?

Взглянув на небо, Блор заметил:

— По-моему, все в полном порядке.

Ломбард вытянул губы трубочкой и присвистнул.

Он сказал:

— Еще до того, как закончится день, поднимется настоящая буря.

Блор произнес:

— Шквал… а?

Снизу до них донесся гул гонга.

Филип Ломбард сказал:

— Завтрак? Что ж, я бы не стал отказываться.

Когда они спускались по крутому склону, Блор задумчиво обратился к Ломбарду:

— Знаете, понять не могу, почему этот парень решил покончить с собой? Я всю ночь заснуть не мог.

Вера шла чуть впереди. Ломбард немного поотстал и спросил:

— Есть у вас какая-нибудь альтернативная теория?

— Я бы хотел раздобыть побольше доказательств. Ну, во-первых, мотив, Думается, он был человеком состоятельным.

Из окна гостиной им навстречу вышла Эмили Брент.

Она резко спросила:

— Лодка идет?

— Пока еще нет, — ответила Вера.

Они вошли в дом. Их ожидало большое блюдо с яичницей и беконом ка буфете, чай и кофе.

Роджерс распахнул для них дверь и потом закрыл ее снаружи.

Эмили Брент заметила:

— Сегодня утром он выглядит так, словно болен.

Доктор Армстронг, стоявший у окна, прочистил горло и сказал:

— Вы должны извинить его за все… недостатки. Роджерс постарался, как мог, в одиночку приготовить завтрак. Миссис Роджерс… э… не смогла выполнять свои обязанности.

Эмили Брент резко поинтересовалась:

— Что с ней случилось?

Доктор Армстронг заметил:

— Давайте завтракать. Яичница скоро остынет. Потом я бы хотел обсудить со всеми вами несколько вопросов.

Его намек поняли. Тарелки наполнились, чай и кофе были разлиты. Завтрак начался.

На разговоры об острове с общего согласия было наложено табу. Вместо этого рассуждали о последних событиях. Новости из-за рубежа, новости спорта, последнее появление лох-несского чудовища.

Затем, когда тарелки опустели, доктор Армстронг чуть отодвинул свой стул, многозначительно прочистил горло и заговорил:

— Я думал лучше подождать, пока вы завтракаете, и только потом сообщить печальное известие. Миссис Роджерс умерла во сне.

Отовсюду послышались изумленные и испуганные восклицания.

Вера воскликнула:

— Какой ужас! Уже две смерти на острове с тех пор, как мы приехали!

Господин судья Уогрейв, прищурив глаза, произнес своим тихим, четким, ясным голосом:

— Хм… очень примечательно… какова же причина смерти?

Эмили Брент, твердо сжав губы, произнесла:

— Вы все слышали. Ее вместе с мужем обвинили в том, что они убили свою прежнюю работодательницу — старую даму.

— И вы считаете..?

Эмили Брент продолжила:

— Я считаю, что обвинение было совершенно справедливо. Вы все видели ее вчера вечером. Она сразу не выдержала и потеряла сознание. Шок, который она испытала, когда во всеуслышанье объявили о ее злодействе, оказался слишком велик. Она буквально умерла от страха.

Доктор Армстронг с сомнением покачал головой.

— Вполне возможно, — заметил он. — Но подобную теорию нельзя счесть верной, не зная состояния ее здоровья. Если у нее было слабое сердце…

Эмили Брент спокойно заявила:

— Если предпочитаете, можете называть это Возмездием Божиим.

Все были шокированы. Мистер Блор обеспокоенно заметил:

— Вы заходите слишком далеко, мисс Брент.

Она посмотрела на него сияющими глазами. Вздернула подбородок и сказала:

— Вы, наверное, считаете невозможным, что

Господь поражает гневом своим грешников! Я иного мнения!

Судья погладил подбородок и слегка иронично прошептал:

— Моя дорогая леди, насколько мне известно из моего опыта в области злодеяний, провидение оставляет обвинение и наказание в руках нас, смертных, и сей процесс весьма часто чреват трудностями. Здесь нет коротких путей.

Эмили Брент пожала плечами.

Блор резко сказал:

— Что она ела и пила вчера вечером перед тем, как легла спать?

Армстронг ответил:

— Ничего.

— Совсем ничего? Чашка чая? Глоток воды? Держу пари, чашку чая она выпила. Обязательно.

— Роджерс заверяет меня, что она ничего в рот не брала.

— А, — протянул Блор. — Но, *может,* у него есть на то причины!

Его тон был столь многозначителен, что доктор резко на него взглянул.

Филип Ломбард заметил:

— Так вот, значит, какова ваша идея?

Блор агрессивно произнес:

— А почему бы нет? Мы все слышали вчера ночью то обвинение. Может быть, это настоящая ахинея — просто безумие чистой воды! С другой стороны, может, и нет. Допустим на миг, что все здесь правда. Роджерс и его миссис ухлопали ту старую даму. Ну-с, и что же у нас имеется? Они чувствовали себя в полной безопасности и радовались кушу…

Вера его прервала. Она низким голосом сказала:

— По-моему, миссис Роджерс никогда не чувствовала себя в безопасности.

Блор взглянул на нее. Он немного раздосадовался, что его прервали.

«Вы такая же, как и все женщины», — словно говорил его взгляд.

Он продолжил:

— Что ж, такое вполне может быть. Во всяком случае, до сих пор никакая настоящая опасность им не грозила. И вдруг вчера ночью какой-то неизвестный сумасшедший, как говорится, разбрасывает бобы и выдает их секрет. Что происходит? Женщина раскалывается, разрывается на кусочки. Вспомните, как муженек вился вокруг нее, когда она приходила в себя. Мужняя забота тут ни при чем! Ни за что в жизни! Он был словно

кот на горячей черепице. До смерти боялся, что она может что-то выдать. И вот что у нас имеется! Они совершили убийство и остались безнаказанными. Но если начнут ворошить прошлое, что произойдет? Десять к одному, что женщина все выдаст. У нее не хватит нервов стоять до конца и изворачиваться. Она — ходячая опасность для мужа, вот в чем дело. За себя он уверен. Он *будет* лгать с честной мордой хоть до второго пришествия, но в *ней* он не уверен! Если *она* расколется, его шея в опасности. Так что он подбрасывает что-то в ее чашку чая, и теперь уже благодаря его заботам ее рот закрывается навечно.

Армстронг медленно произнес:

— Возле ее кровати не было никакой пустой чашки… вообще ничего не было. Я смотрел.

Блор фыркнул.

— Конечно, и не должно быть! Он первым делом после того, как она выпила отраву, взял ту чашку и блюдце и тщательно их вымыл.

Наступила пауза, потом генерал Макартур с сомнением заметил.

— Может, и так, но что-то не верится, что человек на такое способен, способен убить собственную жену.

Блор издал короткий смешок и сказал:

— Когда человеку грозит петля, он не очень-то думает о сантиментах.

Вновь наступило молчание. Перед тем, как кто-то успел заговорить, дверь открылась, и вошел Роджерс.

Он сказал, переводя взгляд с одного на другого:

— Могу ли я быть чем-то вам полезен?

Господин судья Уогрейв слабо пошевелился и спросил:

— Когда обычно приходит катер?

— Между 7 и 8 часами, сэр. Иногда чуть позже. Не знаю, чем занят сегодня утром Фрэд Нарракотт. Если он болен, то должен был бы послать своего брата.

Филип Ломбард спросил:

— Сколько сейчас времени?

— Без 10 минут 10, сэр.

Брови Ломбарда поднялись. Он медленно кивнул сам себе.

Роджерс подождал минуту-другую.

Неожиданно и пылко генерал Макартур заговорил:

— Опечален известием о вашей жене, Роджерс. Доктор только что нам сказал.

Роджерс наклонил голову.

— Да, сэр. Благодарю вас, сэр.

Он взял пустое блюдо из-под бекона и вышел.

И снова наступила тишина.

III

На террасе Филип Ломбард сказал:

— Насчет этого катера…

Блор посмотрел на него и кивнул.

Он подхватил:

— *Я* знаю, о чем вы думаете, мистер Ломбард. Я тоже задавал себе этот вопрос. Лодка должна была прибыть сюда почти 2 часа назад. Но она не пришла? Почему?

— Нашли ответ? — поинтересовался Ломбард.

— *Это не случайно* — вот что я вам скажу. Это часть замысла. Все связано.

Филип Ломбард осведомился:

— Как, по-вашему, она вообще не придет?

Позади него раздался голос — раздражительный, нетерпеливый голос:

— Катер не придет, — сказал он.

Блор слегка повернул свои квадратные плечи и задумчиво уставился на источник голоса.

— Вы так думаете, генерал?

Генерал Макартур резко ответил:

— Конечно, она не придет. Мы рассчитываем, что катер заберет нас с острова. Но здесь-то и

скрывается суть всего дела. *Мы не оставим острова…* Никто из нас его не оставит. Видите ли, это конец… конец всему…

Он поколебался и потом добавил низким, странным голосом:

— Это покой… настоящий покой. Прийти к концу… не продолжать пути… Да, мир и покой…

Он резко повернулся и зашагал прочь. По террасе, потом вниз по склону — к морю, точнее говоря, к концу острова, туда, где выступали из воды отдельные камни.

Он шел, немного покачиваясь, словно полупроснувшийся человек.

Блор посмотрел ему вслед:

— Вот появился еще один помешанный! Похоже, дело закончится тем, что все последуют его примеру.

Филип Ломбард сказал:

— Не думаю, что *вы* окажетесь в их числе, Блор.

Экс-инспектор засмеялся.

— Да, чтобы свести меня с ума, надо постараться. — Он сухо добавил: — И не думаю, что вы тоже легко спятите, мистер Ломбард.

Филип Ломбард сказал:

— В данный момент я чувствую себя совершен-

но нормальным, так что спасибо за комплимент.

IV

Доктор Армстронг вышел на террасу и, заколебавшись, остановился. Налево были Блор и Ломбард. Направо — Уогрейв. Старик медленно расхаживал взад и вперед, наклонив голову.

Армстронг после краткого замешательства зашагал к нему. Но в этот момент из дома быстро вышел Роджерс.

— Могу ли я с вами переговорить, сэр?

Армстронг повернулся.

Он был поражен развернувшимся перед ним зрелищем.

Лицо Роджерса сводили судороги. Оно было зеленовато-серое. Его руки тряслись.

Его вид являл такой контраст сдержанности, которую он проявил несколько минут назад, что Армстронг пришел в полное замешательство.

— Пожалуйста, сэр, позвольте мне переговорить с вами. Я прошу в дом, сэр.

Доктор развернулся и вошел в дом вместе с трясущимся, словно от лихорадки, дворецким.

— Что случилось, милостивый государь? Да возьмите вы себя в руки.

— Сюда, сэр, прошу сюда.

Он открыл дверь, ведущую в столовую. Доктор вошел. Роджерс последовал за ним и закрыл за собой дверь.

— Ну-с, — спросил Армстронг. — В чем дело?

Горло Роджерса сжимали судороги. Он с трудом сглотнул и выпалил:

— Сэр, здесь что-то происходит, чего я не понимаю.

Армстронг резко сказал:

— Происходит? Что происходит?

— Вы, наверное, подумаете, что я сумасшедший, сэр. Вы скажете, что ничего особенного. Но это нужно объяснить, сэр. Нужно объяснить. Потому что это прямо бессмыслица какая-то.

— Ну, ладно, сударь. Вы когда-нибудь мне скажете, в чем дело? Хватит говорить загадками.

Роджерс вновь сглотнул.

Он сказал:

— Это все те маленькие фигурки, сэр. Посреди стола. Маленькие фарфоровые фигурки. Их десять было. Могу вам поклясться, десять.

Армстронг сказал:

— Да, десять. Мы вчера вечером за обедом их пересчитывали.

Роджерс подошел к нему поближе.

— Вот именно, сэр. Вчера ночью, когда я убирал

со стола, сэр, их было всего девять... Я это заметил и подумал: что-то, мол, странно. Но больше ничего. И сегодня, сэр, утром я был немножко невнимателен, когда подавал завтрак. Расстроился и все такое. Но теперь, сэр, когда пришел убирать, — Посмотрите сами, если мне не верите. *Их только восемь, сэр! Только восемь!* Бессмыслица какая-то, а? *Только восемь*...

Глава седьмая

I

После завтрака Эмили Брент предложила Вере Клэйторн вновь прогуляться на вершину и посмотреть, нет ли лодки. Вера согласилась.

Ветер посвежел. На море появились маленькие белые барашки. Не было видно ни одной рыбачьей лодки и катера тоже.

Саму деревню Стиклхэвен невозможно было разглядеть — виднелся только возвышающийся над ней холм, неровный красный утес, скрывавший маленькую бухточку.

Эмили Брент заметила:

— Тот человек, который вчера нас сюда привез, казался вполне надежным. Право, очень странно, что сегодня он так опаздывает.

Вера не ответила. Она пыталась подавить возникшее чувство паники. Она сердито сказала сама себе: «Держись хладнокровно. Паниковать — не в твоей натуре. У тебя всегда были прекрасные нервы».

Через минуту-другую она заговорила вслух:

— Как было бы хорошо, если бы он приплыл.

Я… я хочу уехать.

Эмили Брент сухо заявила:

— Не сомневаюсь, что все мы испытываем то же желание.

Вера сказала:

— Все так странно… порой кажется, что в происходящем вообще нет… нет никакого смысла.

Пожилая женщина проворно отозвалась.

— Я очень раздосадована на себя за то, что позволила так легко обмануться. Право, если хорошенько подумать, письмо-то нелепое. Но тогда я не сомневалась, ничуть не сомневалась.

Вера машинально пробормотала:

— Наверное.

— Слишком многое человек принимает на веру, — заметила Эмили Брент.

Вера глубоко и прерывисто вздохнула и спросила:

— Вы действительно думаете, что все было так… как вы сказали за завтраком?

— Выражайтесь поточнее, милая. Что именно вы имеете в виду?

Бера низким голосом произнесла:

— Вы действительно считаете, что Роджерс и его жена убили ту старую даму?

Эмили Брент задумчиво смотрела на море

несколько минут и потом ответила:

— Лично я совершенно в этом уверена. А как вы думаете?

— Не знаю, что и думать.

Эмили Брент сказала:

— Все поддерживают данную теорию. То, что женщина упала в обморок. И вспомните, как ее муж уронил кофейный поднос. Потом, как он говорил… не слишком убедительно. О да, боюсь, они ее убили.

Вера сказала:

— А как она выглядела… казалось, она боялась собственной тени? Я никогда не видела такой испуганной женщины… должно быть, еодеянное преследовало ее, словно привидение…

Мисс Брент прошептала:

— Помню, какой текст висел в моей детской, когда я была ребенком. *«Будь уверен, твой грех тебя разыщет».* Очень верно, очень. *Будь уверен, что твой грех тебя разыщет.*

Вера встала и произнесла:

— Но, мисс Брент… мисс Брент… в таком случае…

— Да, моя дорогая?

— Другие? Что насчет других?

— Я не совсем вас понимаю.

— Все другие обвинения… они… *они* несправедливы? Но если в случае Роджерсов была сказана правда… — Она смолкла, не в силах привести в порядок хаос мыслей.

Лоб Эмили Брент, озадаченно сморщившийся, теперь разгладился.

Она сказала:

— А, теперь я вас понимаю. Ну что ж, вот, к примеру, этот мистер Ломбард. Он признает, что бросил двадцать человек, оставив их умирать.

Вера заметила:

— Но они были всего лишь туземцами…

Эмили Брент резко сказала:

— Черные или белые — все они наши братья.

Вера подумала: «Наши черные братья… наши черные братья… О, я буду смеяться. У меня истерика. Я не в себе…»

Эмили Брент задумчиво продолжала:

— Конечно, остальные обвинения очень нелепы и притянуты за уши. К примеру, в отношении судьи, который лишь исполнял свой долг перед обществом. И отставного человека Скотленд-Ярда. И мой случай тоже.

Она помолчала и добавила:

— Естественно, учитывая обстоятельства, я не собиралась вчера вечером ничего говорить.

В присутствии джентльменов такие вещи не обсуждаются.

— Да?

Вера с интересом слушала. Мисс Брент сурово продолжала:

— Беатрис Тэйлор у меня служила. Как я узнала позднее, она была *неприличной девушкой.* Я сильно в ней обманулась. У нее были хорошие манеры, всегда очень опрятна и услужлива. Я была очень ей довольна. Конечно, оказалось, что все это сплошное лицемерие! Она была беспутной девицей, начисто лишенной морали. Отвратительно! Я не сразу узнала, что она, как говорится, «в положении», — она смолкла. Ее тонкий нос брезгливо сморщился. — Я испытала настоящее потрясение. Ее родители тоже были порядочными людьми и воспитывали ее в строгости. Рада сказать, что они не стали смотреть сквозь пальцы на ее поведение.

Уставившись на мисс Брент, Вера спросила:

— Что же произошло?

— Естественно, я и часа не стала держать ее под своей крышей. Никто не сможет меня упрекнуть в снисходительном отношении к безнравственности.

Вера низким голосом произнесла:

— Что произошло… с ней?

Мисс Брент сказала:

— Распутное создание, не довольствовавшееся одним грехом на своей совести, совершило грех еще более тяжкий. Она покончила с собой.

Охваченная ужасом, Вера прошептала:

— Она убила себя?

— Да, бросилась в речку.

Вера поежилась и уставилась на тонкий профиль мисс Брент. Она спросила:

— И что вы почувствовали, когда узнали, что она наделала? Вам было ее не жаль? Вы не винили себя?

Эмили Брент выпрямилась.

— Я? Мне не в чем себя упрекнуть.

Вера сказала:

— Но если ваша… твердость… довела ее.

Эмили Брент резко заявила:

— Ее собственные действия, ее собственный грех — вот что ее довело. Если бы она вела себя как порядочная, скромная молодая женщина, ничего подобного бы не случилось.

Она повернулась к Вере. В ее глазах не было ни угрызений совести, ни беспокойства. Взгляд был тверд в собственной непогрешимости. Эмили Брент восседала на вершине острова Ниггер,

облаченная в свою броню из добродетели. Маленькая старая дева больше не казалась Вере немного нелепой.

Неожиданно… она стала ужасной.

II

Доктор Армстронг вышел из столовой и вновь оказался на террасе. Теперь судья сидел на стуле, безмятежно глядя на море.

Ломбард и Блор расположились налево. Они курили, но не разговаривали. Как и раньше, доктор немного поколебался: Его взгляд задумчиво остановился на господине судье Уогрейве. Он хотел с кем-то посоветоваться. Он прекрасно понимал, каким проницательным и логичным умом обладает судья, но тем не менее колебался. Может, ум господина судьи Уогрейва и был хорош, но сам он старик. Армстронг счел, что сейчас нужен человек действия.

Он принял решение.

— Ломбард, могу я с вами переговорить?

Филип вздрогнул.

— Конечно.

Они оставили террасу и отправились вниз по склону к кромке воды. Когда они очутились за пределами слышимости, Армстронг сказал:

— Мне нужен совет.

Брови Ломбарда поднялись. Он заметил:

— Дорогой вы мой, у меня нет никаких медицинских познаний.

— Нет, нет, я имею в виду совет касательно сложившейся ситуации.

— О, это совсем другое дело.

Армстронг продолжил:

— Если честно, что вы думаете о настоящем положении?

Ломбард немного поразмышлял и потом сказал:

— Наводит на некоторые размышления, а?

— У вас есть какие-нибудь идеи насчет женщины? Вы согласны с теорией Блора?

Филип выпустил облако дыма и заявил;

— Она вполне вероятна, сама по себе.

— Точно.

По голосу Армстронга казалось, что он испытал облегчение. Филип Ломбард был не дурак.

Ломбард продолжил:

— И, конечно, следует согласиться с предположением, что мистер и миссис Роджерс в свое время вышли сухими из воды, совершив убийство. И не вижу, почему бы делу обстоять не так. Что, по-вашему, они сделали? Отправили старую

даму?

Армстронг медленно ответил:

— Все могло бы быть гораздо проще. Сегодня утром я спросил у Роджерса, чем болела эта миссис Брэди. Ответ на многое пролил свет. Нет надобности входить в медицинские подробности, но при определенной сердечной болезни используют амилнитрит. Когда начинается приступ, разбивают ампулу амилнитрита и лекарство дают понюхать больному. Если не дать амилнитрит вовремя, последствия могут быть фатальными.

Филип Ломбард задумчиво заметил:

— Все так просто. Искушение, должно быть… было слишком велико.

Доктор кивнул.

— Да, никакого прямого действия. Не надо доставать мышьяк, ничего определенного, просто — ничего! И Роджерс действительно ночью отправился за доктором, и они были совершенно уверены, что никто никогда ничего не узнает.

— Даже если кто и узнает, ничего доказать не сможет, — добавил Филип Ломбард.

Неожиданно он нахмурился.

— Конечно… это очень многое поясняет.

Армстронг озадаченно сказал:

— Прошу прощения.

Ломбард ответил:

— Я имею в виду… это поясняет загадку острова Ниггер. Здесь собраны преступления, за которые невозможно осудить совершивших их людей. Пример — Роджерсы. Другой пример — старый Уогрейв, который совершил убийство строго в рамках закона.

Армстронг резко спросил:

— Вы верите этой истории?

Филип Ломбард улыбнулся.

— О да, верю. Уогрейв убил Эдварда Ситона, убил так же, как если бы вонзил в него стилет! Но он достаточно умен, чтобы проделать это с судейского места, облачившись в парик и мантию. Так что как ни крути, его за преступление не осудишь.

Словно молния пронзила мозг Армстронга.

«Убийство в больнице. Убийство на операционном столе. Безопасно, да, безопасно, как дом!»

Филип Ломбард тем временем говорил:

— Отсюда-то и этот мистер Оуэн, отсюда-то и остров Ниггер!

Армстронг глубоко вздохнул.

— Итак, мы дошли до этого пункта. Что действительно преследует этот человек, собрав нас здесь?

Филип Ломбард спросил:

— А что вы думаете?

Армстронг резко ответил:

— Давайте вернемся на минутку к смерти женщины. Какие могут возникнуть теории? Роджерс убил ее, так как боялся, что она все выдаст. Вторая возможность — она потеряла голову и сама выбрала самый легкий выход.

Филип Ломбард заметил:

— Самоубийство, а?

— Что на это скажете?

Ломбард ответил:

— Может быть… да… *если бы не смерть Марстона.* Два самоубийства за 12 часов *слишком* уж много. И если вы мне заявите, что Энтони Марстон, этот юный бык с железными нервами и чертовски малым количеством мозгов, взвинтился из-за того, что скосил пару ребятишек и покончил с собой, — ну, да это же смешно! И, во всяком случае, откуда он взял яд? Из того, что мне известно, цианид калия совсем не та штуковина, которую всякий носит в жилетном кармане. Но это уже по вашей части.

Армстронг заявил:

— Ни один человек в здравом смысле не станет носить с собой цианид калия, если только не

хочет уничтожить осиное гнездо.

— Иными словами, ревностный садовник или землевладелец? И снова Энтони Марстон не из их числа. По-моему, надо как-то объяснить наличие этого цианида. Или Энтони Марстон решил покончить с собой до того, как сюда приехал, и посему держал его наготове… или…

Армстронг ему подсказал:

— Или?

Филип Ломбард ухмыльнулся.

— Почему вы заставляете меня это говорить? Когда слова сами готовы слететь с вашего языка. Или, *конечно, Энтони Марстон был убит.*

Армстронг втянул воздух:

— А миссис Роджерс?

— Я мог бы поверить в самоубийство миссис Роджерс с легкостью, если бы не Энтони Марстон. Я мог бы поверить, что Роджерс убрал свою жену, если бы не неожиданная смерть Энтони Марстона. Но нам нужна теория, объясняющая две смерти, последовавшие одна за другой.

Армстронг сказал:

— Вероятно, я смогу вам помочь в разработке данной теории.

И он повторил факты, которые сообщил ему Роджерс насчет исчезновения двух маленьких

фарфоровых фигурок.

Ломбард сказал:

— Да, маленькие фарфоровые фигурки… Конечно, вечером за обедом их было 10. А теперь, вы говорите, восемь?

Доктор Армстронг процитировал:

«Десять негритят отправились обедать;
Один поперхнулся и тогда
их осталось Девять.

Девять негритят засиделись допоздна;
Один не проснулся, и тогда
их осталось Восемь».

Мужчины переглянулись. Филип Ломбард ухмыльнулся и отшвырнул сигарету.

— Чертовски похоже для совпадения! Энтони Марстон вчера ночью после обеда умер от удушья или, можно сказать, поперхнувшись, и матушка Роджерс засыпает и не просыпается.

— А посему? — спросил Армстронг.

Ломбард подхватил:

— А посему тут еще один ниггер. Ниггер в охапке дров. Икс! Мистер Оуэн! У. Н. Оуэн! Наш Неизвестный Сумасшедший на свободе!

— А! — издал облегченный вздох Армстронг. — Вы согласны со мной. Но вы понимаете, что из этого следует? Роджерс поклялся, что на острове нет никого, кроме нас, его и его жены.

— Роджерс ошибается! Или, возможно, Роджерс лжет!

Армстронг покачал головой.

— Не думаю, что он лжет. Он до смерти напуган. Почти до безумия напуган.

Филип Ломбард кивнул и сказал:

— Катер сегодня не пришел. Все сходится. Снова налицо действия мистера Оуэна. Остров Ниггер будет изолирован до тех пор, пока мистер Оуэн не закончит работу.

Армстронг побелел и сказал:

— Вы понимаете… он, должно быть, ненормальный, буйный маньяк!

Филип Ломбард ответил, и в его голосе прозвучала новая нотка.

— Правда, кое-чего мистер Оуэн не понимает.

— Чего же? Остров более или менее одна голая скала. Мы обыщем его в два счета. И быстренько найдем У. Н. Оуэна Эск.[26]

Доктор Армстронг горячо заявил:

---

[26] Примечания: 26
Эсквайра — сокращ. *англ.*

— Он будет опасен.

Филип Ломбард засмеялся.

— Опасен? Кто тут боится большого плохого волка? Это я буду опасен, когда доберусь до него!

Он помолчал и добавил:

— Лучше заручиться помощью Блора. В таких ситуациях он неплохая подмога. А женщинам ничего не говорить. Что касается других, то генерал, по-моему, уже га-га[27]. Уогрейв питает отвращение к бурной деятельности. Работой займемся мы втроем.

---

[27] Примечания: 27

Спятил от старости — идиома, *англ.*

Глава восьмая

I

Заручиться помощью Блора оказалось очень легко. Он немедленно согласился с их аргументами.

— То, что вы рассказали об этих фарфоровых фигурках, сэр, сразу меняет дело. Это безумие какое-то! Вот только одно. Не думаете ли вы, что Оуэн решил провернуть все чужими руками, а?

— Яснее, сударь.

— Ну, слушайте. После вчерашнего столпотворения этот молодой Марстон взвинчивается и кончает с собой. И Роджерс, *он* тоже взвинчивается и кокошит свою жену! Все идет и соответствии с планом У. Н. О.

Армстронг покачал головой. Он еще раз напомнил о цианиде, Блор согласился:

— Да, совсем забыл. Не очень-то естественно таскать его с собой. Но вот как яд попал в его виски, сэр?

Ломбард сказал:

— Я об этом думал. В ту ночь Марстон несколько раз наливал себе выпивку. Между предпослед-

ним и последним разом прошел достаточный промежуток времени. И на протяжении данного промежутка его бокал стоял на каком то столе. По-моему… хотя я не уверен, на маленьком столике вблизи окна. Окно было открыто. Любой мог бы бросить туда дозу цианида.

Блор недоверчиво спросил:

— Так что же мы не видели, сэр?

Ломбард сухо ответил:

— Мы все занимались другим.

Армстронг сказал:

— Верно. Нас атаковали. Мы ходили по комнате. Спорили, негодовали, каждый думал о своем. Думаю, *можно* было так сделать…

Блор пожал плечами.

— Факты говорят о том, что сделано было! А теперь, джентльмены, давайте начнем. Кстати, ни у кого случайно нет револьвера? Наверное, я слишком на много надеюсь, но все же…

Ломбард сказал:

— У меня есть, — и похлопал себя по карману.

Глаза Блора открылись очень широко. Он наигранно-беспечным тоном поинтересовался:

— Всегда его с собой носите, сэр?

Ломбард ответил:

— Обычно. Видите ли, мне довелось побывать

кое в каких переделках.

— О, — произнес Блор и добавил: — Что ж, вероятно, вы никогда не бывали в более опасной переделке, чем в такой, в какую угодили сейчас! Если на острове прячется чокнутый, у него наверняка запасен целый арсенал, не говоря уже о ноже или кинжале.

Армстронг кашлянул.

— Вполне вероятно, здесь вы ошибаетесь, Блор. Многие маньяки очень спокойные, незаметные люди. Прямо восхитительные господа.

Блор ответил:

— Что-то мне кажется, что наш будет такой же, доктор Армстронг.

II

Все трое отправились в турне по острову.

Обыск оказался неожиданно простым. На северо-западной стороне скала отвесно спускалась в море, ее поверхность была гладкой и ровной.

На острове не было деревьев, и вообще, растительность практически отсутствовала. Три человека тщательно и методично принялись на работу, продвигаясь от высшей точки острова к кромке воды, пристально разглядывая любую неровность в скале, могущую указать на наличие

входа в пещеру. Но никаких пещер на острове не было.

Наконец, идя вдоль берега, они вышли на то место, где сидел, глядя на море, генерал Макартур. Здесь было очень мирно и спокойно, только волны шуршали, ударяясь о камни. Старик сидел очень прямо, не сводя глаз с горизонта.

Он не обратил внимания на приближающуюся поисковую партию. Его забвение вызвало какое-то неприятное чувство, по крайней мере, у одного.

Блор подумал: «Неестественно… у него такой вид, будто он вошел в транс. Или что-то в таком роде».

Он прочистил горло и заметил разговорчивым тоном:

— Неплохое мирное местечко вы для себя разыскали, сэр.

Генерал нахмурился. Бросил быстрый взгляд через плечо и сказал:

— Так мало времени… так мало времени. Я бы хотел, чтобы никто меня не беспокоил.

Блор добродушно заявил:

— Мы вас не собираемся беспокоить. Просто, так сказать, делаем обход острова. Вот подумали, знаете ли, не прячется ли на нем кто.

Генерал нахмурился и сказал:

— Вы не понимаете… ничего не понимаете. Прошу вас, уходите.

Блор удалился. Присоединившись к двум своим спутникам, он заметил:

— Он чокнулся… с ним без толку разговаривать.

Ломбард с любопытством поинтересовался:

— Что он говорит?

Блор пожал плечами.

— Что-то насчет того, что мало времени и он не хочет, чтобы его беспокоили.

Доктор Армстронг нахмурился и прошептал: «Хотел бы я знать…»

III

Обыск острова был практически закончен. Три человека стояли на вершине, глядя на материк. На море не было ни одной лодки. Ветер свежел. Ломбард заметил:

— Рыбачьих лодок нет. Приближается шторм. Чертовски досадно, что отсюда не видно деревни. Мы бы могли подать какой-нибудь сигнал.

Блор заявил:

— Неплохо было бы зажечь сегодня ночью костер.

Ломбард, нахмурившись, ответил:

— Черт возьми, наверняка и это было предусмотрено.

— В каком смысле, сэр?

— Откуда мне знать? Может быть, им сказано, что разыгрывается шутка. Нас бросили на обитаемом острове, и на сигналы не нужно обращать внимания. Возможна, жителям деревни сообщили, что речь идет о пари. В общем, наш сумасшедший наверняка придумал какую-нибудь дурацкую историю.

Блор с сомнением спросил:

— По-вашему, они ее проглотят?

Ломбард сухо ответил:

— Легче поверить в это, чем в правду! Если жители деревни сказали, что остров будет изолирован до тех пор, пока мистер Неизвестный Оуэн спокойненько не перебьет всех гостей, вы думаете, они бы поверили?

Доктор Армстронг заявил:

— Иногда я и сам не могу в это поверить. И однако…

Филип Ломбард, обнажив зубы, сказал:

— И, однако, именно это и происходит!

Блор таращился на воду.

Он сказал:

— Наверное, никто не смог бы сюда взобраться.

Армстронг покачал головой.

— Сомневаюсь. Больно отвесно. И где он спрятался?

Блор заявил:

— Может, в скале есть отверстие. Будь у нас лодка, мы бы смогли обогнуть остров.

Ломбард сказал:

— Если бы у нас была лодка, мы все были бы сейчас на полпути к материку?

— Что верно, то верно, сэр.

Неожиданно Ломбард заявил:

— Давайте удостоверимся насчет скалы. Отверстие *может* быть только в одном месте — вон там, внизу, чуть правее. Если бы вы, парни, раздобыли веревку, я бы выяснил.

Блор сказал:

— Конечно, неплохо *знат*ь наверняка. Хотя, по-моему, ваша идея нелепая какая-то, по крайней мере, с первого взгляда! Посмотрю, что можно раздобыть.

И он быстро направился к дому.

Ломбард уставился в небо. Облака начали собираться в общую массу. Ветер крепчал.

Он искоса взглянул на Армстронга и сказал:

— Что-то вы все молчите и молчите, доктор. О чем вы думаете?

Армстронг медленно ответил:

— Я вот думаю, насколько безумен старый Макартур…

IV

Вера все утро чувствовала беспокойство. Содрогаясь от отвращения, она избегала Эмили Брент. Сама мисс Брент вынесла стул и поставила его за углом дома — там не было ветра. Она сидела и вязала.

Всякий раз, когда Вера думала о ней, она представляла бледное лицо утопленницы с водорослями, запутавшимися в ее волосах… лицо, которое когда-то было хорошеньким, может быть, до бесстыдства хорошеньким… и которому теперь были нипочем и жалость, и ужас.

А Эмили Брент, безмятежная и праведная, сидела и вязала.

На главной террасе господин судья Уогрейв ссутулился на стуле с высокой спинкой, опустив голову в плечи.

Когда Вера смотрела на него, она видела человека, стоящего возле скамьи подсудимых — молодого человека с белокурыми волосами

и синими глазами и озадаченным испуганным лицом. Эдвард Ситон. И в своем воображении она рисовала старые руки судьи, надевающие на его голову черную шапочку,[28] и слышала, как он начинает выносить приговор… Через некоторое время Вера медленно прошлась к морю. Она направилась в самый дальний конец острова, где сидел старик, не сводя глаз с горизонта. Генерал Макартур пошевелился при ее приближении. Он посмотрел на нее, в его глазах странно перемешались вопросительное и опасливое выражения. Его взгляд поразил и напугал Веру. Он минуты две пристально смотрел на нее.

Она подумала: «Как странно! Как будто *он знал…*»

Он сказал:

— А, это вы! Вы пришли…

Вера села рядом с ним и сказала:

— Вам нравится сидеть здесь и смотреть на море?

Он кивнул.

— Да, — сказал он. — Это приятно. Думаю, это место подходит для того, чтобы ждать.

— Ждать? — резко произнесла Вера. — Чего вы

---

[28] Примечания: 28

Черная шапочка надевается при произнесении смертного приговора.

ждете?

Он мягко ответил:

— Конца. Но, думаю, вы сами это знаете, не так ли? Ведь такова правда, а? Мы все ждем конца.

Она обеспокоенно заявила:

— Что вы имеете в виду?

Генерал Макартур сурово сказал:

— *Никто из нас острова не оставит.* Таков план. Конечно, вы прекрасно это знаете. Возможно, вы просто не поймете, какое это облегчение!

Вера удивленно спросила:

— Облегчение?

Он ответил:

— Да. Конечно, вы очень молоды… вы еще не понимаете. Но поймете! Вы тоже почувствуете это благословенное облегчение, когда узнаете, что все кончено… что больше не надо нести свое бремя. В один прекрасный день вы это почувствуете…

Вера хрипло произнесла:

— Я вас не понимаю…

Ее пальцы судорожно дрожали. Неожиданно она испугалась этого спокойного старого солдата.

Он задумчиво сказал:

— Видите ли, я любил Лесли. Я очень ее лю-

бил…

Вера спросила:

— Лесли — это ваша жена?

— Да, моя жена… Я любил ее и гордился ею. Она была такой милой и такой веселой.

Он помолчал несколько минут и потом добавил:

— Да, я любил Лесли. Вот почему я это сделал.

Вера сказала:

— Вы имеете в виду… — и смолкла.

Генерал Макартур медленно кивнул.

— Теперь не следует ничего скрывать — теперь, когда мы все вскоре умрем. *Я послал Ричмонда на смерть.* Наверное, в определенном отношении это было убийство. Странно. *Убийство,* а ведь я всегда был таким законопослушным человеком! Но тогда все виделось мне совсем иначе. Я не испытывал сожаления. «Поделом ему!» — вот что я думал. Но потом…

Твердым голосом Вера произнесла:

— Ну-с, и потом?

Он рассеянно покачал головой. У него был озадаченный и немного расстроенный вид.

— Не знаю… я… не знаю. Все было иначе. Не знаю, догадалась ли Лесли… наверное, нет. Но, видите ли, с тех пор я перестал ее узнавать. Она

ушла туда, где я не мог до нее добраться. И потом она умерла… и я остался один…

Вера сказала:

— Один… один… — и ее голос эхом разнесся по скалам.

Генерал Макартур заявил:

— Вы тоже будете рады, когда наступит конец.

Вера встала и резко сказал:

— Я не понимаю, что вы имеете в виду!

Он ответил:

— Я *понимаю,* дитя мое. Я *понимаю…*

— Нет, вы вообще ничего не понимаете…

Генерал Макартур опять устремил взгляд на море. Похоже, он больше не сознавал ее присутствия.

Он очень мягко и нежно произнес:

— Лесли?..

V

Когда Блор вернулся из дома с веревкой, свернутой в кольцо, то обнаружил Армстронга на том же месте, где его оставил. Доктор пристально смотрел вниз, словно пытаясь проникнуть взглядом в морские глубины.

Блор, запыхавшись, спросил:

— Где мистер Ломбард?

Армстронг беспечно отозвался:

— Пошел проверить какую-то свою теорию. Он вернется через минуту. Послушайте, Блор, я обеспокоен.

— Мы все, по-моему, обеспокоены.

Доктор нетерпеливо взмахнул рукой.

— Конечно… конечно. Но я имею в виду совсем не это. Я думаю о старом Макартуре.

— И что же, сэр?

Доктор Армстронг мрачно сказал:

— А то, что мы ищем сумасшедшего. *Что насчет Макартура?*

Блор недоверчиво сказал:

— Вы имеете в виду, что он страдает манией убийства?

Армстронг с сомнением ответил:

— Я бы не стал так говорить. Ни за что. Но, конечно, я не специалист в области психиатрии. По правде говоря, я практически с ним не разговаривал — я данной точки зрения его не изучал.

Блор с сомнением заметил:

— Га-га — да! Но я бы не стал говорить…

Армстронг прервал его с небольшим усилием как человек, который пытается взять себя в руки.

— Вероятно, вы правы! Черт подери, *должно*

быть, кто-то прячется на острове! А вот и Ломбард.

Они тщательно закрепили веревку.

Ломбард сказал:

— Разузнаю все, что смогу. А вы следите за веревкой, если неожиданно натяну, значит, пора тащить.

Спустя несколько минут они уже следили за продвижением Ломбарда. Блор заметил:

— Лазает, как кошка, а?

В его голосе было что-то странное.

Доктор Армстронг отозвался.

— Должно быть, в свое время он занимался альпинизмом.

— Похоже.

Наступило молчание, и потом экс-инспектор сказал:

— Вообще, странный он парень. Вы знаете, о чем я думаю?

— О чем?

— Дурной он человек!

Армстронг с сомнением спросил:

— В чем именно?

Блор фыркнул и сказал:

— Точно… не знаю. Но я бы ни за что ему не стал доверять.

Доктор Армстронг заметил:

— Наверное, он вел жизнь, полную приключений.

Блор тотчас отозвался:

— Держу пари, о некоторых своих приключениях он постарается не распространяться, — он помолчал и продолжил: — Вы случайно не захватили с собой револьвер, доктор?

Армстронг уставился на него.

— Я? Боже правый, нет. А зачем?

Блор сказал:

— *А зачем его прихватил мистер Ломбард?*

Армстронг с сомнением сказал:

— Наверное, привычка.

Блор фыркнул.

Неожиданно за веревку дернули. Следующие несколько минут они были по горло заняты работой. Вскоре, когда напряжение ослабло, Блор сказал;

— Привычки привычкам *рознь*. Мистер Ломбард берет револьвер, отправляясь в дальний уголок земного шара, — прекрасно, *да к тому же* примус и спальный мешок, и запас порошка против насекомых, разумеется! Но привычка не заставила бы его привозить все снаряжение сюда! Только в книгах люди расхаживают с ре-

вольверами, и никто не удивляется.

Доктор Армстронг озадаченно покачал головой.

Они наклонились и вновь стали наблюдать за продвижением Ломбарда. Искал он тщательно, но они сразу могли понять — тщетно. Вскоре он появился на краю скалы. Он вытер со лба пот.

— Итак, — сказал он, — ситуация следующая. Или в доме, или нигде.

VI

Обыскать дом было проще простого. Сначала они прочесали несколько надворных построек, потом принялись за само строение. Ярдовая мерка миссис Роджерс, найденная в кухонном шкафу, им помогла. Но никаких тайников они не нашли. Все было ясно и открыто — современная структура была лишена секретов. Сначала они занялись первым этажом. Поднимаясь на этаж, где были расположены спальни, через окно на лестнице они увидели Роджерса, несущего на террасу поднос с коктейлями.

Ломбард легкомысленно заметил:

— Хороший слуга — удивительное созданье. Что бы ни случилось, внешность бесстрастная.

Армстронг с одобрением сказал:

— Роджерс — первоклассный дворецкий, что там говорить!

Блор добавил:

— И его жена была неплохой кухаркой. Тот вчерашний… обед…

Они завернули в первую спальню.

Через пять минут они уже смотрели друг на друга, стоя на лестничной площадке. Никто нигде не прятался, да и прятаться было негде.

Блор сказал:

— Там вон маленькая лестница.

Доктор Армстронг пояснил:

— Она ведет в комнату слуг.

Блор заметил:

— Должно быть, под крышей есть место для цистерн, водяного бака. Это наш лучший шанс, и единственный!

И *вот* тогда-то, когда они там стояли, они услышали доносившийся сверху звук. Крадущиеся, мягкие шаги.

Они все их услышали. Армстронг схватил Блора за руку. Ломбард предостерегающе поднял палец.

— Тихо… слушайте.

И снова донесся шум — кто-то мягко, крадучись двигался наверху.

Армстронг прошептал:

— Да он в самой спальне. В той комнате, где лежит тело миссис Роджерс.

Блор прошептал в ответ:

— Конечно! Лучшего тайника и не придумать! Никто туда не войдет. Вперед… как можно тише.

Они крадучись стали подниматься по лестнице.

На маленькой площадке возле двери, ведущей в спальню, они снова остановились. Да, кто-то был в комнате. Изнутри донесся слабый скрип.

Блор прошептал:

— Пора.

Он распахнул дверь и ворвался в комнату. Двое других последовали за ним. В следующий миг все трое остановились как вкопанные. В комнате был Роджерс, в руках он держал одежду.

VII

Блор опомнился первым. Он сказал:

— Простите… э… Роджерс. Мы услышали, что здесь кто-то ходит, и подумали… э…

Он смолк.

Роджерс сказал:

— Простите, джентльмены, я просто переносил свои вещи. Думаю, вы не станете возражать, если

я переберусь в одну из пустых гостевых комнат этажом ниже? В самую маленькую.

Он обращался к Армстронгу, и Армстронг ответил:

— Конечно. Конечно. Продолжайте.

Он старался не смотреть на покрытую простыней фигуру, лежащую на кровати.

Роджерс сказал:

— Спасибо, сэр.

Он вышел из комнаты с полными вещей руками и начал спускаться вниз. Армстронг шагнул к кровати, подняв простыню, посмотрел на безмятежное лицо мертвой женщины. Теперь страха не было. Одна пустота.

Армстронг сказал:

— Хотел бы я иметь здесь свое полное *снаряжение.* Тогда бы я узнал, каким наркотиком ее отравили.

Потом он повернулся к двум своим спутникам.

— Давайте поскорее заканчивать… Костями чувствую, что мы ничего не найдем.

Блор боролся с крышкой низкого люка.

Он сказал:

— Этот человек двигается чертовски тихо. Минуты две назад мы видели его в саду. Никто из нас не слышал, как он поднимался.

Ломбард заметил:

— Вот почему мы предположили, что здесь ходит чужак.

Блор исчез в темноте отверстия. Ломбард вытащил из кармана фонарик и последовал за ним.

Через пять минут они стояли на верхней лестничной площадке и смотрели друг на друга. Они были грязные и в паутине, и на их лицах застыли мрачные выражения.

На острове не было никого, кроме них восьмерых.

Глава девятая

I

Ломбард медленно сказал:

— Так, значит, мы ошибались… все время ошибались. Нагородили с три короба суеверий и фантазии и всего лишь из-за совпадений, связанных с двумя смертями!

Армстронг сурово заметил:

— И, однако, знаете ли, нет дыма без огня. Черт подери, я врач и знаю кое-что о самоубийствах. Энтони Марстон не мог покончить с собой.

Ломбард с сомнением спросил:

— А не мог ли произойти несчастный случай?

Блор фыркнул, всем своим видом давая понять, что его не убедили.

— Чертовски странный несчастный случай, — прохрюкал он.

Наступила пауза, и Блор продолжил:

— Вот насчет женщины… — и смолк.

— Миссис Роджерс?

— Да. Тут несчастный случай возможен, не так ли?

Филип Ломбард сказал:

— Несчастный случай? Каким образом?

Блор немного засмущался. Его кирпично-красное лицо стало еще краснее.

Он выпалил:

— Послушайте, доктор, ведь вы давали ей снотворное.

Армстронг уставился на него.

— Снотворное? Что вы имеете в виду?

— Вчера ночью. Вы сами говорили, что дали ей что-то для сна.

— О, да. Совершенно безвредное успокаивающее.

— Что именно?

— Я дал ей небольшую дозу трионала. Совершенно безвредный препарат.

Блор стал еще краснее и сказал:

— Послушайте… давайте будем называть вещи своими именами, вы дали ей слишком большую дозу, а?

Доктор Армстронг сердито ответил:

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

Блор сказал:

— Ведь вполне возможно, что вы совершили ошибку? Такое иногда случается.

Армстронг резко сказал:

— Ничего подобного. Ваше предположение

нелепо.

Он помолчал и добавил ледяным язвительным тоном:

— Или вы предполагаете, что я специально дал ей смертельную дозу?

Филип Ломбард быстро заговорил:

— Послушайте, вы двое держите себя в руках. Нечего разбрасываться обвинениями.

Блор неожиданно сказал:

— Я всего лишь предположил, что доктор совершил ошибку.

Доктор Армстронг с усилием выдавил невеселую улыбку, обнажив зубы, и сказал:

— Докторам не позволено совершать подобные ошибки, друг мой.

Блор подчеркнуто заметил:

— Это была бы не первая ваша ошибка, если верить граммофонной пластинке.

Армстронг побелел. Филип Ломбард торопливо и сердито обратился к Блору:

— Зачем обижать людей почем зря? Мы все в одной ледке. Мы должны взять себя в руки. Кстати, что скажете насчет собственного лжесвидетельства?

Блор шагнул вперед, сжав кулаки, и сказал хриплым голосом:

— Лжесвидетельство, черт подери! Это грязная ложь! Можете попытаться заткнуть мне рот, мистер Ломбард, но я тоже кое-что хочу знать и, между прочим, *о вас!*

Брови Ломбарда поползли вверх.

— Обо мне?

— Да, я хочу знать, зачем вы захватили револьвер, отправляясь провести несколько приятных дней в гостях.

Ломбард насмешливо отозвался:

— Ах, хотите?

Неожиданно Ломбард сказал:

— Знаете, Блор, вы, оказывается, не такой дурак, каким кажетесь.

— Вполне может быть. Ну, так как же с револьвером?

Ломбард улыбнулся.

— Я привез его потому, что ожидал кое-каких неприятностей.

Блор с подозрением заметил:

— Вчера ночью вы ничего нам не говорили.

Ломбард покачал головой.

— Вы таились от нас? — настаивал Блор.

— В некоторых отношениях, да, — сказал Ломбард.

— Ну что ж, давайте выкладывайте.

Ломбард медленно начал.

— Я позволил вам всем думать, что меня пригласили сюда точно так же, как и большинство других. Это не совсем верно. По правде говоря, меня разыскивал один маленький жид его фамилия Моррис. Он предложил мне сотню гиней за то, чтобы я приехал сюда и был настороже, сказал, что я надежный человек, в затруднительном положении.

— Ну и? — нетерпеливо произнес Блор.

Ломбард с ухмылкой сказал:

— Вот и все.

Доктор Армстронг заявил:

— Но конечно же, он рассказал вам больше?

— О, нет. Захлопнулся, словно моллюск. Я мог принять предложение либо отклонить — вот его слова. Деньги были нужны мне позарез. Так что я принял.

Похоже, Блора он не убедил. Экс-инспектор спросил:

— Почему вы не сообщили нам все вчера ночью?

— Дорогой мой сударь… — Ломбард красноречиво пожал плечами. — Откуда мне было знать, что происшедшее вчера ночью не было тем самым, из-за чего я сюда приехал? Я просто залег и

поведал уклончивую историю.

Доктор Армстронг проницательно поинтересовался:

— Но теперь… вы думаете иначе?

Лицо Ломбарда изменилось. Оно потемнело и стало твёрже. Он сказал:

— Да, теперь я считаю, что нахожусь в той же лодке, что и вы. Та сотня гиней была лишь кусочком сыра, которым мистер Оуэн заманил меня в ловушку вместе с остальными.

Он медленно добавил:

— *Потому что мы в ловушке* — присягнуть готов. Смерть миссис Роджерс! Смерть Тони Марстона! Исчезновение негритят с обеденного стола! О да, повсюду видна рука мистера Оуэна, *но где, черт подери, сам мистер Оуэн*?

Снизу прогудел гонг, созывая всех к ленчу.

II

Роджерс стоял у двери столовой. Когда они спустились вниз, он шагнул к ним и сказал низким, встревоженным голосом:

— Надеюсь, ленч вас удовлетворит. Холодный окорок и холодный язык, и я сварил немного картофеля. И еще сыр, бисквиты и немного консервированных фруктов.

Ломбард сказал:

— Похоже, полный порядок. Значит, запасов хватает?

— Еще предостаточно, сэр, только в консервированном виде. Кладовая набита. Должен сказать, сэр, что это необходимо на острове, который на значительный период может быть отрезан от материка.

Ломбард кивнул.

Следуя за ними в столовую, Роджерс прошептал:

— Меня беспокоит, что Фред Нарракотт сегодня не приплыл. До странного неудачно.

— Да, — согласился Ломбард. — До странного неудачно, лучше и не скажешь.

В комнату вошла Эмили Брент. Она только что выронила клубок шерсти и теперь осторожно его сматывала.

Заняв свое место за столом, она заметила:

— Погода меняется. Ветер довольно силен, и на море барашки появились.

Вошел господин судья Уогрейв. Он шагал медленно, размеренной походкой, меча быстрые взгляды из-под кустистых бровей на других людей, собравшихся в столовой. Он заметил:

— Вы провели активное утро.

В его голосе послышались слабые нотки злорадного удовольствия.

Торопливо вошла Вера Клэйторн. Она немного запыхалась и быстро сказала:

— Я надеялась, что вы не станете меня ждать. Я опоздала.

Эмили Брент ответила:

— Вы не последняя. Генерала еще нет.

Они уселись за стол.

Роджерс обратился к мисс Брент:

— Начнем, мадам, или подождете?

Вера сказала:

— Генерал Макартур сидит прямо возле моря. Думаю, он вряд ли услышал гонг… — она заколебалась. — По-моему, он сегодня какой-то странный.

Роджерс быстро предложил:

— Я пойду и сообщу ему, что ленч готов.

Доктор Армстронг вскочил на ноги.

— Я пойду, — сказал он. — Другие могут начинать без меня.

Он оставил комнату. До него донесся голос Роджерса.

— Вы будете холодный язык или холодный окорок, мадам?

III

Пять человек, сидящих за столом, казалось, никак не могли разговориться.

На улице неожиданно налетел ветер и затих.

Вера немного поежилась и заметила:

— Идет шторм.

Блор внес свою лепту:

— Вчера в поезде из Плимута со мной ехал один старик. Он все время твердил, что идет шторм. Просто удивительно, как они чуют погоду, эти старые морские волки.

Роджерс обошел стол, собирая тарелки из-под мяса.

Неожиданно он замер. И сказал странным испуганным голосом:

— Кто-то бежит…

Они все услышали шум… шум бегущих по террасе ног.

И в эту минуту они знали… знали, хотя им никто ничего не говорил…

Не сговариваясь, они встали и так стояли, глядя на дверь.

Появился доктор Армстронг, он дышал часто и прерывисто.

Он сказал:

— Генерал Макартур…

— Мертв! — словно взрыв, вырвалось у Верш.

Армстронг кивнул.

— Да, он мертв…

Наступила пауза… долгая пауза.

Семь человек смотрели друг на друга и никак не могли найти слов.

IV

Шторм разразился, когда в дом внесли тело старика.

Остальные стояли в холле.

С неожиданным шипеньем и ревом хлынул дождь.

Когда Блор и Армстронг поднимались по лестнице со своей ношей, Вера Клэйторн неожиданно повернулась и вошла в пустую столовую.

Все было так, как они оставили. Сладкое наготове ожидало своей очереди на буфете.

Вера подошла к столу. Она там и стояла, когда спустя две минуты мягкими шагами в комнату вошел Роджерс.

Увидев ее, он вздрогнул. Лотом в его глазах появился вопрос.

Он произнес:

— О, мисс. Я… я просто зашел посмотреть…

Громким хриплым голосом, который удивил ее, Вера сказала:

— Вы совершенно правы, Роджерс. Смотрите сами. *Их только семь…*

V

Генерала Макартура положили на его кровать.

Армстронг вышел из комнаты и спустился вниз. Он обнаружил других в гостиной.

Мисс Брент вязала. Вера Клэйторн стояла возле окна, глядя на шипящие струи дождя. Блор сидел в кресле, положив руки на колени. Ломбард обеспокоенно расхаживал взад и вперед. В дальнем конце комнаты на стуле с высокой спинкой восседал господин судья Уогрейв. Его глаза были полуприкрыты.

Они открылись, когда доктор вошел в комнату. И старик спросил ясным пронизывающим голосом:

— Ну-с, доктор?

Армстронг был очень бледен. Он сказал:

— Никаких сомнений. Это не паралич сердца. Макартура ударили по затылку тяжелой дубинкой или тростью, или чем-то подобным.

По комнате пронесся слабый шепот, но вновь прозвучал ясный голос судьи:

— Вы нашли использованное оружие?

— Нет.

— Тем не менее в фактах вы уверены?

— Совершенно уверен.

Господин судья Уогрейв спокойно сказал:

— Теперь нам точно известно наше положение.

Сейчас уж не возникало сомнений, кто хозяин ситуации.

Все утро Уогрейв просидел, ссутулившись, на своем стуле на террасе, воздерживаясь ото всяких действий. Теперь же он принял командование с легкостью, порожденной долгим пребыванием у власти. Он вел себя так, словно председательствовал в суде.

Прочистив горло, он заговорил вновь:

— Сегодня утром, джентльмены, сидя на террасе, я был свидетелем вашей бурной деятельности. Сомневаться в вашей цели не приходилось. Вы обыскивали остров, надеясь найти неизвестного убийцу.

— Совершенно верно, сэр, — ответил Филип Ломбард.

Судья продолжил:

— Несомненно, вы пришли к тому же заключению, что и я, а именно, что смерти Энтони Мар-

стона и миссис Роджерс не были несчастными случаями или самоубийствами. Не сомневаюсь, что вы также пришли к определенному выводу касательно цели, с которой мистер Оуэн заманил нас на этот остров?

Блор хрипло сказал:

— Он сумасшедший! Чокнутый!

Судья кашлянул.

— Почти наверняка. Но это едва ли меняет положение. Наша главная задача — спасти свои жизни.

Армстронг произнес дрожащим голосом:

— На острове никого нет, говорю вам. *Никого!*

Судья погладил свой подбородок.

Он вкрадчиво заметил:

— В определенном смысле — да, никого нет. Я пришел к данному заключению еще сегодня рано утром. Я мог бы сказать вам, что ваши поиски будут тщетны. Тем не менее я придерживаюсь мнения, что мистер Оуэн (будем называть его именем, которое он сам выбрал) *находится на острове.* Несомненно. Его план есть ни больше ни меньше, чем вершение правосудия по отношению к определенным индивидуумам, преступления которых неподвластны закону. *Существует лишь один способ достичь цели.*

Мистер Оуэн мог прибыть на остров одним-единственным способом.

Все совершенно очевидно. *Мистер Оуэн — один из нас…*

VI

— О нет, нет, нет… — то вырвалось у Веры, не слова, а почти стон. Судья обратил на нее свой проницательный взгляд и сказал:

— Моя дорогая юная леди, сейчас не время отказываться смотреть фактам в лицо. Мы все находимся в серьезной опасности. Один из нас У. Н. Оуэн. И мы не знаем, кто именно. Из 10 человек, прибывших на данный остров, трое очищены ото всяческих подозрений. Энтони Марстон, миссис Роджерс и генерал Макартур. Нас осталось семь. И из этих семи, если я могу так выразиться, один поддельный негритенок.

Он помолчал и огляделся.

— Я предполагаю, что все вы согласны?

Армстронг сказал:

— Это фантастично… но, наверное, вы правы.

Блор заметил:

— Никаких сомнений. И, если вы меня спросите, у меня есть неплохая идея…

Его остановил быстрый жест господина судьи

Уогрейва.

Судья спокойно произнес:

— Вскоре мы перейдем к этому вопросу. А пока что я желаю удостовериться, что мы согласны с фактами.

Эмили Брент, которая по-прежнему вязала, сказала:

— Ваш аргумент кажется логичным. Я согласна, что в одного из нас вселился дьявол.

Вера прошептала:

— Не могу поверить… не могу…

Уогрейв сказал:

— Ломбард?

— Абсолютно согласен, сэр.

Судья удовлетворенно кивнул. И продолжил:

— Теперь давайте рассмотрим доказательства. Ну, во-первых, имеются ли у нас какие-либо причины для подозрения одного определенного человека? Мистер Блор, кажется, у вас есть, что сказать.

Блор тяжело задышал и сказал:

— У Ломбарда есть револьвер. Он не сказал правды вчера ночью. И это признает.

— Думаю, мне лучше пояснить все снова.

Он так и сделал: кратко и четко поведал свою историю.

Блор резко заметил:

— Что может подтвердить ваш рассказ? Да ничего.

Судья кашлянул.

— К сожалению, — произнес он, — все мы находимся в том же положении. Полагаться можно лишь на наше слово.

Он подался вперед.

— Никто из вас не понял, сколь странная сложилась ситуация. По-моему, можно воспользоваться лишь одним процедурным ходом. Есть ли кто-нибудь, кого мы вне всяких сомнений можем исключить из числа подозреваемых, полагаясь на известные нам доказательства?

Доктор Армстронг быстро заговорил:

— Я — известный специалист. Сама идея, что меня можно подозревать…

Снова жест судьи прервал говорившего на полуслове. Господин судья Уогрейв произнес своим тихим ясным голосом:

— Я тоже известный человек! Но, мой дорогой сэр, это доказывает меньше, чем ничего! Доктора и раньше сходили с ума. Судьи — тоже. Впрочем, — добавил он, глядя на Блора, — как и полисмены!

Ломбард сказал:

— Ну, уж во всяком случае женщин вы оставите вне подозрений.

Брови судьи поднялись. Он сказал своим знаменитым ядовитым тоном, который так хорошо знали адвокаты:

— Если я правильно понимаю, вы утверждаете, что женщины не подвержены мании убийства?

Ломбард с раздражением ответил:

— Конечно, нет. Но все-таки едва ли кажется возможным…

Он смолк. Господин судья Уогрейв все тем же тонким, кислым голосом обратился к Армстронгу:

— Я так понимаю, доктор Армстронг, что и женщина была физически способна нанести удар, убивший бедного Макартура?

Доктор спокойно ответил:

— Вполне, к тому же если орудие было подходящим — таким, как резиновая или налитая свинцом дубинка.

— Действие не требовало чрезмерного напряжения сил?

— Ничуть.

Господин судья Уогрейв извернул свою черепашью шею и сказал:

— Две другие смерти наступили в результате

введения ядов. Никто не сможет оспорить, что этого легко достичь и человеку малой физической силы.

Вера сердито воскликнула:

— По-моему, вы сумасшедший!

Его глаза медленно заскользили по комнате и остановились на ней. То был бесстрастный взгляд человека, привыкшего взвешивать человеческую природу на весах. Она подумала:

«Он смотрит на меня как… как на экземпляр. И… — неожиданно с удивлением промелькнуло у нее в голове, — он очень меня не любит!»

Размеренным голосом судья говорил:

— Моя дорогая юная леди, попытайтесь сдержать свои чувства. Я вас не обвиняю, — он поклонился мисс Брент. — Надеюсь, мисс Брент, вы не обижены моей настойчивостью, так как мы *все* равно подлежим подозрению?

Эмили Брент вязала. Она даже не подняла головы и холодным голосом сказала:

— Сама идея, что меня можно обвинить в лишении жизни ближнего — не говоря уже о жизнях *трех* ближних — конечно, совершенно абсурдна для любого, кто меня знает. Но я прекрасно сознаю, что все мы друг другу совершенно незнакомые люди и что в данных обстоятельствах

нельзя исключить из числа подозреваемых никого без полнейших доказательств. Как я говорила, среди нас есть дьявол.

Судья сказал:

— В таком случае, мы все согласны. Не может быть исключений на основании характера или положения в обществе.

Ломбард спросил:

— А что насчет Роджерса?

Судья, не мигая, посмотрел на него.

— Что насчет Роджерса?

Ломбард заявил:

— Ну, по-моему, Роджерс ни при чем.

Господин судья Уогрейв спросил:

— Что вы говорите и на каком же основании?

Ломбард сказал:

— Ну, во-первых, у него не хватит на такое мозгов. И, во-вторых, одной из жертв была его жена.

Брови судьи вновь поднялись, и он сказал:

— Молодой человек, передо мной представало несколько человек, обвиненных в убийстве своих жен, и все были признаны виновными.

— О! Согласен. Женоубийство вполне возможно — почти даже естественно! Но не такого рода! Я могу поверить, что Роджерс убил жену, потому что испугался, что она не выдержит и выдаст

его, или потому, что невзлюбил ее, или потому, что присмотрел себе красотку помоложе, как говорится, не с такими длинными зубами. Но я не могу представить его сумасшедшим мистером Оуэном, вершащим безумное правосудие и начинающим с жены, карая ее за преступление, которое они оба совершили.

Господин судья Уогрейв сказал:

— Вы же принимаете слухи за доказательства. Нам не известно, что Роджерс и его жена убили свою работодательницу. Может быть, заявление фальшиво и сделано для того, чтобы создать видимость, будто Роджерс находится в том же положении, что и мы с вами. Вчерашний ужас миссис Роджерс, может быть, был обязан факту, что она поняла, что ее муж психически ненормальный.

Ломбард сказал:

— Что ж, как хотите. У. Н. Оуэн — один из нас. Никаких исключений. Мы все равны.

Господин судья Уогрейв продолжил:

— Я полагаю, что нельзя сделать исключения на основании *характера, общественного положения или вероятности.* Сейчас мы должны рассмотреть возможность исключения из числа подозреваемых одного человека или нескольких

на основании *фактов.* Проще говоря, есть ли среди нас кто-нибудь, кто не мог дать цианид Энтони Марстону или смертельную дозу снотворного миссис Роджерс, и у кого не имелось возможности нанести роковой удар генералу Макартуру?

Грубое лицо Блора просветлело. Он подался вперед.

— А вы говорите дело, сэр! — сказал он. — Что и говорить, дело! Давайте-ка посмотрим. Что касается юного Марстона, по-моему, сделать тут ничего нельзя. Уже предполагалось, что на дно стакана перед тем, как он наполнил его в последний раз, кто-то подбросил яд снаружи. Человеку же, находившемуся в комнате, сделать это было гораздо легче. Не могу вспомнить, был ли в комнате Роджерс, но любой другой без труда бы мог подбросить яд.

Он помолчал и продолжил:

— Теперь давайте займемся этой миссис Роджерс. Сразу же выделяются два человека — ее муж и доктор. Любому из них дать ей яд было проще, чем мигнуть…

Армстронг вскочил на ноги. Он трясся с головы до ног.

— Я протестую… это абсолютно неуместно! Клянусь, что доза, которую я дал женщине, была

совершенно…

— Доктор Армстронг.

Негромкий язвительный голос подавлял и подчинял себе. Доктор, дернувшись, замолк посреди предложения. Тихий ледяной голос продолжил:

— Ваше негодование вполне естественно. Тем не менее вы должны признать, что следует смотреть фактам в лицо. Вы или Роджерс *могли* легче остальных ввести фатальную дозу. Теперь давайте рассмотрим положение других присутствующих. Что за шанс был у меня, у инспектора Блора, у мисс Брент, у мисс Клэйторн и у мистера Ломбарда? Можно ли целиком и полностью очистить от подозрения кого-либо из нас? — Он помолчал. — Думаю, что нет.

Вера сердито сказала:

— Я вообще даже близко к той женщине не подходила! Вы все можете подтвердить.

Господин судья Уогрейв минутку подождал и потом сказал:

— Насколько мне служит память, факты были таковы — будьте любезны, поправьте меня, если я сделаю неправильное заявление. Миссис Роджерс уложили на софу Энтони Марстона и мистер Ломбард, и доктор Армстронг тотчас подошел к ней. Он послал Роджерса за бренди. Тогда возник

вопрос, где находится источник услышанного нами голоса. Мы все вошли в соседнюю комнату. За исключением мисс Брент, которая осталась в этой комнате — одна с потерявшей сознание женщиной.

Пятнышки румянца загорелись на щеках Эмили Брент. Она прекратила вязать и сказала:

— Это возмутительно!

Безжалостный тихий голос продолжил:

— Когда мы вернулись в эту комнату, вы, мисс Брент, склонились над женщиной на софе.

Эмили Брент сказала:

— Разве обычная человечность считается криминальным преступлением?

Господин судья Уогрейв продолжил:

— Я только устанавливаю факты. В комнату вошел Роджерс с бренди, в которое, конечно, он мог с легкостью подмешать яд. Бренди дали женщине, и вскоре ее муж и доктор Армстронг помогли ей добраться до постели, после чего доктор Армстронг дал ей успокаивающее.

Блор сказал:

— Именно. Абсолютно. И тем самым из числа подозреваемых выпадают судья, мистер Ломбард, я сам и мисс Клэйторн.

Он говорил громким ликующим голосом. Гос-

подин судья Уогрейв, устремив на него ледяной взгляд, прошептал:

— Разве? Нам следует принять в расчет *каждую возможность*.

Блор уставился на него и сказал:

— До меня не дошло.

Господин судья Уогрейв сказал:

— Миссис Роджерс лежит в постели наверху в своей комнате. Успокаивающее, которое дал ей доктор, начинает действовать. Она сонная и уступчивая. Предположим, в данный момент раздается стук в дверь, и кто-то входит, принеся ей, скажем, таблетку или дозу жидкого лекарства, и говорит: «Доктор велит вам это принять». Вы можете себе представить хоть на одну минутку, что она не проглотит отраву послушно, даже не подумав дважды?

Наступило молчание. Блор зашаркал ногами и нахмурился. Филип Ломбард заявил:

— Не верю я вашей истории. Кроме того, никто из нас многие часы не оставлял этой комнаты. Смерть Марстона и все такое.

Судья сказал:

— Кто-то мог выйти из ее или его спальни позднее.

Ломбард возразил:

— Но тогда там уже был бы Роджерс.

Доктор Армстронг пошевелился.

— Нет, — сказал он. — Роджерс спустился вниз, чтобы убраться в столовой и буфетной. Тогда любой мог бы незаметно для остальных зайти в комнату женщины.

Эмили Брент спросила:

— Разумеется, доктор, к тому времени она, должно быть, уже крепко спала благодаря лекарству, которое вы ей дали?

— По всей вероятности, да. Но не наверняка. Пока не сделаешь пациенту несколько предписаний, невозможно предугадать его реакцию на разные лекарства. Иногда проходит значительный период времени прежде, чем успокаивающее начинает действовать. Все зависит от реакции пациента на определенное лекарство.

Ломбард сказал:

— Конечно, иначе вы и *не можете* говорить, доктор. Вас это отлично устраивает, *да?*

Снова лицо Армстронга потемнело от гнева.

Но опять бесстрастный, ледяной тихий голос остановил слова, готовые сорваться с его губ.

— От взаимных обвинений хороших результатов не будет. Надо иметь дело с фактами. Думаю, теперь установлено: существует возможность,

что все произошло именно так, как я обрисовал. Согласен, что доля вероятности не очень высока, хотя опять-таки все зависит от того, кто преступник. Появление мисс Брент или мисс Клэйторн с таким поручением не вызвало бы никакого удивления пациентки. Согласен, что появление меня самого или мистера Блора, или мистера Ломбарда было бы по меньшей мере необычно, но все же полагаю, что визит был бы воспринят безо всяких подозрений.

Блор сказал:

— *И к чему* же мы пришли?

VI

Господин судья Уогрейв, поглаживая губу и выглядя невероятно бесстрастным и бесчувственным, заявил:

— Мы сейчас рассмотрели второе убийство и установили факт, что никто из нас не может быть исключен из числа подозреваемых.

Он помолчал и продолжил:

— Теперь мы подошли к смерти генерала Макартура. Она имела место сегодня утром. Я попрошу каждого, кто считает, что он или она имеют алиби, сообщить о сем факте. Я сам сразу заявляю, что не имею твердого алиби. Все утро я

провел, сидя на террасе, и размышлял об исключительной ситуации, в которой мы все оказались. Я сидел все утро на том стуле на террасе до тех пор, пока не прозвучал гонг, но должен сказать, было несколько временных периодов, когда меня никто не видел и когда я мог спуститься к морю, убить генерала и вернуться на свой стул. Имеется лишь одно мое слово, что я не оставлял террасы. В данных обстоятельствах этого недостаточно. Нужно *доказательство.*

Блор сказал:

— Я все утро был с мистером Ломбардом и доктором Армстронгом. Они подтвердят.

Доктор Армстронг сказал:

— Вы ходили в дом за веревкой.

Блор ответил:

— Конечно, ходил. Прямо туда и обратно. И вам это известно.

Армстронг возразил:

— Вы долго отсутствовали…

Блор стал малиновым и свирепо поинтересовался;

— Какого черта вы имеете в виду, доктор Армстронг?

Армстронг повторил?

— Я только сказал, что вы долго отсутствовали.

— Ведь ее надо было найти, вы это понимаете? Не мог же я через минуту раздобыть веревку.

Господин судья Уогрейв сказал:

— Во время отсутствия инспектора Блора вы двое оста вались вместе?

Армстронг разгоряченно заявил:

— Конечно. Правда, Ломбард отходил на несколько минут. Я же оставался на месте.

Ломбард с улыбкой сказал;

— Я хотел проверить, нет ли возможности послать на материк гелиограмму. Решил отыскать местечко получше. Отсутствовал всего минуту-две.

Армстронг кивнул и сказал:

— Верно. Заверяю вас, за это время невозможно совершить убийство.

Судья спросил:

— Кто-нибудь из вас смотрел на часы?

— Э… нет.

Филип Ломбард ответил:

— Я вообще их не ношу.

Судья ровным голосом произнес:

— Минута-две — понятие весьма растяжимое. — Он повернул голову в направлении фигуры с прямой спиной с вязанием на коленях.

— Мисс Брент?

Эмили Брент сказала:

— Я прогулялась с мисс Клэйторн на вершину острова. Потом сидела на террасе под солнцем.

Судья сказал:

— По-моему, я вас там не видел.

— *Я* сидела за углом дома на восточной стороне. Там не было ветра.

— И вы сидели там вплоть до ленча?

— Да.

— Мисс Клэйторн?

Вера ответила четко и охотно:

— Первую половину утра я провела с мисс Брент. Потом немного погуляла. Спустилась к морю и поговорила с генералом Макартуром.

Господин судья Уогрейв ее прервал.

Он спросил:

— Сколько тогда было времени?

В первый раз Вера не могла ответить определенно. Она сказала:

— Не знаю я. Думаю, примерно за час до ленча… или даже меньше.

Блор спросил:

— Вы разговаривали с ним до или после?

Вера ответила:

— Не знаю. Он… он был очень странный.

Она поежилась.

— Чем именно он был странный? — захотел узнать судья.

Низким голосом Вера произнесла:

— Он сказал, что мы все умрем… сказал, что ждет своего конца. Он… он меня напугал…

Судья кивнул и спросил:

— Что вы делали потом?

— Вернулась в дом. Потом прямо перед ленчем снова вышла и прогулялась позади дома. Я весь день жутко беспокоилась.

Господин судья Уогрейв погладил подбородок и сказал:

— Тогда остается Роджерс. Хотя сомневаюсь, что его показания добавят что-то к нашей сумме фактов.

Роджерс, вызванный для дачи свидетельских показаний, мало что мог сообщить. Он все утро занимался домашними делами и готовил ленч. Перед ленчем отнес на террасу коктейли и потом поднялся, чтобы перенести свои вещи с верхнего этажа в другую комнату. Ни разу за утро он не выглядывал из окна и не видел ничего, могущего иметь отношение к смерти генерала Макартура. Он готов был поклясться, что, когда он накрывал ленч, на столе было восемь фарфоровых фигурок.

После показаний Роджерса наступила пауза.

Господин судья Уогрейв прочистил горло.

Ломбард прошептал Вере Клэйторн:

— Сейчас будет суммировать!

Судья сказал:

— Мы рассмотрели обстоятельства трех смертей со всем надлежащим старанием. Обнаружена вероятность замешанности определенных людей в некоторых случаях, но, однако, мы не можем со всей уверенностью констатировать, что кто-то целиком и полностью очищен от подозрения. Я вновь повторяю: убежден, что из семи человек, собравшихся в этой комнате, один — опасный и, вероятно, ненормальный преступник. У нас не имеется никаких доказательств насчет того, кто этот человек. В настоящий момент все, что мы можем сделать, — это рассмотреть, какие меры мы в состоянии принять для установления связи с материком, дабы испросить у них помощи и в случае, если помощь придет не безотлагательно (что весьма вероятно при нынешнем состоянии погоды), какие меры мы должны принять для обеспечения нашей безопасности. Я должен попросить вас всех внимательно продумать сказанное мною и сообщить о всех своих предложениях. Тем временем прошу каждого быть

начеку. До сих пор убийца с легкостью достигал своей цели, потому что его жертвы ни о чем не подозревали. Отныне мы обязаны подозревать всех и каждого. Предостережен значит вооружен. Не рискуйте и будьте настороже. Это все.

Филип Ломбард прошептал себе под нос:

— Суд удаляется на совещание…

Глава десятая

I

— Вы верите этому? — спросила Вера.

Она и Филип сидели на подоконнике в гостиной. За окном небо изливало на землю потоки дождя, и громко, с содроганием завывал ветер.

Филип Ломбард чуть склонил голову набок и потом ответил:

— Вы имеете в виду, верю ли я, что старый Уогрейв прав, когда говорит, что сумасшедший — один из нас?

— Да.

Филип Ломбард медленно произнес:

— Трудно сказать. С точки зрения логики он прав, но, однако…

Вера подхватила:

— Но, однако, это кажется просто невероятным!

Филип Ломбард скорчил гримасу.

— Вообще все невероятно! Но после смерти Макартура нет сомнений в одном. Теперь не стоит вопрос о несчастном случае или самоубийстве. Убийство. Уже три убийства.

Вера поежилась и сказала:

— Все похоже на ужасный сон. *Я* постоянно чувствую, что подобное просто *не может* случиться!

Он с пониманием ответил:

— Знаю. Вскоре раздастся стук в дверь и внесут утренний чай.

Вера сказала:

— О! Как бы я хотела, чтобы это произошло!

Филип Ломбард сурово проговорил:

— Да, но этого не произойдет. Мы все живем во сне? И теперь все мы должны быть начеку.

Понизив голос, Вера спросила:

— Если… если он *действительно* один из нас… то кто, по-вашему?

Неожиданно Филип Ломбард ухмыльнулся и негромко сказал:

— Я так понимаю, что нас обоих не исключают? Что ж, верно. Я прекрасно знаю, что не убийца, и не думаю, что в вас, Вера, есть что-то ненормальное. Вы кажетесь мне одной из наиболее рассудительных и хладнокровных девушек, с какими я только встречался. Ручаюсь своей репутацией за вашу нормальность.

С кривоватой улыбкой Вера сказала:

— Спасибо.

Он заметил:

— Ну как, мисс Вера Клэйторн, неужели вы не хотите ответить комплиментом на комплимент?

Вера немного поколебалась и потом сказала:

— Знаете, вы сами признались, что не особенно свято относитесь к человеческой жизни, но все-таки я не могу себе вас представить… как… как человека, продиктовавшего текст граммофонной пластинки.

Ломбард ответил:

— Совершенно верно. Если бы я и совершил одно или больше убийств, то исключительно ради собственной выгоды. Массовое покарание нечестивцев не по моей части. Хорошо, значит, мы исключим себя и сконцентрируем внимание на пяти других пленниках. Который из них У. Н. Оуэн? Что ж, скажу наугад и абсолютно без всяких доказательств: я голосую за Уогрейва!

— О! — похоже, Вера была удивлена. Она подумала несколько минут и потом спросила:

— Почему?

— Трудно ответить точно. Но, во-первых, он старик и много лет председательствовал в суде. Точнее говоря, многие месяцы в каждом году он исполнял роль Всемогущего Господа нашего. В конце концов, это вскружило ему голову. Он

начинает видеть себя всемогущим, держащим в своих руках нити жизни и смерти; вполне возможно, что его мозг не выдержал, и он захотел пойти на один шаг дальше — стать Палачом и Чрезвычайным судьей в одном лице.

Вера медленно произнесла:

— Да, думаю, такое *возможно*…

Ломбард спросил:

— А на ком вы останавливаете свой выбор?

Вера ответила без колебаний:

— Доктор Армстронг.

Ломбард тихо присвистнул.

— Доктор, а? Знаете, я бы поставил его на последнее место…

Вера покачала головой.

— О, нет! Две смерти были вызваны отравлением. Это указывает на врача больше, чем на кого бы то ни было. И потом есть факт, в котором мы абсолютно уверены. Миссис Роджерс выпила снотворное, которое *он* ей дал.

Ломбард признал:

— Да, верно.

Вера настаивала:

— Если доктор сошел с ума, подозревать его начнут не сразу. И врачи часто работают слишком много и испытывают чрезмерное напряжение.

Филип Ломбард сказал:

— Да, но сомневаюсь, что он смог бы убить Макартура. Того краткого времени, на которое я его оставлял, ему не хватило, да, не хватило бы, если только он не бегал туда и обратно как угорелый; сомневаюсь, что он достаточно хорошо тренирован, чтобы это сделать незаметно.

Вера сказала:

— Тогда он его и не убивал. Шанс предоставился позднее.

— Когда?

— Когда он пошел звать генерала к ленчу.

Филип снова очень тихо присвистнул и сказал:

— Значит, по-вашему, он это все делал? Хладнокровие нужно немалое.

Вера нетерпеливо заявила:

— А какой тут был риск? Он единственный человек из нас, обладающий медицинскими познаниями. Он может поклясться, что человек был мертв, по крайней мере, час, и кто сможет опровергнуть его слова?

Филип задумчиво посмотрел на нее.

— Знаете, — сказал он, — ваша идея совсем недурна. Хотел бы я знать…

II

— Кто он, мистер Блор? Вот что я хочу знать. Кто он?

Лицо Роджерса дергалось. Его руки сжали кусок кожи для полировки.

Экс-инспектор Блор ответил:

— Э, парень, вот в чем вопрос!

— Его светлость сказал, один из нас. Но который? Вот что я хочу знать. Кто тот дьявол, который скрывается за человечьей личиной?

— Это, — заявил Блор, — как раз то, что мы все хотели бы знать.

Роджерс проницательно заметил:

— Но у вас есть идея, мистер Блор. Есть же у вас идея, а?

— Может быть, идея-то и есть, — медленно отозвался Блор. — Но от идеи до уверенности долгий путь. Может быть, я ошибаюсь. Я могу лишь сказать, что, если я прав, тот человек хладнокровный наглец… очень хладнокровный наглец, что и говорить.

Роджерс вытер испарину, выступившую на лбу, и хрипло произнес:

— Прямо как дурной сон какой-то.

Блор, с любопытством глядя на него, поинте-

ресовался:

— А у вас самого есть какие-нибудь идеи, Роджерс?

Дворецкий покачал головой и хрипло сказал:

— Не знаю. Ничего не знаю. И боюсь поэтому до смерти. Боюсь, потому что понятия не имею…

III

Доктор Армстронг бурно заявил:

— Мы должны отсюда выбраться… должны… должны! Во что бы то ни стало!

Господин судья Уогрейв задумчиво выглядывал из окна курительной комнаты, поигрывая шнурком от своего пенсне.

Он сказал:

— Я, конечно, не намереваюсь брать на себя роль предсказателя погоды, но должен заявить: крайне маловероятно, что лодка сможет до нас добраться — даже если бы людям было известно о том затруднительном положении, в котором мы оказались… менее чем за 24 часа — и то только в том случае, если стихнет ветер.

Доктор Армстронг уронил голову на руки и застонал.

Он сказал:

— И тем временем нас запросто могут всех пе-

ребить прямо в собственных постелях?

— Надеюсь, что нет, — ответствовал господин судья Уогрейв. — Я намереваюсь принять все меры предосторожности во избежание подобной участи.

В голове доктора Армстронга промелькнуло, что такой старик, как судья, наверняка гораздо сильнее будет цепляться за жизнь, чем человек помоложе. Он часто дивился этому факту, сталкиваясь, с ним во время работы. Вот он, к примеру, наверняка младше судьи лет на двадцать, и, однако, инстинкт самосохранения у него наверняка во много крат слабее, чем у судьи.

Господин судья Уогрейв думал: «Перебиты прямо в собственных постелях! Эти доктора все одинаковы — мыслят стереотипами. От начала и до конца банальный склад ума».

Доктор сказал:

— Вспомните, уже есть три жертвы.

— Конечно. Но вы тоже должны помнить, что они были не готовы к нападению. Мы же предостережены.

Доктор Армстронг с горечью сказал:

— Но что мы можем сделать? Рано или поздно…

— По-моему, — заявил господин судья Уо-

грейв, — мы можем предпринять несколько шагов.

Армстронг заметил:

— Мы даже понятия не имеем, кто может быть…

Судья погладил подбородок и прошептал:

— Знаете, я бы не стал так говорить.

Армстронг уставился на него.

— Вы имеете в виду, *что знаете?*

Господин судья Уогрейв осторожно произнес:

— Что касается фактических доказательств, каковые необходимы в суде, признаю, что не имею ничего. Но мне кажется после рассмотрения всего дела, что один человек очень четко выступает из общего ряда. Да, думаю, что так.

Армстронг уставился на него и сказал:

— Не понимаю.

IV

Мисс Брент поднялась в свою комнату.

Она взяла Библию и села у окна.

Она открыла ее. Потом после краткого колебания отложила в сторону и подошла к туалетному столику. Из ящика она вынула маленький блокнот в черной обложке.

Она открыла его и начала писать.

«Произошло ужасное событие. Генерал Макартур мертв. (Его кузен женат на Элзи Макферсон). Несомненно, его убили. После ленча судья произнес весьма интересную речь. Он убежден, что убийца — один из нас. Это означает, что одного из нас вселился дьявол Я уже это подозревала. Но кто именно? Они все задаются этим вопросом. Знаю только я одна...»

Некоторое время она сидела, не двигаясь. Ее глаза стали рассеянными и туманными. Карандаш пьяно зашатался в ее пальцах. Трясущейся рукой она написала:

«ИМЯ УБИЙЦЫ — БЕАТРИС ТЕЙЛОР...»

Ее глаза закрылись.

Неожиданно вздрогнув, она очнулась. Она посмотрела на свой блокнот. С сердитым восклицанием она увидела неровно нацарапанные буквы последнего предложения и произнесла низким голосом:

— Это я написала? Я? *Должно быть, я схожу с ума...*

V

Шторм усиливался с каждой минутой. Ветер выл вокруг дома.

Все собрались в гостиной. Сидели, сбившись в кучку, вялые и апатичные. И тайком наблюдали друг за другом.

Когда Роджерс внес поднос, все подпрыгнули. Он сказал:

— Я задерну занавески? Так в комнате будет веселей.

Получив согласие, он претворил свои слова в дело и включил свет. Комната действительно повеселела. Тень угрозы поблекла. Конечно, завтра настанет утро. Шторм закончится, и кто-то придет… прибудет катер…

Вера Клэйторн сказала:

— Вы будете разливать чай, мисс Брент?

Старая дама ответила:

— Нет, лучше это сделать вам. Чайник такой тяжелый. И я потеряла два мотка своей серой шерсти. Так досадно.

Вера шагнула к столу. Раздались веселые стук и звон фарфора.

Вернулось ощущение обыденности.

Чай! Благословенный обычный, повседневный

чай! Филип Ломбард сделал веселое замечание. Блор ответил. Доктор Армстронг рассказал шутливую историю. Господин судья Уогрейв, который обычно чай ненавидел, с одобрением прихлебывал сей напиток.

И когда напряжение, наконец, спало, в комнату вошел Роджерс.

И Роджерс был расстроен. Он нервозно, не обращаясь ни к кому в особенности, произнес:

— Простите, сэр, но кто-нибудь знает, что произошло с занавеской из ванной?

Ломбард резко вскинул голову.

— Занавеска из ванной? Какого дьявола вы имеете в виду, Роджерс?

— Она пропала, сэр, исчезла. Я задергивал все занавески — и одной, в ванне с туалетом, не оказалось на месте.

Господин судья Уогрейв спросил:

— Сегодня утром она там была?

— О, да, сэр.

Блор осведомился:

— Что это была за занавеска?

— Алая, разновидность клеенки, сэр. Она подходила к алой плитке.

Ломбард спросил:

— И она пропала?

— Пропала, сэр.

Они уставились друг на друга.

Блор хрипло произнес:

— Что ж... в конце концов... что тут такого? Это безумие... но как и все остальное. Во всяком случае значения это не имеет. Невозможно убить кого-то занавеской из клеенки. Забудем об этом.

Роджерс сказал:

— Да, сэр, благодарю вас, — и он вышел, закрыв за собой дверь.

А на комнату вновь пало покрывало страха.

И снова тайком они наблюдали друг за другом.

VI

Наступило время обеда, все поели, посуда была убрана. Простая еда, большей частью состоящая из консервов.

Потом все собрались в гостиной. Но напряжение было слишком велико.

В 9 часов Эмили Брент встала и сказала:

— Я иду спать.

Вера заявила:

— Я тоже.

Обе женщины поднялись наверх, и с ними пошли Ломбард и Блор. Стоя на верхней площадке, мужчины смотрели, как женщины вошли в

свои комнаты и закрыли двери. Они услышали шум двух задвижек и звук поворачивающихся ключей.

Блор с ухмылкой заметил:

— Нет надобности говорить им, что нужно запирать двери!

Ломбард сказал;

— Что ж, во всяком случае, *они* на ночь в безопасности!

Он снова спустился вниз, и Блор последовал за ним.

VII

Четверо мужчин отправились спать через час.

Они поднялись вместе. Роджерс, готовивший стол для завтрака в столовой, увидел, как они поднимались. Он услышал, как они остановились на верхней лестничной площадке. Потом заговорил судья.

— Едва ли мне нужно советовать вам, джентльмены, запереть свои двери.

Блор добавил:

— Больше того, надо поставить стул под ручку. Есть множество способов отпереть замок снаружи.

Ломбард прошептал:

— Мой дорогой Блор, ваша беда в том, что вы знаете слишком много!

Судья сурово сказал:

— Спокойной ночи, джентльмены. Может быть, утром мы все встретимся живыми и здоровыми!

Роджерс вышел, из столовой и украдкой поднялся до середины лестницы. Он увидел, как четыре фигуры скрылись за четырьмя дверьми, услышал, как повернулись четыре ключа в четырех замках и задвинулись четыре задвижки.

Он кивнул и пробормотал:

— Полный порядок.

Он вернулся в столовую. Да, для утра все было готово. Его взгляд задержался на центральном зеркале и семи маленьких фарфоровых фигурках.

Неожиданно на его лице появилась ухмылка. Он прошептал:

— Во всяком случае, я позабочусь, чтобы сегодня ночью никто трюков не сыграл.

Он пересек комнату, запер дверь в буфетную. Потом, вернувшись в холл через другую комнату, закрыл дверь, запер ее и положил ключ в карман. После чего, выключив свет, он заторопился вверх по лестнице в свою новую спальню.

Спрятаться там можно было только в одном

месте — в высоком гардеробе. И он немедленно в него заглянул. Потом, заперев дверь на замок и задвижку, он приготовился ко сну.

Он сказал сам себе:

— Сегодня ночью никаких трюков с негритятами не будет. Я об этом позаботился…

Глава одиннадцатая

I

Филип Ломбард обычно просыпался на рассвете.

Так он пробудился и этим утром. Он приподнялся на локте и прислушался. Ветер немного поутих, но дул по-прежнему. Шума дождя не доносилось.

В восемь утра ветер задул сильнее, но Ломбард его не услышал. Он снова спал.

В девять тридцать он сидел на краю кровати, глядя на свои часы. Он приложил их к уху. Потом его губы раздвинулись в той самой странной волчьей ухмылке, которая была для него характерна.

Он очень тихо произнес:

— По-моему, пришло время что-то предпринять.

Без двадцати десять он стучал в закрытую дверь комнаты Блора. Тот осторожно ее приоткрыл. Его волосы стояли дыбом, а глаза все еще были тусклые ото сна.

Филип Ломбард любезно заметил:

— Всю ночь напролет спали? Что ж, значит,

совесть у вас чиста.

Блор коротко спросил:

— В чем дело?

Ломбард ответил:

— Кто-нибудь вас будил… или чай приносил? Вы знаете, сколько сейчас времени?

Блор взглянул через плечо на маленькие походные часы, которые стояли возле его кровати, и сказал:

— Без двадцати пяти десять. Просто не верится, что я смог столько проспать. Где Роджерс?

Филип Ломбард заметил:

— Это тот случай, когда эхо отвечает «Где?»[29].

— Что вы имеете в виду? — резко спросил экс-инспектор.

Ломбард пояснил:

— Я имею в виду, что Роджерс исчез. Его нет ни в его комнате, нигде вообще. И чайник не поставлен, и плита на кухне не растоплена.

Блор тихо выругался и сказал:

— Где же, черт возьми, он может быть? Где-то на острове? Подождите, пока я кое-что накину. Посмотрите, не знает ли кто чего.

---

[29] Примечания: 29

Ссылка на строки из «Абидосской невесты» Дж. Г. Байрона «…выслушай вопрос торопливый, отчаянья полный: «Где мой ребенок?». И эхо ответствует: «Где?»

Филип Ломбард кивнул и зашагал вдоль линии закрытых дверей.

Он обнаружил, что Армстронг уже проснулся и аккуратно оделся. Господина судью Уогрейва, как и Блора, пришлось разбудить. Вера Клэйторн была одета. Комната Эмили Брент пуста.

Маленькая группка двинулась по дому. Комната Роджерса, как Филип Ломбард уже удостоверился, была необитаема. В кровати спали; бритва, губка и мыло Роджерса были влажные.

Ломбард заметил:

— Он встал, это точно.

Вера спросила низким голосом, пытаясь заставить его прозвучать твердо и уверенно:

— Вы не думаете, что он… где-то прячется… поджидает нас?

Ломбард ответил:

— Моя дорогая девочка, я готов думать, что угодно, о ком угодно! Мой совет — держаться всем вместе, пока его не найдем.

Армстронг заявил:

— Должно быть, он где-то на острове.

Блор, который присоединился к ним, одетый, но еще небритый, сказал:

— Куда делась мисс Брент — вот вам другая тайна?

Но когда они спустились в холл, появилась Эмили Брент.

На ней был макинтош. Она сказала:

— Море по-прежнему бурное. Не думаю, что какой-нибудь катер сможет сегодня выйти из бухты.

Блор спросил:

— Вы что, одна бродили по острову, мисс Брент? Разве вы не понимаете, что это по меньшей мере глупо?

Эмили Брент сказала:

— Заверяю вас, мистер Блор, что все время была начеку.

Блор фыркнул и спросил:

— Роджерса где-нибудь видели?

Брови мисс Брент поднялись:

— Роджерса? Нет, сегодня утром я его не видела. А почему вы спрашиваете?

Тут спустился господин судья Уогрейв, выбритый, одетый, с фальшивыми зубами в надлежащем месте. Он шагнул к открытой двери столовой и заметил:

— Ха, вижу, он накрыл стол для завтрака.

Ломбард же сказал:

— Должно быть, он это сделал вчера ночью.

Все вошли в комнату, глядя на аккуратный ряд

тарелок и ножей. На линию чашек на буфете. На фетровые коврики, готовые для кофейника.

Вера первой заметила это. Она схватила судью за руку, и крепкая хватка ее атлетических пальцев заставила старого джентльмена поморщиться от боли. Она воскликнула:

— Ниггеры! Смотрите!

Посреди стола было только шесть фарфоровых фигурок.

II

Они нашли его почти сразу.

Он был в маленькой прачечной, расположенной во дворе. Он колол жерди для того, чтобы растопить плиту на кухне. В руке у него по-прежнему был маленький топорик. Топор побольше и потяжелее был прислонен к двери — его металл запачкали чем-то тускло-коричневым. Пятно полностью объясняло глубокую рану на затылке Роджерса…

III

— Все ясно, — сказал Армстронг. — Должно быть, убийца подкрался сзади, замахнулся топором и изрубил ему голову, когда он наклонился.

Блор оживленно посыпал ручку топора мукой из сита.

Господин судья Уогрейв осведомился:

— Нужно ли было для нанесения такой раны обладать большой силой, доктор?

Армстронг сурово ответил:

— Женщина могла бы ее нанести, если вы это имеете в виду.

Он быстро огляделся. Вера Клэйторн и Эмили Брент удалились на кухню.

— Девушка запросто могла бы это сделать — она атлетически сложена. Внешне мисс Брент, конечно, хрупкая, но такие женщины часто жилисты и сильны. К тому же следует помнить, что психически неуравновешенный человек всегда силен.

Судья задумчиво кивнул.

Блор со вздохом встал с коленей и сказал:

— Никаких отпечатков. Рукоять потом вытерли.

И вдруг они резко повернулись, услышав смех. Во дворе стояла Вера Клэйторн. Она выкрикнула высоким пронзительным голосом, сотрясаясь от хохота:

— На этом острове разводят пчел? Скажите мне. Куда мы пойдем за медом? Ха! Ха!

Они непонимающе уставились на нее. Ка-

залось, разумная, уравновешенная девушка сходила с ума у них на глазах. Она продолжила все тем же высоким неестественным голосом:

— Не таращьтесь так! Можно подумать, вы считаете меня сумасшедшей. Я задаю вполне разумный вопрос. Пчелы, ульи, пчелы! О, вы не поняли? Разве вы не читали этой идиотской считалочки? Она же во всех ваших спальнях — висит для изучения! Мы бы сразу могли сюда прийти, если бы имели хоть каплю здравого смысла. *«Семь негритят раскалывали жердь».* И следующий куплет. Я наизусть все знаю! *«Шесть негритят стали с ульем играть».* Вот почему я спрашиваю: разводят ли на этом острове пчел? Разве это не забавно?.. Разве это не чертовски забавно?..

Она вновь начала дико смеяться. Доктор Армстронг шагнул к ней, поднял руку и наотмашь ударил ее по щеке.

Она раскрыла рот, икнула и сглотнула слюну. Минуту-другую она стояла неподвижно и потом сказала:

— Благодарю вас... теперь я в полном порядке...

Вновь ее голос стал спокойным и контролируемым — голос нормальной учительницы

физкультуры.

Она повернулась и направилась по двору на кухню, говоря на ходу:

— Мисс Брент и я приготовим вам завтрак. Не могли бы вы… принести немного жердей, чтобы растопить плиту?

След от руки доктора пылал на ее щеке.

Когда она вошла в кухню, Блор заметил:

— Что ж, вы неплохо справились, доктор.

Армстронг извиняющимся тоном сказал:

— Другого не оставалось! Не хватало нам только истерик.

Филип Ломбард заметил:

— Она не истеричка.

Армстронг согласился:

— О, да. Хорошая здоровая разумная девушка. Просто неожиданный шок. Такое могло случиться со всяким.

Роджерс наколол достаточно дров перед тем, как был убит. Они собрали их и отнесли на кухню. Вера и Эмили Брент занимались приготовлением еды. Мисс Брент разгребала уголь в плите. Вера сдирала шкуру с бекона.

Эмили Брент сказала:

— Благодарю вас. Мы постараемся справиться как можно быстрее — через полчаса или сорок

пять минут. Чайник уже закипает.

IV

Экс-инспектор Блор низким хриплым голосом обратился к Филипу Ломбарду:

— Знаете, что я думаю?

Филип Ломбард ответил:

— Так как вы собираетесь мне сообщить, не стоит тратить время и силы на догадку.

Экс-инспектор Блор был серьезным человеком. Тонкости были ему непонятны. Он хрипло продолжил:

— Был один случай в Америке. Старый джентльмен и его жена — оба убиты топором. Прямо утром. В доме не было никого, кроме прислуги и их дочери. Прислуга, как доказали, не могла совершить преступление. Дочь была респектабельной пожилой старой девой. Казалось невероятным, что она совершила преступление. Так невероятно, что ее оправдали. Но другого решения так и не нашли, — он помолчал. — Я вспомнил об этом, когда увидел топор, и потом, когда вошел в кухню и увидел ее, такую аккуратную и спокойную. Глазом не моргнула! Девушка истерику закатила — что ж, вполне естественно, такое можно ожидать. Как по-вашему?

Филип Ломбард лаконично ответил:

— Вполне.

Блор продолжил:

— Но другая! Такая аккуратная и чопорная, и в том фартуке — наверняка фартук миссис Роджерс… и говорит: «Завтрак будет готов примерно через полчаса». Если вы меня спросите, по-моему, эта женщина сумасшедшая, как шляпник[30]. Многие старые девы, в конце концов, свихиваются… я не имею в виду, что начинают страдать манией убийства, но чокаются немножко. К несчастью, и с ней такое случилось. Религиозная мания: считает себя орудием Господа, что-то в этом роде! Знаете, она сидит в своей комнате и читает Библию.

Филип Ломбард вздохнул и заметил:

— Вряд ли это можно считать определенным доказательством неуравновешенной психики, Блор.

Но Блор упорно и настойчиво продолжал:

— И потом, она выходила из дома — в макинтоше, говорила, что смотрела на море.

Ломбард покачал головой и сказал:

---

[30] Примечания: 30

Поговорка, ставшая широко употребляемой после выхода в свет «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэролла. Считалось, что шляпники сходят с ума из-за того, что обрабатывают фетр ртутью.

— Роджерса убили, когда он колол дрова, а точнее говоря, во время первого же его занятия после пробуждения. Мисс Брент не было надобности бродить потом на улице несколько часов. Если вы меня спросите, по-моему, убийца Роджерса позаботился сразу завалиться в постель и храпеть как можно громче.

Блор сказал:

— Вы не уловили смысла, мистер Ломбард. Если женщина была невиновна, она бы ни за что не набралась храбрости бродить по острову одна. Она бы сделала это только в том случае, *если знала, что ей нечего бояться.* Точнее говоря, *если она сама и есть преступница.*

Филип Ломбард сказал:

— Да, неплохой пункт… я как-то и не подумал.

Со слабой ухмылкой он добавил:

— Рад, что вы все еще не подозреваете меня.

Блор немножко стеснительно сказал:

— Я начинал подумывать о вас — тот револьвер… и ваша странная история, которую вы рассказали… или, точнее, не сразу рассказали. Но сейчас, в таком случае, понял, что все было бы слишком просто.

Он помолчал и заявил:

— Надеюсь, вы обо мне того же мнения.

Филип задумчиво произнес:

— Конечно, может, я ошибаюсь, но, по-моему, у вас мало воображения для подобной работенки. Все, что я могу сказать, — это то, что если вы и есть преступник, то вы гениальный актер, и я снимаю перед вами шляпу, — он понизил голос. — Только, между нами, Блор, и принимая в расчет, что до того, как завершится следующий день, мы, вполне вероятно, станем трупами, вы, полагаю, действительно согрешили лжесвидетельством?

Блор стал обеспокоенно переминаться с одной ноги на другую. Наконец он сказал:

— Лэндор в самом деле был невиновен. Шайка меня подкупила, и мы договорились упечь его в каталажку. Имейте в виду, я бы этого не признал…

— При свидетелях, — с ухмылкой закончил Ломбард. — Это останется между нами. Что ж, надеюсь, вы урвали неплохой куш.

— Не дали они обещанного. Мерзкая банда, эта шайка Паркелла. Однако повышение по службе я получил.

— А Лэндор получил пожизненный срок и умер в тюрьме.

— Откуда мне было знать, что он умрет, а? — потребовал Блор.

— Право, откуда, что ж, вам не повезло.

— Мне? Вы имеете в виду — ему?

— И вам тоже. Потому что в результате, похоже, ваша собственная жизнь неприятно сократится.

— Моя? — Блор уставился на него. — Уж не думаете ли вы, что я отправлюсь по той же дорожке, что Роджерс и остальные? Кто угодно, только не я! Могу вас заверить, что я о себе позабочусь.

Ломбард сказал:

— О, вообще-то, я не люблю держать пари. И, во всяком случае, если вы будете мертвы, платы я не получу.

— Дослушайте, Ломбард, что вы имеете в виду?

Филип Ломбард обнажил свои зубы и сказал:

— Я имею в виду, мой дорогой Блор, что, по моему мнению, у вас нет никаких шансов!

Что?

— То, что вы лишены воображения, делает вас сидячей мишенью. У. Н. Оуэн же одарен богатейшим воображением и сможет заткнуть вас за пояс в любой момент, когда он или она этого захочет.

Лицо Блора стало малиновым. Он сердито потребовал;

— А что вы сами?

Лицо Филипа Ломбарда стало жестоким и опас-

ным, и он ответил;

— Воображения у меня предостаточно. Я не раз попадал в переделки и всегда выпутывался! По-моему… не хотел бы ручаться, но *я думаю*, что выпутаюсь и на сей раз.

V

Яичница жарилась на сковороде. Вера, поджаривая хлеб, подумала про себя: «Почему я выставила себя истеричной дурой? Это была ошибка. Спокойней, моя девочка, спокойней».

В конце концов, она всегда гордилась своим хладнокровием! *«Мисс Клэйторн вела себя удивительно — держала себя в руках и сразу поплыла за Сириллом».*

Зачем теперь об этом думать? Все кончено… кончено… Сирилл исчез задолго до того, как она приблизилась к скале. Она почувствовала, как течение подхватывает ее, уносит в море. Она не стала сопротивляться… плыла спокойно, размеренно — до тех пор, пока, наконец, не прибыла лодка…

Ее хвалили за храбрость и выдержку. *Но не Хьюго. Хьюго просто смотрел на нее…*

Господи, какую боль даже сейчас причиняют мысли о Хьюго…

Где он был? Что он делал? Он помолвлен, женат?

Эмили Брент резко сказала:

— Вера, тост подгорает…

— О, простите, мисс Брент верно. Какая я глупая!

Эмили Брент вынула последнее яйцо из шипящего жира.

Вера, наткнув на вилку для приготовления тостов новый кусок хлеба, с любопытством заметила:

— Вы так изумительно спокойны, мисс Брент.

Эмили Брент ответила, сжав губы:

— Я была воспитана держать себя в руках и никогда не поднимать шума из ничего.

Вера машинально подумала: «Подавлена в детстве… Это многое объясняет…».

Она спросила:

— Вы не боитесь? — помолчала и потом добавила: — Или вы не возражаете умереть?

Умереть! Словно маленький буравчик вгрызся в броню, окружавшую мозг Эмили Брент. Умереть? Но она не собиралась умирать! Другие должны умереть да, но не она, не Эмили Брент. Эта девушка ничего не понимает! Эмили не боялась: естественно, никто из Брентов ничего не

боялся. Все ее родственники и предки были военными. Они стойко смотрели смерти в лицо. Они жили праведно, как и она, Эмили Брент… Она никогда на совершала ничего постыдного. И посему, естественно, она не собиралась умирать…

«Господь помнит о верных слугах своих: «Ты не будешь страшиться ни ужаса ночного, ни стрелы, днем летящей…»

Сейчас был день — и ужаса не было. *«Никто из нас не покинет этот остров»,* — кто так говорил? Конечно, генерал Макартур, чей кузен был женат на Элзи Макферсон. Похоже, ему было *безразлично*. Казалось, он… даже… *приветствовал* смерть! Безнравственно! Почти нечестиво. Некоторые так мало думали о смерти, что даже сами кончали с собой… *Беатрис Тейлор…* Прошлой ночью она видела во сне Беатрис — видела, что та на улице, прижимает лицо к окну, стонет, просит, чтобы ее впустили. Но Эмили Брент не хотела ее впускать. Потому что иначе произойдет что-то ужасное… Вздрогнув, Эмили пришла в себя.

Эта девушка очень странно смотрела на нее. Она отрывисто произнесла:

— Все готово, не так ли? Давайте отнесем завтрак в столовую.

VI

Завтрак был странной трапезой. Все вели себя крайне вежливо.

— Не налить ли вам еще кофе, мисс Брент?

— Мисс Клэйторн, ломтик окорока?

— Еще кусочек тоста?

Шесть человек внешне все нормальные и сдержанные.

А внутри? Мысли бежали по кругу, словно белки в колесе…

«Что потом? Что потом? Кто? Который?»

«Сработает ли? Интересно. Стоит попытаться, если есть время. Боже мой, если есть время…»

«Религиозная мания, точно… Однако, глядя на нее, и не верится… А вдруг я ошибаюсь…»

«Это безумие — все безумие. Я схожу с ума. Шерсть исчезла… Красные занавески — бессмыслица какая-то. Ничего понять не могу…»

«Чертов идиот, он поверил каждому моему слову. Это было легко… Однако я должен быть осторожен, очень осторожен».

«Шесть фарфоровых фигурок… только шесть… сколько останется к ночи?»

— Кто съест последнее яйцо?

— Джем?

— Благодарю, могу ли я отрезать вам хлеба?

Шесть человек, нормально ведущих себя за завтраком…

Глава двенадцатая

I

Трапеза окончилась.

Господин судья Уогрейв прочистил горло и произнес тихим властным голосом:

— Думаю, было бы желательно, если бы мы обсудили положение. Скажем, через полчаса в гостиной?

Все издали звуки, означающие согласие.

Вера начала собирать тарелки. Она сказала:

— Я их вымою.

Филип Ломбард заметил:

— Мы донесем их до буфетной.

— Спасибо.

Эмили Брент встала и села снова, она сказала:

— О, боже!

Судья спросил:

— Что-нибудь случилось, мисс Брент?

Эмили извиняющимся тоном ответила:

— Простите. Я хотела бы помочь мисс Клэйторн, а?

Доктор Армстронг подошел к ней.

— Совершенно естественно. Запоздалый шок. Я

могу дать вам кое-что…

— Нет! — сорвалось с ее губ, словно взрыв снаряда.

Все опешили. Доктор Армстронг залился румянцем.

На ее лице безошибочно читались страх и подозрение.

Доктор сдавленно сказал:

— Как пожелаете, мисс Брент.

Она заявила:

— Я не хочу принимать ничего… совсем ничего. Я просто спокойно посижу здесь, пока не пройдет головокружение.

Они закончили убирать со стола.

Блор заметил:

— Я человек хозяйственный, так что вам помогу, мисс Клэйторн.

Вера ответила:

— Благодарю.

Эмили Брент осталась одна в столовой.

Спустя некоторое время до нее донеслись слабые голоса из буфетной.

Головокружение проходило.

Теперь она чувствовала дремоту, ей казалось, что она с легкостью может уснуть.

В ушах раздавалось жужжание… или на самом

деле в комнате что-то жужжало? Она подумала: «Прямо как пчела… как шмель».

Вскоре она увидела пчелу. Насекомое ползало по окну. Вера Клэйторн сегодня утром говорила о пчелах.

Пчелах и меде…

Она любила мед. Мед в сотах, любила сама его процеживать через муслин.

Кап, кап, кап…

Кто-то был в комнате… кто-то влажный, кто-то, с кого капала вода…

Беатрис Тэйлор вышла из реки…

Ей надо только повернуть голову, и она ее увидит.

Но она не смогла повернуть головы…

Если бы она могла крикнуть…

Но она не могла крикнуть…

В доме никого больше не было. Она была одна…

Она услышала шаги, вкрадчивые, тихие шаги позади. Спотыкающиеся шаги утопленницы…

В ее ноздри ударил влажный сырой запах…

На окне жужжала пчела… жужжала…

И потом она почувствовала укол.

Пчела ужалила ее в шею.

II

Они ждали в гостиной Эмили Брент.

Вера Клэйторн сказала:

— Может быть, мне за ней сходить?

Блор быстро вставил:

— Одну минутку.

Вера снова села. Все вопросительно посмотрели на Блора. Он сказал:

— Послушайте, мое мнение таково: нам не нужно искать преступника дальше столовой. Могу присягнуть, что та женщина — человек, которого мы ищем!

Армстронг спросил:

— И что за мотив?

— Религиозная мания! Что скажете, доктор?

Армстронг заметил:

— Вполне возможно. Не собираюсь возражать. Но, конечно, доказательств у нас нет.

Вера сказала:

— Когда мы готовили завтрак на кухне, она была очень странной. Ее глаза… — она поежилась.

Ломбард сказал:

— Невозможно полагаться только на это. К настоящему моменту мы все уже немножко свихнулись!

Блор заявил:

— Есть кое-что еще. Она единственная, кто не дал объяснения насчет обвинения граммофонной пластинки. Почему? Потому что ей нечего было объяснять.

Вера зашевелилась и сказала:

— Вы не совсем правы. Она объяснила мне… потом.

Уогрейв спросил:

— Что она вам рассказала, мисс Клэйторн?

Вера повторила историю о Беатрис Тэйлор.

Господин судья Уогрейв заметил:

— Вполне искренняя история. Я бы без труда в нее поверил. Скажите мне, мисс Клэйторн, похоже ли было, что ее заботит чувство вины или раскаяния за содеянное?

— Ничуть, — заявила Вера. — Она была целиком и полностью равнодушна.

Блор сказал:

— У этих старых дев сердца тверды, словно кремень! Наверняка в основном из зависти!

Господин судья Уогрейв заметил:

— Сейчас без пяти минут одиннадцать. Думаю, нам долженствует попросить мисс Брент присоединиться к нашему конклаву.

Блор сказал:

— Вы не собираетесь предпринимать никаких действий?

Судья заявил:

— Я не вижу, какие действия мы можем предпринять. В данный момент наши подозрения — всего лишь подозрения. Однако я попрошу доктора Армстронга очень внимательно наблюдать за поведением мисс Брент. Давайте отправимся в гостиную.

Они нашли Эмили Брент в том же кресле, в каком ее оставили. Сзади они не заметили ничего неладного, не считая факта, что она, похоже, не услышала, что они вошли в комнату. Потом они увидели ее лицо, отекшее от прилившей крови, с синими губами и вытаращенными глазами.

Блор сказал:

— Бог ты мой, она мертва!

III

Спокойным тихим голосом господин судья Уогрейв заметил:

— Еще один из нас оправдан — слишком поздно!

Армстронг склонился над мертвой женщиной. Он понюхал ее губы, покачал головой, вгляделся в веки.

Ломбард нетерпеливо спросил:

— От чего она умерла, доктор? Когда мы ее здесь оставили, она, похоже, была в полном порядке.

Внимание доктора Армстронга привлекла метка справа на ее шее.

Он сказал:

— Это метка от шприца.

От окна донеслось жужжание. Вера воскликнула:

— Смотрите… пчела… *шмель.* Помните, что я говорила сегодня утром!

Армстронг мрачно заметил:

— Ее ужалила совсем не пчела! Шприц держала человеческая рука.

Судья спросил:

— Какой яд ей ввели?

Армстронг ответил:

— Думаю, один из цианидов. Вероятно, цианид калия, тот же, каким отравили Энтони Марстона. Должно быть, она умерла мгновенно от удушья.

Вера воскликнула:

— Но *пчела*? Не может же это быть *совпадением?*

Ломбард мрачно произнес:

— О, нет, это не совпадение! Это местный колорит нашего убийцы! Он — игривая скотина.

Ему нравится придерживаться как можно точнее чертовой считалочки!

Впервые его голос стал неровным, почти визгливым. Словно его нервы, закаленные в рискованных и опасных предприятиях, наконец, сдали.

Он бурно воскликнул:

— Это безумие, настоящее безумие, мы все безумны!

Судья спокойно сказал:

— Надеюсь, мы еще сохранили рассудок. *Кто-нибудь привез сюда шприц?*

Доктор Армстронг выпрямился и произнес не очень-то уверенным голосом:

— Да, я привез.

Четыре пары глаз устремились на него. Он постарался сохранить самообладание под атакой враждебного подозрения этих взглядов и сказал:

— Я всегда путешествую со шприцем. Как и большинство врачей.

Господин судья Уогрейв спокойно заметил:

— Совершенно верно. Не сообщите ли вы нам, доктор, где сейчас этот шприц?

— В чемодане в моей комнате.

Уогрейв заявил:

— Думаю, нам лучше удостовериться.

И все пятеро молчаливой процессией поднялись наверх. Содержимое чемодана вывалили на пол.

Шприца там не было.

IV

Армстронг бурно заявил:

— Должно быть, кто-то его взял!

Ответом ему было молчание.

Армстронг стоял спиной к окну. Четыре пары глаз пристально смотрели на него, черные от подозрения и обвинений. Он перевел взгляд с Уогрейва на Веру и беспомощно, слабо повторил:

— Говорю же вам, кто-то его взял.

Блор переглянулся с Ломбардом.

Судья сказал:

— В этой комнате нас пятеро. *Один из нас — убийца.* Положение чревато серьезной опасностью. Долженствует сделать все ради обеспечения безопасности четырех невиновных. Итак, доктор Армстронг, какие лекарства имеются у вас?

Армстронг ответил:

— У меня с собой небольшой медицинский чемоданчик. Можете его осмотреть. Там найдете кое-какое снотворное — тринал и таблетки сульфонала, пачка бромида, бикарбоната соды,

аспирин. Ничего больше. Цианида у меня нет.

Судья заявил:

— У меня самого имеются таблетки какого-то снотворного, кажется, сульфонала. По-моему, они могут сыграть роль яда, ежели дать большую дозу. У вас, мистер Ломбард, имеется револьвер.

Филип Ломбард резко сказал:

— Ну и что ж?

— Только и всего. Я предлагаю, чтобы лекарства доктора, мое снотворное, ваш револьвер и все остальное, могущее быть отнесенным к категориям яда или огнестрельного оружия, было собрано вместе и помещено в безопасное место. После чего каждый из нас должен быть подвергнут обыску — как сам лично, так и позволить обыскать свое имущество.

Ломбард резко сказал:

— Будь я проклят, если отдам свой револьвер!

Уогрейв резко сказал:

— Мистер Ломбард, вы очень хорошо сложенный мощный молодой человек, но экс-инспектор Блор тоже достаточно силен. Не знаю, каков был бы исход борьбы между вами, но скажу вам следующее. Помогать Блору изо всех сил буду я, доктор Армстронг и мисс Клэйторн. Посему вы поймете, сколь малы ваши шансы на победу, если

вы решите оказать сопротивление.

Ломбард вскинул голову. И обнажил зубы в ухмылке, напоминающей оскал.

— О, тогда отлично. Как вы все рассчитали.

Господин судья Уогрейв кивнул.

— Вы разумный молодой человек. Где ваш револьвер?

— В ящике стола возле моей кровати.

— Хорошо.

— Я схожу за ним.

— Думаю, было бы желательно, если бы мы все пошли с вами.

Филип заметил с улыбкой, все еще походящей на оскал:

— А вы подозрительный дьявол, а?

Они отправились по коридору в комнату Ломбарда.

Филип шагнул к столу возле кровати и рывком выдвинул ящик.

В следующий миг с ругательством он отпрянул от него.

Ящик был пуст.

V

— Удовлетворены? — спросил Ломбард.

Его раздели догола, и трое мужчин тщатель-

нейшим образом обыскали его и его комнату.

Вера Клэйторн оставалась в коридоре.

Обыск методично продолжался. По очереди той же процедуре подверглись Армстронг, судья и Блор.

Четверо мужчин вышли из комнаты Блора и приблизились к Вере. Заговорил судья:

— Надеюсь, вы поймете, мисс Клэйторн, что мы не можем делать исключений. Револьвер нужно найти. Полагаю, у вас есть купальник?

Вера кивнула.

— В таком случае попрошу вас пройти в свою комнату, надеть его и выйти к нам.

Вера вошла в комнату и закрыла дверь. Меньше чем через минуту она появилась вновь в плотно облегающем шелковом купальнике в складочку.

Уогрейв одобрительно кивнул.

— Благодарю вас, мисс Клэйторн. А теперь будьте любезны оставаться здесь, пока мы обыщем вашу комнату.

Вера терпеливо ожидала их в коридоре. Когда они вышли, она удалилась к себе, оделась и присоединилась к ним.

Судья сказал:

— Теперь мы уверены в одном. Ни у кого из нас пятерых не имеется никакого смертоносного

оружия или ядов. Это хорошо. Сейчас мы поместим лекарства в безопасное место. Кажется, в буфетной имеется ящик для столового серебра?

Блор ответил:

— Конечно, все прекрасно, но вот кому отдать ключ? Думаю, вам.

Господин судья Уогрейв не ответил.

Он спустился в буфетную, и остальные последовали за ним. Там был небольшой ящичек для хранения столового серебра. По приказу судьи туда поместили разные лекарства, после чего ящик заперли. Потом, опять-таки по инструкциям Уогрейва, его положили в буфет, который, в свою очередь, заперли. Затем судья отдал ключ от ящичка Филипу Ломбарду, а ключ от буфета — Блору.

Он сказал:

— Вы — два самых сильных из нас человека. Вам трудно будет отобрать ключ у другого. И невозможно кому либо из нас троих. Взлом же буфета или ящика вызовет много шума и, вообще, будет довольно трудоемкой операцией, которую невозможно довести до конца с учетом происходящего вокруг.

Он помолчал и продолжил;

— Мы все по-прежнему не разрешили очень

серьезную проблему: *что сталось с револьвером мистера Ломбарда?*

Блор заметил;

— По-моему, лучше других это должен знать его владелец.

Ноздри Филипа Ломбарда сузились. Он прошипел:

— Вы чертов упрямый идиот! Говорю же вам, его у меня украли!

Уогрейв спросил:

— Когда вы видели его в последний раз?

— Прошлой ночью. Он был в ящике, когда я укладывался спать… на случай, если что-то случится.

Судья кивнул и сказал;

— Должно быть, его взяли сегодня утром во время суматохи, вызванной поисками Роджерса, или после того, как был обнаружен его труп.

Вера сказала:

— Должно быть, он спрятан где-то в доме. Надо его поискать.

Палец господина судьи Уогрейва поглаживал его подбородок. Старик заявил:

— Сомневаюсь, что наш поиск приведет к каким-то результатам. У нашего убийцы было предостаточно времени для устройства хорошего

тайника. Не думаю, что нам будет легко найти этот револьвер.

Блор убедительно заявил:

— Уж не знаю, где револьвер, но готов держать пари, что мне известно кое-что еще: где шприц. Следуйте за мной.

Он открыл переднюю дверь и повел их вокруг дома. Неподалеку от окна столовой он нашел шприц, рядом с ним лежала разбитая вдребезги фарфоровая фигурка — шестой негритенок.

Блор удовлетворенным тоном объяснил:

— Это единственное место. Убив ее, он открыл окно и выбросил шприц, взял фарфоровую фигурку и бросил ее следом.

На шприце не было никаких отпечатков. Его тщательно вытерли.

Вера решительно заявила:

— А теперь давайте искать револьвер.

Господин судья Уогрейв сказал:

— Разумеется. Но во время поисков надобно держаться вместе. Помните, если мы разделимся, у убийцы появится шанс.

Они тщательно обыскали дом от чердака до подвала, но безрезультатно. Револьвер исчез.

Глава тринадцатая

I

«Один из нас… один из нас… один из нас…»

Три слова, повторяемые без конца, час за часом, гудели в чувствительных головах.

Пять человек — пять напуганных людей. Пять человек, которые наблюдали друг за другом, которые уже почти не старались скрыть свое нервное напряжение.

Теперь было не до притворства — никакой видимости разговора. Они были пятью врагами, связанными общим для всех инстинктом самосохранения. И они все неожиданно стали меньше похожи на людей. Они словно превратились в зверей. Господин судья Уогрейв ссутулился, словно осторожная старая черепаха: его тело неподвижно, глаза проницательны и настороженны. Экс-инспектор Блор стал грубее и неуклюжей. Его походка походила на поступь медлительного животного. Его глаза налились кровью. В его взгляде смешались дикость и глупость. Он был похож на загнанного зверя, готового напасть на своих преследователей. Чувства же Филипа

Ломбарда, похоже, обострились, а не притупились. Его уши улавливали малейший шорох, его шаг стал легче и быстрее, его тело было гибкое и грациозное. И он часто улыбался, обнажая свои длинные белые зубы. Вера Клэйторн была очень спокойна. Большую часть времени она, ссутулившись, сидела в кресле. Ее глаза таращились в одну точку. У нее был ошарашенный вид. Она была похожа на птицу, ударившуюся головой о стекло и подобранную человеческой рукой. Она сжимается, ее охватывает ужас, она не способна двигаться и надеется спастись, оставаясь неподвижной.

Нервы Армстронга находились в прискорбном состоянии. Он весь дергался, его руки тряслись. Он закуривал сигарету за сигаретой и почти сразу их тушил. Вынужденное бездействие, казалось, тревожило его больше, чем других. Время от времени он разражался потоком нервозной речи: «Мы… мы не должны просто так вот сидеть, ничего не делая! Должно же быть что-то — ну, конечно, конечно, есть ведь *что-то,* что мы можем предпринять? Если бы зажгли костер..?»

Блор хрипло осведомился:

— В такую-то погоду?

Снова лил дождь. Порывисто дул ветер. Гнету-

щий звук стука капель почти сводил их с ума.

По молчаливому согласию они приняли план кампании. Все сидели в большой гостиной. Из комнаты выходили только по-одному за раз. Четверо других ждали, пока не вернется пятый.

Ломбард сказал:

— Весь вопрос во времени. Погода прояснится. Тогда мы сможем что-то сделать: подать сигнал, зажечь костры, сделать плот — хоть что-то предпринять!

Неожиданно хихикнув, отозвался Армстронг:

— Вопрос во времени, *во времени*? Мы не имеем времени! Мы все будем мертвы…

Господин судья Уогрейв произнес своим тихим ясным голосом, полным страстной решимости:

— Не будем, если сохраним осторожность. *Мы должны быть осторожны…*

В полдень они поели, но никакой общепринятой формальности в трапезе не было. Все пятеро пошли на кухню. В кладовой они нашли большой запас консервов. Открыли банку с языком и две банки фруктов. Они поели, стоя вокруг кухонного стола. Потом единым стадом вернулись в гостиную и сели там, и сидели, наблюдая друг за другом.

И теперь мысли, проносящиеся в их головах,

были ненормальными, лихорадочными мыслями, порожденными воспаленным мозгом..

«Это Армстронг… Помню, как он косо смотрел тогда на меня… его глаза сумасшедшие… по-настоящему сумасшедшие… Может быть, он совсем не врач… Ну, конечно!.. Он ненормальный, сбежавший из какой-то больницы и выдающий себя за доктора. Верно… сказать им?.. Выкрикнуть?.. Нет, это его насторожит… Нельзя, чтобы он был начеку… Кроме того, он кажется таким нормальным… Сколько сейчас времени?.. Только три пятнадцать! О Боже, я сойду с ума… *Да, это Армстронг…* Он сейчас за мной наблюдает…»

«До меня не доберутся! Я могу о себе позаботиться… Я и прежде бывал в переделках… Где же, черт возьми, револьвер?.. Кто его взял?.. У кого он сейчас?.. Ни у кого… мы это знаем. Нас всех обыскали… Он *не может* быть ни у кого… *Но кто-то знает, где он…»*

«Они сходят с ума… они все сходят с ума… Боятся смерти… мы все боимся смерти… Я боюсь смерти… Да, но это ее не остановит… *«Катафалк у двери, сэр»*, — где я это читал? Девушка… буду наблюдать за девушкой… Да, буду наблюдать за девушкой…»

«Без двадцати четыре… только без двадцати

четыре… возможно, часы остановились… Не понимаю… нет, не понимаю… такого не может быть… но *ведь происходит*… Почему мы не проснемся? Проснитесь — Судный день… нет, не это! Если бы только можно было думать… моя голова… что-то происходит с моей головой… она вот-вот взорвется… она раскалывается… такого не может быть… сколько времени?

О Боже, только без пятнадцати четыре».

«Нужно держать себя в руках… нужно держать себя в руках. Если бы только удалось держать себя в руках… Все совершенно ясно — все рассчитано. Но никто не должен подозревать. Вероятно, трюк удастся. Должен удастся! Который? Вот вопрос — который? Думаю… да, думаю, да… точно — он».

Когда часы пробили пять, они все подпрыгнули.

Вера спросила:

— Кто-нибудь хочет чая?

Наступила краткая тишина, потом Блор сказал:

— Я бы не отказался от чашечки.

Вера встала и заявила:

— Пойду приготовлю. Вы все можете оставаться здесь.

Господин судья Уогрейв вкрадчиво заметил:

— Думаю, моя дорогая юная леди, мы бы предпочли отправиться с вами и понаблюдать, как вы будете его готовить.

Вера уставилась на него, потом издала короткий истеричный смешок и сказала:

— Конечно! А как же иначе!

Пять человек отправились на кухню. Чай был приготовлен, и его выпили Вера и Блор. Остальные трое угостились виски, открыв новую бутылку и использовав сифон из заколоченного ящика.

Судья прошептал со змеиной усмешкой: «Мы должны быть очень осторожны…»

Они вновь вернулись в гостиную. Хотя было лето, в комнате уже стало темно. Ломбард щелкнул выключателями, но свет не загорелся. Он сказал:

— Ну, конечно! Электрический движок никто сегодня не завел, ведь Роджерса нет. — Он поколебался и добавил: — Мы могли бы сходить и исправить положение.

Господин судья Уогрейв заявил:

— В кладовой есть пачка свечей, я их видел, лучше воспользуемся ими.

Ломбард вышел. Четверо остальных остались сидеть, не сводя друг с друга глаз.

Он вернулся с коробкой свечей и стопкой блю-

дец. Зажгли пять свечей и расставили их по комнате.

Было без четверти шесть.

II

В шесть двадцать Вера почувствовала, что сидеть здесь невыносимо. Она захотела подняться в свою комнату и смочить раскалывающуюся голову и виски холодной водой. Она встала и направилась к двери. Потом вспомнила и, вернувшись, взяла свечу из коробки. Она зажгла ее, налила немного воска на блюдце и прочно приклеила к нему свечу. Потом вышла из комнаты, закрыла за собой дверь и оставила в комнате четырех мужчин. Она поднялась по лестнице и направилась по коридору в свою комнату.

Открыв дверь, она неожиданно остановилась и застыла.

Ее ноздри дрогнули.

Море… запах моря в Сент-Треденнике.

Да. Она не могла ошибиться. Конечно, всегда на острове пахнет морем, но на сей раз все было иначе, в комнате стоял запах, который был на пляже в тот день, когда отлив обнажил скалы, покрытые водорослями, и те высыхали на солнце.

«Могу я поплыть к тому острову, мисс Клэй-

торн?»

«Почему я не могу поплыть к тому острову?..»

Ужасное, подвывающее, избалованное маленькое отродье! Если бы его не было, Хьюго был бы богат… смог бы жениться на девушке, которую любил…

Хьюго…

Конечно… конечно… Хьюго был рядом с ней? Нет, он ждет ее в комнате…

Она сделала шаг вперед, Сквозняк из окна поймал пламя свечи. Оно дрогнуло и погасло…

В темноте она неожиданно почувствовала страх…

«Не будь дурой, — уговаривала себя Вера Клэйторн. — Все в порядке. Остальные внизу. Все четверо. В комнате никого нет. Не может быть. Ты фантазируешь, моя девочка».

Но этот запах… запах пляжа в Сент-Треденнике… он не плод воображения. *Он был настоящий.*

И кто-то *был* в комнате… Она что-то услышала… ну, конечно, она что-то услышала…

И потом, когда она стояла и прислушивалась, ледяная, влажная рука прикоснулась к ее горлу — мокрая рука, пахнущая морем…

III

Вера завизжала. Она визжала и визжала, визжала от обуявшего ее ужаса, дико и отчаянно, прося о помощи. Она не слышала звуков, доносившихся снизу, грохот перевернувшегося стула, шум распахнутой двери, топот бегущих по лестнице ног. Она чувствовала только всеобъемлющий ужас.

Потом, возвращая ей рассудок, на пороге замерцали огоньки — свечи — люди торопливо вошли в комнату.

— Что за черт! Что произошло? Господи, что это?

Она вздрогнула, шагнула вперед и рухнула на пол.

Она смутно сознавала, что кто-то над ней склонился, приподнял.

Потом неожиданный вскрик «Бог ты мой, посмотрите на это!» вернул ей рассудок. Она открыла глаза, подняв голову, увидела, на что смотрели мужчины со свечами.

С потолка свешивалась широкая лента влажных водорослей. Именно она в кромешной тьме коснулась ее горла. Именно ее она приняла за влажную руку, руку утопленника, восставшего из мертвых, чтобы лишить ее жизни! Она начала

истерично смеяться и с трудом выговорила:

— Это были водоросли… только водоросли… вот, значит, откуда был запах…

И потом на нее вновь накатила слабость, волны тошноты нахлынули на нее. Кто-то наклонил ее голову к коленям.

Казалось, прошла целая вечность. Ей предложили что-то выпить, поднесли бокал к губам. Она ощутила запах бренди.

Она уже собралась признательно глотнуть спиртное, как вдруг неожиданно предостерегающая нотка, словно звонок сигнализации, прозвучала в ее мозгу. Она села, оттолкнув бокал, и резко спросила:

— Откуда бренди?

Ответил голос Блора. Он минуту-другую таращил глаза перед тем, как ответить:

— Я налил его внизу.

Вера воскликнула:

— Я не буду его пить…

Наступило краткое молчание, потом Ломбард засмеялся. Он с одобрением заметил:

— Вы молодец, Вера. Мозги у вас при себе, даже если вы и перепугались до смерти. Я принесу новую бутылку, которую не вскрывали…

Он быстро ушел.

Вера неуверенно произнесла:

— Теперь я в полном порядке. Мне нужна вода.

Армстронг поддерживал ее, пока она с трудом вставала на ноги. Она подошла к раковине, покачиваясь и цепляясь за чего. Открыла кран с холодной водой и наполнила стакан. Блор обиженно заметил:

— Этот бренди в полном порядке.

Армстронг спросил:

— Откуда вы знаете?

Блор сердито ответил:

— Я в него ничего не клал. Наверное, вы на это намекаете. Армстронг сказал:

— Я ничего такого не говорил. Может быть, вы подложили туда что-то, а может, кто другой.

Ломбард быстро вернулся в комнату.

В руках у него была новая бутылка бренди и штопор.

Он сунул запечатанную бутылку Вере под нос.

— Вот, моя девочка. Абсолютно никакого обмана, — он сшелушил оловянную фольгу и вытащил пробку. — Повезло, что в этом доме отличный запас спиртного. Спасибо У. Н. Оуэну за заботу.

Вера бурно вздрогнула.

Армстронг держал бокал, пока Филип наливал в него бренди. Он сказал:

— Вам лучше это выпить, мисс Клэйторн. Вы перенесли жуткий шок.

Вера отпила немного спиртного. На ее лицо вернулся румянец. Филип Ломбард со смешком заметил:

— Что ж, хоть одно убийство не пошло по плану!

Вера почти шепотом спросила:

— Вы думаете… меня должны были убить?

Ломбард кивнул:

— Думали, что вы окочуритесь от испуга! Такое иногда бывает, не так ли, доктор?

Армстронг не стал ручаться. Он с сомнением заметил:

— Хм, сказать невозможно. Молодой здоровый человек… никакой сердечной слабости. Маловероятно. С другой стороны…

Он взял бокал бренди, который принес Блор. Окунул в него палец, в высшей степени осторожно попробовал. Выражение его лица не изменилось. Он с сомнением заметил:

— Хм, вкус нормальный.

Блор сердито шагнул вперед и прорычал:

— Если вы собираетесь сказать, что я что-то в него подмешал, я сверну вашу чертову башку.

Вера, разум которой бренди оживил, отвлекла

их от скандала, спросив:

— Где судья?

Три человека переглянулись. «*Странно*… Думали, он поднялся с нами».

— *Я тоже*, — сказал Блор. — Как, по-вашему, доктор, вы же поднимались позади меня?

Армстронг ответил:

— Я решил, что он следует за мной… Конечно, он должен идти медленнее нас. Он же старый человек.

Они снова переглянулись.

Ломбард сказал:

— Это чертовски странно…

Блор воскликнул:

— Надо его разыскать, — и ринулся к двери. Остальные последовали за ним. Вера замыкала шествие.

Когда они спускались по лестнице, Армстронг бросил через плечо:

— Конечно, *он мог* остаться в гостиной.

Они пересекли холл. Армстронг громко позвал:

— Уогрейв, Уогрейв, где вы?

Ответа не было. Дом наполнила мертвая тишина, нарушаемая лишь мягким стуком капель дождя.

Потом возле входа в гостиную Армстронг оста-

новился как вкопанный. Другие же столпились сзади и заглянули в комнату через его плечо. Кто-то вскрикнул.

Господин судья Уогрейв сидел на своем стуле с высокой спинкой в конце комнаты. По обеим сторонам горели две свечи. Но больше всего шокировало и поразило их то, что он был облачен в алую мантию с судейским париком на голове…

Доктор Армстронг жестом приказал остальным держаться поодаль. Он сам: подошел к молчаливой фигуре с открытыми глазами. Он немного покачивался, словно пьяный.

Он наклонился, вглядываясь в спокойное лицо. Потом быстрым движением снял парик. Тот упал на пол, обнажив высокий лысый лоб с круглой меткой в самом центре, из которой что-то сочилось.

Доктор Армстронг поднял безжизненную руку и прощупал пульс. Потом повернулся к остальным.

Он произнес бесстрастным, мертвым, каким — то далеким голосом:

— *Его застрелили…*

Блор сказал:

— Господи, *револьвер!*

Доктор продолжил все тем же безжизненным

голосом:

— Пуля попала ему в голову. Смерть наступила мгновенно.

Вера нагнулась к парику и сказала дрожащим от ужаса голосом:

— *Это же исчезнувшая серая шерсть мисс Брент…*

Блор подхватил:

— И алая занавеска из ванной…

Вера прошептала: «Так вот для чего они понадобились…»

Неожиданно Филип Ломбард засмеялся высоким неестественным смехом.

— *«Пять негритят судиться пошли. Один вошел в суд канцлера, и тогда их осталось Четверо».* Пришел конец господину Кровавому судье Уогрейву. Больше не будет он выносить приговор! Больше не будет надевать черную шапочку! В последний раз он председательствует в суде! Не будет больше суммированных и смертных приговоров невинным. Как бы засмеялся Эдвард Ситон, будь он здесь! Боже, как бы он смеялся!

Его истеричная вспышка шокировала и испугала остальных.

Вера воскликнула:

— Только сегодня утром вы говорили, что это

был *он!*

Лицо Филипа Ломбарда изменилось — протрезвело.

Он низким голосом произнес:

— Знаю… Что ж, я ошибался. Невиновность еще одного из нас доказана — *слишком поздно.*

Глава четырнадцатая

I

Они отнесли судью Уогрейва в его комнату и положили на кровать.

Потом спустились вниз и стояли в холле, глядя друг на друга.

Блор хрипло спросил:

— Что теперь будем делать?

Ломбард живо ответил:

— Надо что-нибудь поесть. Мы должны поесть.

Опять они отправились на кухню. Снова открыли банку языка. Они ели машинально, почти не чувствуя вкуса.

Вера сказала:

— Я никогда больше не буду есть язык.

Они закончили с трапезой, и сидели за кухонным столом, глядя друг на друга.

Блор произнес:

— Теперь нас только четверо… *Кто будет следующим*?

Армстронг вытаращил глаза. Почти как автомат, он проговорил:

— Мы должны быть очень осторожны… — и

смолк.

Блор кивнул:

— *Он* говорил то же самое… и теперь — мертв!

Армстронг заметил:

— Хотел бы я знать, как все случилось!

Ломбард выругался и сказал:

— Чертовски здорово нас перехитрили! Та гадость, подложенная в комнату мисс Клэйторн, сработала как надо. Все бросаются туда, думая, что *ее* убивают. И так — во всеобщей суматохе… кто-то… захватил старичка врасплох.

Блор спросил:

— Почему никто не слышал выстрела?

Ломбард покачал головой.

— Мисс Клэйторн визжала, ветер выл, мы бегали по дому и кричали. Нет, его нельзя было услышать, — он помолчал.

— Но теперь этот трюк больше не сработает. Он попытается придумать на следующий раз что-то новое.

Блор согласился:

— Что верно, то верно.

В его голосе прозвучала какая-то неприятная нотка. Они оба уставились друг на друга.

Армстронг заметил:

— Нас четверо, и мы не знаем, кто…

Блор заявил:

— Я знаю…

Вера сказала:

— Ничуть не сомневаюсь… что мне известно…

Филип Ломбард вставил;

— Мне кажется, сейчас у меня отличная идея…

Снова они посмотрели друг на друга…

Вера, покачиваясь, встала и сказала:

— Я ужасно себя чувствую. Я должна лечь спать… Я смертельно устала.

Ломбард сказал:

— Неплохое решение. От сидения и наблюдения друг за другом проку никакого.

Блор заявил:

— Я не возражаю…

Доктор прошептал:

— Это лучшее, что мы можем сделать, хотя сомневаюсь, что кто-нибудь из нас заснет.

Когда они направились к двери, Блор произнес:

— *Хотел бы я знать, где сейчас револьвер.*

III

Они поднялись по лестнице.

А потом словно разыгралась маленькая сценка из фарса. Каждый встал, держа руку на ручке

двери своей спальни. Потом, словно по сигналу, все шагнули в свои комнаты и закрыли двери.

Раздались звуки задвигаемых задвижек, запираемых замков, передвигаемой мебели.

Четыре испуганных человека баррикадировались в своих комнатах до утра.

IV

Филип Ломбард с облегчением вздохнул, отвернувшись от двери, где оставил стул под ручкой. Он подошел к туалетному столику. В свете мерцающей свечи с любопытством рассмотрел свое лицо.

Мягко сказал сам себе: «Да, это дельце тебя переволновало».

Неожиданно на его лице вспыхнула его волчья улыбка.

Он быстро разделся, подошел к кровати, положил часы на стоящий рядом столик. Потом открыл ящик столика.

В следующий миг он замер, уставившись на револьвер, который лежал там.

V

Вера Клэйторн лежала в кровати.

Свеча по-прежнему горела рядом. И она никак не могла набраться храбрости и потушить ее.

Она боялась темноты…

Снова и снова она твердила: *«До утра ты в безопасности. Прошлой ночью ничего не случилось. Ничего не случится и сегодня. Ничего не может случиться. Твоя комната заперта на замок и задвижку. Никто даже близко не сможет к тебе подойти…»*

И она неожиданно подумала: «Конечно! Я могу оставаться здесь! Оставаться взаперти! Пища не имеет значения! Я могу оставаться здесь — в безопасности — до тех пор, пока не придет помощь! Даже если, пройдет день… или два…»

Оставаться здесь. Да, но сможет ли она оставаться здесь? Час за часом — ни с кем не разговаривая, ничего не делая, только думая…

Она начала думать о Корнуолле… о Хьюго… о том, что она сказала Сириллу.

Ужасный ноющий маленький мальчик, вечно он ей докучал…

«Мисс Клэйторн, почему я не могу поплыть к той скале? Я сумею. Знаю, что сумею».

Ее ли голос ответил?

«Конечно, сумеешь, Сирилл. Я тоже это знаю».

«Тогда можно я поплыву, мисс Клэйторн?»

«Знаешь, Сирилл, твоя мать так из-за тебя нервничает. Вот что я тебе скажу. Завтра ты сможешь поплыть к той скале. Я заговорю с твоей матерью на пляже и отвлеку ее внимание. *И* потом, когда она станет тебя искать, то увидит, что ты стоишь на скале и машешь ей. *Будет* сюрприз!»

«О, какая вы молодец, мисс Клэйторн! Вот так шутка будет?»

Она должна была сказать так сейчас.

Завтра! Хьюго уезжал в Ньюквэй. Когда он вернулся, все было кончено.

Да, но предположим, что нет. Предположим, что-то пошло бы не так. Сирилла могли бы вовремя спасти. И тогда-тогда бы он сказал: *«Мисс Клэйторн мне разрешила».* Ну и что же? Всегда во всем есть немного риска! Если бы произошло худшее, она бы извернулась: *«Как ты можешь так нагло врать, Сирилл? Я ничего, ничего подобного не говорила!»* Ей бы поверили. Сирилл часто врал. Он был маленьким лгунишкой. Конечно, Сирилл бы знал. Но это не имеет значения… и во всяком случае все прошло как надо. Она сделала вид, что плывет за ним. Но она прибыла слишком поздно… Никто никогда не подозревал…

Хьюго подозревал? Вот почему он так странно смотрел на нее, словно издалека?.. Хьюго знал?

Вот почему он так торопливо ушел после дознания?

Он не ответил на то письмо, которое она ему написала…

Хьюго…

Вера обеспокоенно перевернулась на другой бок. Нет, нет, она не должна думать о Хьюго. Слишком много боли! Все кончено… Хьюго должен быть забыт.

Почему сегодня вечером она неожиданно почувствовала, что Хьюго был в комнате рядом с ней?

Она уставилась на потолок, уставилась на большой черный крюк в середине.

Она никогда не замечала этого крюка раньше.

С него свисали водоросли.

Она поежилась, вспомнив холодное мокрое прикосновение к шее.

Ей не нравился этот крюк на потолке. Он притягивал взор, завораживал… большой черный крюк…

V

Экс-инспектор Блор сидел на кровати.

Его маленькие покрасневшие, налитые кровью глаза настороженно смотрели с флегматичного

лица. Он был похож на дикого кабана, ждущего момента, чтобы напасть.

Он хотел спать.

Опасность была сейчас уже совсем рядом… Шесть из десяти.

Несмотря на всю свою прозорливость, несмотря на всю свою осторожность и проницательность, старый судья разделил участь других.

Блор хрюкнул с каким-то звериным удовлетворением.

Что говорил старикашка?

«Мы должны быть очень осторожны…»

Самодовольный чопорный лицемер. Сидит в суде, чувствуя себя Богом. Всемогущим. Получил по заслугам… Ему теперь осторожность ни к чему.

А теперь их четверо. Девушка, Ломбард, Армстронг и он сам.

Совсем скоро кто-то другой из них умрет… Но не Уильям Блор. Уж он об этом позаботится.

(Но револьвер… Что же с револьвером? Вот что волнует — револьвер!)

Блор сел на кровать, нахмурив лоб, кожа вокруг его маленьких глазок сморщилась — он раздумывал над загадкой револьвера…

В тишине он услышал, как внизу пробили часы.

Полночь.

Теперь он немного расслабился… даже лег. Но он не разделся.

Он лежал и думал. Просматривал все дело с самого начала, методично, внимательно — как бывало, когда служил в полиции. Тщательность всегда в конце концов вознаграждалась.

Свеча догорала. Убедившись, что спички были под рукой, он ее задул.

Как ни странно, в темноте он испытывал тревогу. Словно страхи тысячелетней давности пробудились и боролись за обладание его мозгом. В воздухе перед глазами плавали лица — лицо судьи, увенчанное серой шерстью… холодное мертвое лицо миссис Роджерс… перекошенное пурпурное — Энтони Марстона.

Другое лицо — бледное, в очках, с маленькими усами соломенного цвета. Лицо, которое он когда-то видел… но когда? Не на острове. Нет, гораздо раньше.

Странно, что он не мог вспомнить, чье оно… Глупое лицо… харя какая-то.

Конечно!

Вспомнив, он испытал шок.

Лэндор!

Странно думать, что он полностью забыл, как

выглядел Лэндор. Только вчера он пытался вспомнить его лицо и не смог.

И вот теперь он видел его, четко видел каждую черточку, словно они встречались только вчера.

У Лэндора была жена… худая, хрупкая женщина с обеспокоенным лицом. И ребенок, девочка лет четырнадцати. Впервые он захотел знать, что с ними сталось.

(Револьвер. Что произошло с револьвером? Это было гораздо важнее.)

Чем больше он думал, тем больше запутывался… Он совсем ничего не понимал в этом деле с револьвером.

У кого-то в доме есть револьвер…

Внизу часы пробили один раз.

Мысли Блора прервались. Неожиданно насторожившись, он сел. Он услышал звук — очень слабый звук — где-то возле двери своей спальни.

Кто-то двигался по окутанному тьмой дому.

Испарина выступила на его лбу. Кто тихо и молча крался по коридорам? Кто бы это ни был, он мог держать пари: намерения этого человека были далеко не благородными!

Бесшумно, несмотря на громоздкое телосложение, он соскользнул с кровати, двумя шагами добрался до двери и прислушался.

Но звук не повторился. Тем не менее Блор был убежден, что не ошибся. Он действительно слышал шаги возле своей двери. На его голове зашевелились волосы — он вновь ощутил страх…

Кто-то крался в ночи.

Он прислушался, но звук не повторился.

И тогда его захватило новое искушение. Он хотел, отчаянно хотел выйти и разузнать, в чем дело. Если бы только он мог увидеть, кто крадется в темноте.

Но открыть дверь значило поступить, как дурак. Вполне вероятно, другой именно этого и ждал. Может быть, он даже сделал так, чтобы Блор услышал то, что услышал: а вдруг выйдет разузнать, в чем дело? Блор напрягся — прислушивался. Теперь он уже слышал целый сонм звуков — треск, шорох, таинственный шепот, но его упрямый реалистический разум знал, чем они были в действительности — плодами его собственного воспаленного воображения.

И потом неожиданно он услышал звук, родившийся *не* в его воображении. Шаги, очень мягкие, очень осторожные, но ощутимые для ушей человека, прислушивавшегося всеми силами, как Блор.

Они мягко проследовали по коридору (комна-

ты Ломбарда и Армстронга были расположены дальше от лестницы, чем его), они без колебаний миновали его дверь.

И тогда Блор решился.

Он должен посмотреть, кто это был! Шаги определенно направлялись к лестнице. Куда же идет этот человек?

Когда Блор действовал, он действовал быстро, несмотря на то, что выглядел таким неуклюжим и медлительным. Он на цыпочках вернулся к кровати, сунул в карман спички, выдернул из розетки штепсель электрической лампы, стоявшей рядом с кроватью, взял лампу, намотал на нее шнур. Она была хромированной штуковиной с тяжелым эбонитовым основанием — полезное оружие.

Он бесшумно пересек комнату, вытащил стул из-под ручки и со всеми предосторожностями отпер замок и задвижку. После чего шагнул в коридор. Снизу, из холла, донесся слабый звук. Ступая ногами в одних носках, Блор бесшумно прокрался к лестнице.

В этот момент он понял, почему так отчетливо слышал все. Ветер полностью стих и, должно быть, небо прояснилось. В окно на лестничной площадке вливался слабый лунный свет и осве-

щал холл.

Блор мельком увидел фигуру, выходящую в переднюю дверь.

Уже собравшись бегом спуститься вниз и начать погоню, он замер.

Опять он чуть было не выставил себя дураком! Это, наверное, была ловушка — его собирались выманить из дому!

Но тот, другой, не понимал, что допустил ошибку, и отдал себя в руки Блора. Потому что из трех обитаемых комнат наверху *теперь одна должна быть пуста.* Нужно лишь удостовериться, *которая*!

Блор тихо зашагал обратно.

Сначала он остановился возле двери доктора Армстронга и постучал.

Ответа не было.

Он минутку подождал и направился в комнату Филипа Ломбарда.

На сей раз ему ответили немедленно.

— Кто там?

— Блор. Кажется, Армстронга нет в комнате. Подождите минутку.

Он направился к двери в конце коридора и снова постучал.

— Мисс Клэйторн, мисс Клэйторн.

Ему ответил испуганный голос Веры:

— Кто там? Что случилось?

— Все в порядке, мисс Клэйторн. Подождите минутку. Я вернусь.

Он зарысил к комнате Ломбарда. Ее дверь открылась. На пороге стоял Ломбард. В левой руке он держал свечу. Поверх пижамы он натянул брюки. Его правая рука лежала в кармане пижамного пиджака. Он резко спросил:

— Что за чертовщина?

Блор быстро пояснил. Глаза Ломбарда загорелись.

— *Армстронг…* Так, значит, *он,* наш голубок! — Он подошел к двери Армстронга. — Простите, Блор, но я не собираюсь верить ничему на слово.

Он резко постучал.

— Армстронг… Армстронг.

Ответа не было.

Ломбард встал на колени и заглянул в замочную скважину. В высшей степени осторожно он вставил в замок свой мизинец и сказал:

— Ключа нет.

Блор заявил:

— Это значит, что он запер дверь снаружи и взял его с собой.

Филип кивнул.

— Обычная предосторожность. Мы *его поймаем, Блор*... На сей раз *мы его поймаем*! Подождите полсекунды.

Он подбежал к комнате Веры.

— Вера.

— Да.

— Мы охотимся на Армстронга. Его нет в комнате. Что бы то ни было, *не открывайте дверь*. Понятно?

— Да, понятно.

— Если придет Армстронг и скажет, что меня или Блора убили, *не обращайте внимания*. Понятно? Откроете дверь только в том случае, *если с вами одновременно заговорим я и Блор*. Дошло?

Вера ответила:

— Разумеется, я не набитая дура.

Ломбард кивнул:

— Хорошо.

Он присоединился к Блору и сказал:

— А теперь — за ним! Охота началась!

Блор сказал:

— Нам лучше вести себя поосторожней. Помните, револьвер-то у него.

Филип Ломбард, сбегающий по лестнице вниз, хихикнул и сказал:

— Вот здесь вы ошибаетесь, — он распахнул

переднюю дверь, заметив: «Щеколда откинута так, чтобы можно было легко вернуться», — и продолжил: — Револьвер у меня! — Он вынул его наполовину из кармана. — Сегодня ночью нашел его в своем ящике, куда его снова положили.

Блор замер на пороге. Его лицо изменилось. Филип Ломбард это заметил.

— Не будьте таким дураком, Блор! Не собираюсь я вас убивать! Если хотите, возвращайтесь к себе и баррикадируйтесь на здоровье! Я отправляюсь за Армстронгом.

Он вышел из дома в лунный свет. Блор после краткого колебания последовал за ним. Он подумал: «Сам напрашиваюсь. В конце концов...»

В конце концов, он и раньше сталкивался с преступниками, вооруженными револьверами. Чего бы там Блору не хватало, но только не храбрости. Покажите ему опасность, и он мужественно ринется ей навстречу. Он не боялся открытой угрозы — его страшила только неопределенная опасность, смешанная с чем-то сверхъестественным.

VI

Вера, оставшаяся ждать результатов, встала и оделась.

Раза два она взглянула на дверь. Это была хо-

рошая прочная дверь. Она была заперта на замок и на задвижку, и ручку подпирал тяжелый дубовый стул.

Невозможно было взломать ее силой. И, конечно, доктор Армстронг никогда бы с этой задачей не справился. Он был довольно слабым человеком. Если бы она была Армстронгом и замышляла убийство, то применила бы хитрость, а не силу.

Она забавлялась, придумывая способы, которые он мог бы применить.

Он мог бы, как предположил Филип, объявить, что один из тех двоих мертв.

Или, возможно, мог притвориться, что сам смертельно ранен и, издавая стоны, подползти к ее двери.

Были и другие возможности.

Он мог сообщить ей, что дом горит. Что больше — он мог фактически поджечь дом… Да, точно. Выманить двух других из дома и потом, предварительно оставив след из бензина, поджечь его. И она как идиотка будет оставаться, забаррикадировавшись в своей комнате, пока не станет слишком поздно.

Она подошла к окну. Не слишком плохо. В случае нужды так выбраться из дома можно. Конечно, высоковато, но, к счастью, как раз под

окном была цветочная клумба.

Она села и, взяв свой дневник, четко и плавно принялась писать. Надо же как-то убить время.

Неожиданно она замерла и насторожилась. Она услышала звук. Она подумала, что он был похож на звон бьющегося стекла. И он донесся откуда-то снизу.

Она прислушалась, но звук не повторился.

Она услышала или подумала, что слышит, крадущиеся шаги, скрип лестницы, шорох одежды, но ничего более определенного, так что она, как и Блор, пришла к тому же выводу: эти звуки — плод ее собственного воображения.

Но вскоре она услышала нечто более определенное. Внизу двигались люди, шептались. Потом кто-то очень решительно поднялся наверх… стали открываться и закрываться двери… кто-то принялся расхаживать на чердаке. Другие звуки.

Наконец по коридору загрохотали шаги. Голос Ломбарда спросил:

— Вера. С вами все в порядке?

— Да. Что случилось?

Голос Блора сказал:

— Не впустите ли вы нас?

Вера подошла к двери. Убрала стул, отперла замок и задвижку. Открыла дверь.

Оба мужчины дышали тяжело, их ноги и нижняя часть брюк были мокры.

Она снова спросила:

— Что случилось?

Ломбард ответил:

— *Армстронг исчез…*

VII

Вера воскликнула:

— Что?

Ломбард сказал:

— На острове его нигде нет.

Блор согласился:

— Исчез — лучше и не скажешь! Фокус прямо какой-то. Вера нетерпеливо воскликнула:

— Чепуха. Он где-то прячется!

Блор возразил:

— Нет! Говорю же вам, на этом острове негде спрятаться. Он голый, как ваша рука! На улице светит луна. Светло, как днем. *И мы его не нашли.*

Вера сказала:

— Он запутал следы и вернулся в дом.

Блор заявил:

— Мы уже так думали. И дом обыскали. Должно быть, вы слышали. Говорю вам, *его здесь нет.* Он

пропал, исчез, смылся…

Вера недоверчиво произнесла:

— Я не верю.

Ломбард сказал:

— Но такова правда, моя милая.

Он помолчал и добавил:

— И еще один фактик. Окно столовой было разбито — и *на столе осталось только три негритенка.*

Глава пятнадцатая

I

Три человека завтракали на кухне.

На улице сияло солнце. Стоял прелестный день. Шторм остался в прошлом. И с переменой погоды изменилось и настроение пленников острова.

Они чувствовали себя людьми, пробудившимися от кошмара. Опасность по-прежнему существовала, да, но то была опасность среди бела дня. Парализующая атмосфера страха, которая словно одеяло обволокла их вчера, когда стонал ветер, исчезла.

Ломбард заметил?

— Сегодня попытаемся послать гелиограмму с помощью зеркальца с самого высокого места на острове. Надеюсь, какой-нибудь сообразительный паренек опознает SOS. Вечером попытаемся развести костер, правда, дерева здесь почти нет, да и вполне могут подумать, что здесь просто веселятся, танцуют и поют.

Вера заявила:

— Конечно, кто-нибудь сможет прочитать Морзе. И тогда за нами придут. Задолго до вечера.

Ломбард сказал:

— Погода-то прояснилась, но море еще не стихло. Жутко волнуется! До завтрашнего дня вряд ли смогут подвести катер к острову.

Вера воскликнула:

— Еще одна ночь здесь!

Ломбард пожал плечами:

— Придется потерпеть! Думаю, двадцати четырех часов хватит. Если переживем их, значит, все будет в порядке.

Блор прочистил горло и сказал:

— Нам надо четко во всем разобраться. *Что случилось с Армстронгом?*

Ломбард ответил:

— Что ж, у нас имеется одно доказательство. На обеденном столе осталось только три негритенка. Похоже, Армстронг получил свое.

Вера спросила:

— Тогда почему вы не нашли его труп?

Блор сказал:

— Точно.

Ломбард покачал головой и заметил:

— Чертовски все странно — ничего нельзя понять.

Блор с сомнением заметил:

— Его могли выбросить в море.

Ломбард резко произнес:

— Но кто? Вы? Я? Вы видели, как он выходит из перед ней двери. Вы немедленно пошли ко мне, и я был у себя. Мы вместе отправились на поиски. Когда, черт возьми, у меня было время убить его и запрятать труп?

Блор сказал:

— Не знаю. Но вот одно мне известно…

Ломбард спросил:

— Что же именно?

Блор ответил:

— Револьвер. То был ваш револьвер. И он сейчас у вас. Ничего не доказывает, что он все время не был у вас.

— Полноте, Блор, нас всех обыскали.

— Да, но вы спрятали его заранее. А потом снова взяли.

— Дорогой мой болван, клянусь вам, что мне подложили его обратно. Когда я нашел его в ящике, то испытал величайшее удивление в жизни.

Блор сказал:

— И вы просите меня в это поверить? Какого черта, Армстронг или кто там еще его вернул?

Ломбард безнадежно пожал плечами.

— Понятия не имею. Просто безумие. Такое невозможно ожидать. Бессмысленно.

Блор согласился:

— Да, бессмысленно. Вы могли бы придумать историю получше.

— Разве вам не кажется, что это лучшее доказательство моей правоты, а?

— Я смотрю на это иначе.

Филип сказал:

— От вас иного и не жди.

Блор заявил:

— Послушайте, мистер Ломбард, если вы такой честный человек, каким хотите казаться…

Филип прошептал:

— Когда я это говорил, что я честный человек? Нет, я никогда ничего подобного не заявлял.

Блор упорно продолжил:

— Если вы говорите правду, остается только одно. Пока револьвер у вас, мисс Клэйторн и я в вашей власти. Будет честно, если вы положите этот револьвер к другим запертым предметам — и мы оба по-прежнему сохраним ключи.

Филип Ломбард закурил сигарету. Выдув облако дыма, он сказал:

— Не будьте таким ослом.

— Разве вы на мое предложение не согласны?

— Нет, не согласен. Этот револьвер мой. Он мне нужен, чтобы защищаться, и я его не отдам.

Блор заявил:

— В таком случае мы обязаны прийти к одному выводу.

— Что я — У. Н. Оуэн? Думайте, что хотите. Но я вас спрашиваю: если так, то почему я не ухлопал вас вчера ночью из своего револьвера? У меня было больше всех шансов.

Блор покачал головой и сказал:

— Не знаю — и это факт. Должно быть, у вас была на то какая-то причина.

Вера не принимала участия в споре. Теперь она пошевелилась и сказала:

— По-моему, вы оба ведете себя, как пара идиотов.

Ломбард посмотрел на нее:

— Что?

Вера заявила:

— Вы забыли про считалочку. Разве вы не видите, что ключ скрывается в ней?

Она многозначительно процитировала:

— *«Четыре негритенка вышли в море. Одного проглотила копченая селедка, и тогда их осталось трое».*

Она продолжила:

— *Копченая селедка* — вот самый важный ключ. *Армстронг не умер…* Он взял фарфорового негри-

тенка, чтобы вы подумали, что он убит. Можете говорить, что угодно, но, по-моему, Армстронг все еще на острове. Его исчезновение — копченая селедка, подброшенная на след…

Ломбард снова сел и сказал:

— Знаете, может, вы и правы.

Блор заявил:

— Да, но если так, где он? Мы все обыскали и снаружи, и внутри.

Вера презрительно сказала:

— Мы и револьвер искали, не так ли? А ведь так и не нашли? Но он где-то был!

Ломбард прошептал:

— Размеры человека и револьвера, моя дорогая, несколько отличаются.

Вера заявила:

— Мне наплевать, я уверена, что права.

Блор пробормотал:

— Он прямо себя выдал, а? Ведь копченая селедка в стишке упоминается. Взял бы да записал считалочку немного по-другому.

Вера воскликнула:

— Но разве вы не *понимаете,* что он — *сумасшедший*! Вообще, совершать убийства по считалочке — чистое безумие! Обряжение судьи, убийство Роджерса, когда тот колол жерди, яд,

подсыпанный миссис Роджерс так, что она заснула и не проснулась, шмель, подброшенный в комнату, когда умерла мисс Брент! Словно какой-то ужасный ребенок забавляется. Все должно сходиться.

Блор сказал:

— Да, вы правы, — он немного подумал. — Ну, во всяком случае, на острове нет зоопарка. Ему придется похлопотать, чтобы сделать все в соответствии со следующим куплетом.

Вера воскликнула:

— Но разве вы не видите? Мы — *зоопарк*... Вчера ночью мы были уже не людьми, мы — *зоопарк*...

II

Они провели утро на скалах, по очереди отправляя световые сигналы на материк.

Не похоже было, что их видели. Никто на сигналы не ответил. День был прекрасный — небо слегка подернуто дымкой. Внизу гигантскими пузырями вздымалось море. Никаких лодок на нем не было.

Они провели еще один безуспешный обыск острова. Никаких следов исчезнувшего врача не обнаружили.

Вера взглянула на дом с того места, где они

стояли.

Прерывисто дыша, она заметила:

— Здесь, на открытом месте чувствуешь себя безопасней… Давайте не будем больше возвращаться в дом.

Ломбард отозвался:

— Неплохая идея. Здесь мы в сравнительной безопасности. Никто до нас не доберется незаметно, так, чтобы мы заранее не увидели.

Вера заявила:

— Останемся здесь.

Блор сказал:

— Надо же где-то провести ночь. Тогда нам все равно придется вернуться в дом.

Вера вздрогнула:

— Я не вынесу. Я *не могу* провести там еще одну ночь!

Филип обратился к ней:

— Там вы будете в безопасности — загнетесь в своей комнате.

Вера прошептала:

— Наверное.

Она вытянула руки и пробормотала:

— Так прелестно… снова чувствовать солнце… — И подумала: «Как странно… я почти счастлива. И, однако, наверняка на самом деле

мне грозит опасность… Но почему-то сейчас… ничего не имеет значения… когда кругом так светло… Мне кажется, я полна сил… мне кажется, что я не могу умереть…»

Блор взглянул на свои наручные часы и заметил:

— Два часа. Как насчет ленча?

Вера упрямо возразила:

— Я в дом не вернусь. Останусь здесь — на открытом месте.

— О, полноте, мисс Клэйторн. Надо же поддерживать свои силы.

Вера заявила:

— Если я увижу консервированный язык, меня стошнит! Я не хочу есть. Когда люди сидят на диете, они круглый день в рот ничего не берут.

Блор заявил:

— Что ж, а вот мне нужно питаться регулярно. Что вы скажете, мистер Ломбард?

— Знаете, — ответил Филип, — я не особенно жажду встречи с консервированным языком. Я останусь здесь с мисс Клэйторн.

Блор заколебался. Вера его заверила:

— Я буду в полном порядке. Не думаю, что он пристрелит меня, как только вы уйдете, если вы этого боитесь.

Блор сказал:

— Конечно, полный порядок, если вы так говорите. Но мы решили не разделяться.

Филип заявил:

— Вы единственный, кто желает войти в львиное логово. Если хотите, я пойду с вами.

— Нет, не пойдете, — возразил Блор. — Вы останетесь здесь.

Филип засмеялся:

— Так вы все еще меня боитесь? Да если бы я хотел, то мог бы застрелить вас в эту самую минуту.

Блор ответил:

— Да, но это шло бы вразрез с планом. Нас надо убирать по одному, да еще определенным способом.

— Что ж, — заметил Филип. — Похоже, вам все известно.

— Конечно, — продолжил Блор, — немного боязно идти в дом одному…

Филип вкрадчиво осведомился:

— И посему *вы хотите, чтобы я одолжил вам свой револьвер?* Ответ: нет, *никогда*! Не все так просто, благодарю вас.

Блор пожал плечами и отправился по крутому склону к дому.

Ломбард мягко проговорил:

— В зоопарке час кормежки! Животные очень щепетильны в своих привычках!

Вера встревоженно спросила:

— Он поступает не слишком рискованно?

— Нет, думаю, что нет! Армстронг не вооружен и, во всяком случае, Блор раза в два его сильнее, к тому же он начеку. Да и потом, практически невозможно, что Армстронг скрывается в доме. Я *знаю*, что его там нет.

— Но… но какое же другое может быть решение?

Филип вкрадчиво ответил:

— Блор.

— О… неужели вы в самом деле думаете?..

— Послушайте, моя девочка. Вы слышали историю Блора. Вы должны признать, что, если она правдива, *я не могу иметь никакого отношения к исчезновению Армстронга.* Его история очищает меня от подозрения. *Но не его.* У нас имеется только *его* слово — что он услышал шаги и увидел, как человек спускается вниз и выходит из дома. Может быть, все это ложь. Вдруг он пару часов назад укокошил Армстронга.

— Как?

Ломбард пожал плечами.

— Этого мы не знаем. Но если вы меня спросите, нам грозит только одна опасность, и эта опасность — Блор! Что мы вообще знаем о нем? Меньше, чем ничего! Может быть, вся эта болтовня о прошлой службе в полиции — сплошная чушь! Он может быть кем угодно — сумасшедшим миллионером, помешанным бизнесменом, заключенным, сбежавшим из Бродмура (психбольница тюремного типа для маньяков). Одно определенно. Он *мог* совершить каждое из этих преступлений.

Вера побледнела и произнесла, затаив дыхание:

— А, предположим, он доберется… до нас?

Ломбард мягко ответил, похлопав себя по карману, где лежал револьвер:

— Я позабочусь, чтобы не добрался. — Потом он с любопытством взглянул на нее. — Как трогательно вы в меня верите, а, Вера? Уверены, что я вас не пристрелю?

Вера ответила:

— Надо же кому-то доверять… По правде говоря, я думаю, вы ошибаетесь насчет Блора. Я по-прежнему считаю, что это Армстронг.

Неожиданно она повернулась к нему:

— Вы не чувствуете… все время… что здесь *кто-*

то есть? Кто-то, кто за нами наблюдает и ждет?

Ломбард медленно ответил:

— Это просто нервы.

Вера пылко спросила:

— Значит, вы тоже *почувствовали*?

Она поежилась и чуть ближе наклонилась к нему.

— Скажите мне, вы не думаете, — она прервалась и продолжила: — Однажды я читала рассказ о двух судьях, которые пришли в маленький американский городок из Высшего Суда. Они вершили правосудие — Абсолютное Правосудие. *Потому что они вообще были не из этого мира*…

Ломбард поднял брови и сказал:

— Небесные гости, а? Нет, я не верю в сверхъестественное. Это дело — работа человека.

Низким голосом Вера произнесла:

— Иногда… я не уверена…

Ломбард посмотрел на нее:

— Это совесть… — После краткого молчания он очень спокойно спросил: — Так вы в конце концов *утопили* этого ребенка, а?

Вера неистово ответила:

— Нет! Нет! Вы не имеете права так говорить!

Он весело рассмеялся.

— О, да, утопила, моя хорошая девочка! Не знаю,

почему. Представить себе не могу. Наверное, был замешан мужчина. Так ведь?

Неожиданно Веру охватила апатия, огромная усталость. Она ответила тусклым голосом:

— Да… был мужчина…

Ломбард тихо отозвался:

— Спасибо. Это то, что я хотел знать…

Неожиданно Вера выпрямилась и воскликнула:

— Что это было? Не землетрясение же?

Ломбард ответил:

— Нет, нет. Однако какой-то удар потряс почву. И я подумал… вы не слышали вскрик? Я слышал.

Они уставились на дом.

Ломбард сказал:

— Это там. Нам лучше посмотреть.

— Нет, нет, я не пойду.

— Как хотите, пойду один.

Вера отчаянно сказала:

— Хорошо. Я с вами.

Они поднялись по склону к дому. Терраса, залитая солнечным светом, была мирной и безобидной. Они немного поколебались, потом вместо того, чтобы войти в переднюю дверь, осторожно обошли дом.

Они нашли Блора. Он распростерся на камен-

ной террасе на восточной стороне, его голова была размозжена огромной глыбой белого мрамора.

Филип поднял голову и спросил:

— Чье это окно наверху?

Вера ответила низким прерывистым голосом:

— *Мое, и это часы с моего камина…* Я их помню. Они были в форме медведя.

Она повторила, и ее голос дрожал:

— Они были в форме медведя.

III

Филип схватил ее за плечо. Он сказал настойчивым мрачным голосом:

— Все понятно. Армстронг прячется где-то в доме. Я пойду и найду его.

Но Вера вцепилась в него и воскликнула:

— Не будьте дураком! Теперь наша очередь! Мы будем следующими! Он *хочет*, чтобы мы бросились его искать! Он на это *рассчитывает*!

Филип остановился и задумчиво произнес:

— В этом что-то есть.

Вера воскликнула:

— Во всяком случае, вы должны теперь признать, что я была права.

Он кивнул.

— Да, вы выиграли! Убийца — Армстронг. Но где же, черт подери, он прячется? Мы же так тщательно прочесали весь остров, словно частой расческой.

Вера настойчиво сказала:

— Если вы не нашли его вчера ночью, то *не найдете и сейчас*... Таков здравый смысл.

Ломбард неохотно согласился:

— Да, но...

— Он, должно быть, заранее приготовил тайник, естественно. Ну, знаете, что-то вроде «норы священника»[31] в старинных особняках.

— Но это совсем не старый дом.

— Он все равно мог сделать здесь тайник.

Филип Ломбард покачал головой и сказал:

— Мы измерили в то первое утро. Готов поклясться, что там нет места для тайника.

Вера сказала:

— Но, должно быть...

Ломбард заметил:

— Хотел бы я посмотреть...

Вера воскликнула:

— Да, вы хотели бы посмотреть! И он это знает! Он там — ждет вас.

---

[31] Примечания: 31

Укромная комната обычно в церкви или замке, где прятались католические священники во время преследования католиков.

Вытащив наполовину свой револьвер из кармана, Ломбард сказал:

— Знаете ли, у меня имеется эта штука.

— Вы говорили, что с Блором ничего не случится, что он сильней Армстронга и к тому же начеку. Но вы, похоже, не понимаете, что Армстронг — *сумасшедший*! А на стороне сумасшедшего все преимущества. Он в два раза хитрей любого нормального.

Ломбард вернул револьвер в карман и сказал:

— В таком случае идемте.

III

Наконец Ломбард спросил:

— Что же вы собираетесь делать, когда наступит ночь?

Вера не ответила. Он тоном обвинителя продолжил:

— Об этом вы не думали?

Она беспомощно ответила:

— А что мы *можем* сделать? О Боже мой, *я боюсь*…

Филип Ломбард задумчиво произнес:

— Погода прекрасная. Ночью будет луна. Мы должны найти место… может быть, на верхушке острова. Будем там сидеть и ждать утра. Мы *не*

должны засыпать. Мы все время должны быть начеку. И если к нам кто-нибудь подойдет, я его застрелю!

Он помолчал и спросил:

— Наверное, в этом легком тонком платье вам будет холодно?

Вера ответила с хриплым смешком:

— Холодно? Мне будет гораздо холоднее, если я стану трупом!

Филип Ломбард спокойно сказал:

— Да, вы правы…

Вера обеспокоенно зашевелилась и сказала:

— Я сойду с ума, если буду здесь сидеть. Давайте походим.

— Отлично.

Они медленно расхаживали взад и вперед вдоль линии скал, нависающих над морем. Солнце клонилось к западу. Его свет стал золотым и сочным. Он окутал их золотистым огнем.

Неожиданно, нервозно хихикнув, Вера сказала:

— Жаль, что мы не можем искупаться…

Филип смотрел на море. Неожиданно он сказал:

— Что это там? Вот видите, возле большого камня? Нет, чуть дальше, направо.

Вера вытаращила глаза и сказала:

— Похоже на чью-то одежду!

— Купальщик, а? — Ломбард засмеялся. — Странно. Наверно, это всего лишь водоросли.

Вера предложила:

— Давайте сходим и посмотрим.

— Это одежда, точно, — сказал Ломбард, когда они подошли поближе. — Целый узел. Вон ботинок. Идемте, давайте проберемся туда.

Они стали пробираться через камни.

Неожиданно Вера остановилась и сказала:

— Это не одежда — это человек…

Человек вклинился между двумя камнями, куда его забросил прилив.

Ломбард и Вера сделали последнее усилие и добрались до него.

Они склонились над ним.

Пурпурное обесцвеченное лицо — ужасное лицо утопленника…

Ломбард сказал:

— Бог ты мой! Это — Армстронг…

Глава шестнадцатая

I

Вечности подходили к концу… миры кружились, во Вселенной… Время застыло неподвижно… Оно остановилось, оно проходило сквозь тысячи столетий…

Нет, минула всего минута или чуть больше.

Два человека стояли, глядя на покойника…

Медленно, очень медленно Вера Клэйторн и Филип Ломбард подняли головы и посмотрели друг другу в глаза…

II

Ломбард засмеялся и сказал:

— Так вот, значит, как, Вера?

Вера проговорила:

— На острове никого нет, совсем никого, *кроме* нас…

Она произнесла эти слова шепотом, еле слышным шепотом.

Ломбард сказал:

— Точно. Так, значит, теперь нам известно

все, а?

Вера спросила:

— Как это сработано… тот трюк с мраморным медведем?

Он пожал плечами:

— Простой фокус, моя дорогая, отличный фокус…

Их глаза снова встретились. Вера подумала: *«Почему я никогда раньше не видела как следует этого лица? Он волк — вот кто он такой, это волчья морда… Эти ужасные зубы…»*

Ломбард сказал, и его голос превратился в рык — опасный, угрожающий рык:

— Как видите, это конец. Теперь мы узнали правду. И *ЭТО конец…*

Вера спокойно ответила:

— Вижу…

Она уставилась на море. Генерал Макартур смотрел на море. Когда же? Неужели только вчера? Или позавчера? Он тоже сказал: *«Это конец…»*

Он сказал так, ничуть не возражая, почти радуясь.

Но у Веры эти слова… сама мысль… вызывали желание бунтовать. Нет, не конец.

Она посмотрела на покойника и сказала:

— Бедный доктор Армстронг…

Ломбард глумливо ухмыльнулся и заметил:

— Ба, что я слышу? Женская жалость?

Вера ответила:

— А почему бы и нет? Разве *в вас* нет ни капли жалости?

Он сказал:

— К тебе — нет! И не жди!

Вера вновь взглянула на труп и заявила:

— Мы должны убрать его отсюда. Отнести в дом.

— Наверное, чтобы присоединить к остальным жертвам? Чтобы все было аккуратненько. Что касается меня, то он может оставаться там, где есть.

Вера сказала:

— Ну, во всяком случае, давайте отнесем его от моря.

Ломбард засмеялся и сказал:

— Как хотите.

Он наклонился, стал вытягивать тело. Вера нагнулась к нему, стала помогать. Она тянула изо всех сил.

Ломбард, запыхавшись, произнес:

— Не такая уж это легкая работка.

Однако им удалось оттащить труп далеко от

линии прилива.

Выпрямившись, Ломбард спросил:

— Ну, как, удовлетворены?

Вера ответила:

— Вполне.

Ее тон его насторожил. Он круто повернулся. Даже не хлопая рукой по карману, он уже знал, что тот пуст.

Она отошла на ярд-два и стояла лицом к нему с револьвером в руке.

Ломбард сказал:

— Так вот, значит, какова истинная причина вашей женской заботливости! Вы попросту хотели обчистить мой карман.

Она кивнула и твердо, недрогнувшей рукой держала пистолет.

Сейчас смерть очень близко подошла к Филипу Ломбарду.

Он знал, никогда она не была ближе.

И, однако, он еще не был побежден.

Он властно сказал:

— Отдай револьвер мне.

Вера засмеялась.

Ломбард заявил:

— Ну, полноте, отдай.

Его быстрый ум лихорадочно работал. Как…

каким образом… заговорить ее… убаюкать… или быстрый бросок…

Всю жизнь Ломбард выбирал рискованные пути. Так он поступил и на сей раз.

Он заговорил медленно, убедительно:

— Послушай-ка, моя милая девочка, только послушай…

И потом он прыгнул. Быстро, как пантера, как любой другой хищник из семейства кошачьих…

Вера машинально нажала на курок…

Тело Ломбарда на мгновение зависло в воздухе, потом тяжело упало на землю.

Вера шагнула к нему, держа наготове револьвер. Но в предосторожностях не было надобности.

Филип Ломбард был мертв… застрелен в сердце…

III

Веру охватило облегчение — огромное, невыразимое облегчение.

Наконец, все было кончено.

Страха больше не было… не нужно было больше держать себя в руках…

Она осталась на острове одна.

Одна с девятью трупами…

Но какое это имеет значение? Она была жива…

Она сидела, испытывая невероятное счастье… чувствуя огромный покой…

Страха больше нет…

IV

Солнце садилось, когда Вера зашевелилась. До этого из-за нервной реакции она хранила неподвижность. Просто в ней не было места ни для чего, кроме божественного ощущения безопасности.

Теперь она поняла, насколько голодна и как хочет спать. Главным образом, спать. Она хотела броситься на постель и спать, спать, спать…

Быть может, завтра придут и спасут ее, но ей было все равно. Она могла бы остаться здесь. Тем более сейчас, когда осталась одна…

О! Благословенный, благословенный покой…

Она встала и взглянула на дом.

Больше бояться нечего! Ее не поджидают новые кошмары! Просто самый обычный, хорошо выстроенный современный дом. И, однако, совсем недавно она не могла смотреть на него без дрожи…

Страх… какая странная штука — страх!..

Что ж, теперь все кончено. Она победила… с

триумфом одолела самую смертельную опасность. Благодаря быстроте своего ума и ловкости она, как говорится, поменялась ролями со своим потенциальным убийцей.

Она направилась к дому.

Солнце садилось. Небо на западе расцветилось красными и оранжевыми полосками. Оно было прекрасное и мирное…

Вера подумала: «Должно быть, все это сон…»

Как она устала… как ужасно устала! Ее конечности болели, веки словно налились свинцом. Больше не надо бояться… Спать… спать… спать… спать…

Спать в безопасности, потому что она на острове одна. Один негритенок остался один-одинешенек.

Она улыбнулась сама себе.

Вошла в переднюю дверь. Дом тоже казался странно мирным.

Вера подумала: «Обычно никто не хочет спать в доме, где есть покойник, а особенно, если в каждой комнате по покойнику! Может, пойти на кухню и что-нибудь поесть?»

Она немного поколебалась и потом передумала. Она слишком устала…

Она остановилась возле двери столовой. Там

посреди стола все еще стояли три маленькие фарфоровые фигурки.

Вера засмеялась и сказала:

— Вы поотстали от событий, мои дорогие.

Она взяла двух и вышвырнула их в окно. Она услышала, как они разбились о каменный пол террасы.

Третьего негритенка она сжала в руке и сказала:

— Ты можешь пойти со мной. Мы победили, мой милый! Мы победили!

Холл был тускло освещен умирающим светом.

Вера с зажатым в руке негритенком стала подниматься по лестнице. Очень медленно, потому что неожиданно ее ноги страшно устали.

«Один негритенок остался один-одинешенек» — как там считалочка кончается? О да! — *«Он женился, и тогда никого не осталось».*

Женился… Странно, как она вновь неожиданно почувствовала, что Хьюго находится в доме…

Ощущение было очень сильным. Да, Хьюго был наверху и ждал ее.

Вера сказала сама себе:

— Не будь дурой. Ты так устала, что воображаешь Бог весть что…

Медленно вверх по лестнице.

На верхней лестничной площадке что-то выпало из ее руки, практически бесшумно ударившись о мягкий ворсовый ковер. Она не заметила, что выронила револьвер. Она сознавала лишь, что сжимает в руке маленькую фарфоровую фигурку.

Какой тихий был дом! Однако… почему-то он не казался пустым… наверху ее ждет Хьюго…

«Один негритенок остался один-одинешенек». Какая же все-таки последняя строчка? Что-то насчет свадьбы или что-то другое?

Она подошла к двери своей комнаты. Хьюго ждет ее внутри — она была совершенно в этом уверена.

Она открыла дверь…

Ошарашенно открыла рот…

Что это — свешивается с крюка в потолке? *Веревка с готовой петлей? И под ней стоит стул — стул, который можно оттолкнуть ногой…*

Вот что хотел Хьюго…

И, конечно, такой была последняя строчка считалочки:

«Он пошел и повесился, и тогда никого не осталось…»

Маленькая фарфоровая фигурка выпала из ее руки. Она покатилась по полу и разбилась, уда-

рившись о каминную решетку.

Как автомат, Вера шагнула вперед. Это был конец — здесь, где холодная мокрая рука (конечно, рука Сирилла) прикоснулась к ее горлу…

«Ты можешь поплыть к той скале, Сирилл…»

Эти слова были убийством — все так просто!

Но потом ничего не забывается и продолжаешь, продолжаешь вспоминать…

Она влезла на стул, уставившись в одну точку, словно лунатик… приладила на шее петлю.

Хьюго был здесь и следил, чтобы она это сделала.

Она оттолкнула стул…

Эпилог

Сэр Томас Легг, помощник комиссара Скотленд-Ярда, раздраженно заявил:

— Но это же просто невероятно!

Инспектор Мэйн почтительно ответил:

— Знаю, сэр.

П. К. продолжил:

— Десять человек мертвы на острове, и на нем нет больше ни одной живой души. Бессмыслица какая-то!

Инспектор Мэйн флегматично отозвался:

— Тем не менее это *случилось*, сэр.

Сэр Томас Легг сказал:

— Черт подери, Мэйн, должен же кто-то был их убить.

— В том-то и проблема, сэр.

— В докладе врача ничего полезного?

— Нет, сэр. Уогрейв и Ломбард застрелены, первый — в голову, второй — в сердце. Мисс Брент и Мэрстон умерли от отравления цианидом. Миссис Роджерс — от смертельной дозы хлорала. Голова Роджерса разрублена, Блора — размозжена. Армстронг утонул. Череп Макартура

проломлен ударом по затылку, и Вера Клэйторн повешена.

П. К. вздрогнул и поморщился. Он сказал:

— Гадкое дело, гадкое.

Он поразмышлял несколько минут и потом с раздражением спросил:

— Вы имеете в виду, что не смогли выудить из населения Стиклхэвена ничего полезного? Черт возьми, должны же они что-то знать.

Инспектор Мэйн пожал плечами.

— Они обычные порядочные моряки. Знают только, что остров купил человек по фамилии Оуэн, и все.

— Кто запасал на острове провизию и делал все необходимое приготовления?

— Человек по фамилии Моррис. Исаак Моррис.

— И что он обо всем этом говорит?

— Он не может говорить, сэр, он мертв.

П. К. нахмурился.

— Вам известно что-нибудь об этом Моррисе?

— О да, сэр, он нам знаком. Сомнительный был джентльмен, этот мистер Моррис. Был замешан в том мошенничестве Беннито, связанным с распространением ненадежных акций три года назад. Мы уверены, что он в нем участвовал, но вот доказать не можем. И он занимался наркобиз-

несом. И снова доказательств нет. Он был очень осторожным человеком, этот Моррис.

— И он стоял за островным делом?

— Да, сэр. Он занимался покупкой, хотя ясно дал понять, что действует в интересах третьей стороны, пожелавшей остаться неизвестной.

— Но, конечно, можно что-то разыскать в финансовом отношении?

Инспектор Мэйн улыбнулся.

— Если бы вы знали Морриса, то так бы не говорили! Он так умел тасовать цифры, что никакой, пусть даже самый лучший общественный бухгалтер в стране не поймет, на голове он стоит или на ногах! Мы вволю наелись его мастерством в деле Беннито. Да, он отлично покрыл следы своего работодателя.

П. К. вздохнул. Инспектор Мэйн продолжил:

— Моррис и занимался всеми делами в Стиклхэвене. Говорил, что действует для «мистера Оуэна». И именно он пояснил тамошним жителям, что будет проводиться какой-то эксперимент — какое-то пари насчет жизни на «необитаемом острове» в течение недели и что не надо обращать никакого внимания на призывы о помощи оттуда.

Сэр Томас Легг обеспокоенно пошевелился и

сказал:

— И вы хотите мне сказать, что люди не унюхали крысу? Даже после этого?

Мэйн пожал плечами и ответил:

— Вы забываете, сэр, что остров Ниггер ранее принадлежал молодому Элмеру Робсону, американцу. Каких только он там вечеринок не устраивал. Не сомневаюсь, что глаза местных жителей на лоб лезли! Но постепенно они привыкли и стали считать, что все, связанное с островом Ниггер, обязательно должно быть невероятным. Так что, сэр, когда подумаешь, все кажется вполне естественным.

Помощник комиссара мрачно признал его правоту.

Мэйн сказал:

— Фред Нарракотт — тот человек, который отвозил туда гостей, говорит кое-что полезное. Он сказал, что сильно удивился, увидев этих людей: «Совсем не похожи на гостей мистера Робсона». Думаю, именно факт, что они все были такие нормальные и спокойные, заставил его ослушаться приказов Морриса и отправиться на остров после того, как он узнал о сигналах SOS.

— Когда они туда прибыли?

— Сигнал заметили мальчики-скауты утром

одиннадцатого. В тот день добраться до острова было невозможно. Люди прибыли туда днем двенадцатого, как только появился шанс пришвартоваться. Они совершенно уверены, что никто не мог оставить остров перед тем, как они туда приплыли. После шторма по-прежнему были большие волны.

— Никто не мог вплавь добраться до берега?

— До него больше мили, и волны были большие, и о берег колотились с силой. И на скалах было много народу, скаутов, которые наблюдали за островом.

П. К. вздохнул и сказал:

— А что насчет граммофонной записи, которую вы нашли в доме? Не смогли ничего полезного из нее узнать?

Инспектор Мэйн сказал:

— Постарался. Ее изготовила фирма, занимающаяся поставкой театральной бутафории и постановкой киноэффектов. Ее послали У. Н. Оуэну, эсквайру, для передачи через Исаака Морриса, и, как они считали, она была нужна для любительской постановки новой пьесы. Текст был возвращен вместе с записью.

Легг спросил:

— А что насчет самой записи, а?

Инспектор Мэйн серьезно ответил:

— Я сейчас этим занимаюсь, сэр.

Он прочистил горло.

— Я со всей тщательностью расследовал обвинения. Начал с Роджерсов, которые первыми прибыли на остров. Они служили у мисс Брэди, которая неожиданно умерла. От ее лечащего врача не удалось узнать ничего определенного. Он говорит, что они, конечно, ее не отравили, но сам лично он считает, что *было* там нечто странное: будто она умерла в результате пренебрежения с их стороны. Утверждает, что доказать ничего невозможно.

Потом господин судья Уогрейв. Тут все о'кей. Это он осудил Ситона. Кстати, Ситон был виновен — безошибочно виновен. Уже после того, как его повесили, отыскалось доказательство, которое, вне всяких сомнений, доказывает его вину. Но тогда много на сей счет говорили: девять из десяти считали, что Ситон был невиновен, и суммирование судьи было местью.

Девушка Клэйторн, как я узнал, была гувернанткой в семье, где утонул ребенок. Однако, похоже, она не имеет к его смерти никакого отношения и, по правде говоря, прекрасно себя вела, поплыла на помощь, и ее фактически вытащили

из моря и еле успели спасти.

— Продолжайте, — со вздохом сказал П. К.

Мэйн глубоко вздохнул.

— Теперь доктор Армстронг. Известный человек. Имел кабинет на Хэрли-стрит. Честный специалист. Не удалось установить никаких нелегальных операций и вообще чего-то компрометирующего. Правда, действительно *была* женщина по фамилии Клис, которую он оперировал аж в 1925 году в Лейтморе, когда работал там в больнице. Перитонит. Она умерла на операционном столе. Может, он был не очень искусным хирургом, но, в конце концов, опыта у него было немного, да и неумение — не преступление. Конечно, мотива никакого.

Потом мисс Эмили Брент. Девушка, Беатрис Тэйлор, у нее служила. Забеременела, хозяйка ее выгнала, она пошла и утопилась. Неприятное дельце, но снова — ничего криминального.

— Вот здесь-то, — сказал П. К., — похоже, и вся соль. У. Н. Оуэн занимался преступлениями, недосягаемыми для закона.

Мэйн флегматично продолжил перечислять.

— Молодой Марстон был довольно рискованным водителем — дважды ему приходилось вновь сдавать на права и, по-моему, его вообще

надо было их лишить, С ним все ясно. Джон и Люси Комбз были теми двумя ребятишками, которых он сбил насмерть неподалеку от Кембриджа. Какие-то его друзья дали показания на его стороне, и он отделался штрафом.

Насчет генерала Макартура не удалось выяснить ничего определенного. Прекрасный послужной список — участие в боевых действиях, все такое. Артур Ричмонд служил у него во Франции и погиб в бою. Между ним и генералом не было никаких трений. По правде говоря, они даже были близкими друзьями. В то время не раз допускались промахи — командиры бесполезно жертвовали своими людьми; вероятно, и здесь то же самое.

— Вероятно, — сказал П. К.

— Теперь Филип Ломбард. Ломбард был замешан в престранных делишках за границей. Не раз проходил по грани дозволенного. Заработал репутацию рискового и не слишком щепетильного человека. Запросто мог совершить не одно убийство в каком-нибудь глухом уголке земного шара.

— Теперь мы подошли к Блору, — Мэйн заколебался. — Конечно, он был из нашего числа.

П. К. зашевелился и убедительно заявил:

— Блор был дрянью!

— Вы так полагаете, сэр?

Помощник комиссара сказал:

— Всегда так считал. Но он был достаточно хитер, чтобы выйти сухим из воды. По-моему, он совершил наглое лжесвидетельство в деле Лэндора. Сколько я тогда перемучился. Но не смог ни до чего докопаться. Велел заняться делом Хэррису, но и он ничего не нашел. Однако я по-прежнему убежден, что можно было что-то разыскать, если бы мы знали, с какого конца браться. Он был мерзавцем.

Наступила пауза, а потом сэр Томас Легг спросил:

— И Исаак Моррис умер, вы сказали? Когда?

— Я так и думал, что вы этим заинтересуетесь, сэр. Исаак Моррис умер в ночь на 8 августа. Принял смертельную дозу снотворного, насколько я понимаю, один из барбитуратов. Нет никаких доказательств, то ли это было самоубийство, то ли несчастный случай.

Легг медленно спросил:

— Хотите знать, что я думаю, Мэйн?

— Мне кажется, я догадываюсь, сэр.

Легг хрипло сказал:

— Слишком уж кстати пришлась эта смерть

Морриса!

Инспектор Мэйн кивнул и заметил:

— Я так и думал, что вы это скажете, сэр.

Помощник комиссара стукнул кулаком по столу и воскликнул:

— Фантастика какая-то, быть такого не может. Десять человек убиты на голом камне, и мы не знаем, кто их убил, или почему, или как.

Мэйн кашлянул и сказал:

— Ну, вы не совсем правы, сэр. Мы более или менее знаем, *почему.* Какой-то фанатик, помешанный на правосудии. Он решил покарать тех, кто был вне досягаемости закона. Выбрал десятерых — не обязательно, были ли они виновны или нет…

Комиссар зашевелился и резко сказал:

— Необязательно? По-моему…

Он смолк. Инспектор Мэйн почтительно ожидал. Легг со вздохом покачал головой.

— Продолжайте, — сказал он. — На какой-то миг я почувствовал, что получил какую-то зацепку. По правде говоря, даже ключ ко всему делу. Но мысль пропала. Продолжайте, что вы там говорили.

Мэйн повиновался:

— На острове он собрал десять человек, кото-

рых хотел, с позволения сказать, казнить. И они *были* казнены. У. Н. Оуэн свою задачу выполнил. И каким-то образом растворился в воздухе.

П. К. заметил:

— Первоклассный фокус с исчезновением. Но вы знаете, Мэйн, где должно скрываться объяснение.

Мэйн сказал:

— Вы полагаете, сэр, что если человека на острове не было, он не мог остров оставить и, согласно показанию заинтересованных сторон, никогда на острове не был. Что ж, в таком случае возможно лишь единственное объяснение — он был одним из десятерых.

П. К. кивнул.

Мэйн пылко продолжил:

— Мы рассмотрели эту версию. Тщательно рассмотрели. Ну, во-первых, не так уж мы несведущи в отношении того, что произошло на острове Ниггер. Вера Клэйторн вела дневник, и Эмили Брент. Старый Уогрейв делал пометки, сухие, типично в духе юриста, скрытные, но тем не менее они многое проясняют. И Блор тоже делал записи. Все их отчеты согласуются. Убийства совершались в следующем порядке: Марстон, миссис Роджерс, Макартур, Роджерс, мисс Брент, Уогрейв. После

его смерти в дневнике Веры Клэйторн утверждается, что Армстронг ночью оставил дом, и что Блор и Ломбард пошли за ним. Блор сделал еще одну запись в своем блокноте. Всего два слова: «Армстронг исчез».

Теперь, сэр, мне казалось, что, принимая в расчет все факты, нам удастся отыскать неплохое решение. Армстронг, как вы помните, утонул. Допуская, что сумасшедшим был Армстронг, что мешает предположению, что он убил всех остальных, *а* потом совершил самоубийство, бросившись со скалы, или, быть может, утонул, пытаясь доплыть до берега.

Решение казалось хорошим, но неверным. Да, сэр, неверным. Ну, во-первых, ему противоречит показание полицейского хирурга. Он прибыл на остров рано утром 13 августа. Он не смог сообщить нам особенно много полезного. Только установил, что все были мертвы 36 часов и, вероятно, даже больше. Но вот насчет Армстрбнга он достаточно категоричен. Говорит, что он пробыл в воде часов восемь-десять перед тем, как его тело выбросило на берег. Это согласуется с фактом, что Армстронг должен был попасть в воду где-то в ночь с 10 на 11 августа, и я поясню, почему. Мы нашли место, куда выбросило труп, — тело было

вбито, как клин, между двумя камнями, и на них остались кусочки одежды, волосы и так далее. Покойник угодил туда во время прилива одиннадцатого, точнее говоря, около одиннадцати часов утра. Потом шторм поутих, и последующие отметки прилива располагались значительно ниже.

Наверное, вы можете сказать, что Армстронгу удалось укокошить трех других *до* того, как он угодил в море. Но есть другой факт, и игнорировать его нельзя. *Труп Армстронга оттащили подальше от воды.* Мы нашли его далеко вне досягаемости любого прилива. И к тому же его аккуратненько положили на землю — ровно так, прямо.

Так что это доказывает определенно одно: *кто-то* на острове был жив *после того, как Армстронг умер.*

Он помолчал и продолжил:

— И какое у нас положение? Вот что было к утру одиннадцатого. Армстронг исчез *(утонул).* У нас остаются трое: Ломбард, Блор и Вера Клэйторн. Ломбард был застрелен. Его тело нашли возле моря, рядом с трупом Армстронга. Веру Клэйторн обнаружили в собственной спальне — она была повешена. Труп Блора лежал на террасе. Его голова была размозжена тяжелыми мраморными

часами; похоже, будет вполне разумно предположить, что они упали на него из окна наверху.

П. К. резко спросил:

— Чье окно?

— Веры Клэйторн. А теперь, сэр, давайте рассмотрим по отдельности данные версии. Сначала Филип Ломбард. Допустим, он бросил на голову Блора ту глыбу мрамора, потом накачал наркотиками Веру Клэйторн и вздернул ее, а под конец отправился на берег и застрелился.

Но если так, то *кто забрал револьвер?* Потому что револьвер нашли в доме прямо возле двери комнаты на верхнем этаже — комнаты Уогрейва.

П. К. спросил:

— На нем есть какие-нибудь отпечатки?

— Да, сэр. Отпечатки Веры Клэйторн.

— Но, Бог ты мой, тогда…

— Я знаю, что вы собираетесь сказать, сэр. Что это была Вера Клэйторн. Что она застрелила Ломбарда, вернулась с револьвером в дом, бросила на голову Блора мраморную глыбу и потом… повесилась.

Версия неплохая, но до определенного момента. В ее комнате есть стул, на сиденье которого остались водоросли — такие же, что и на ее туфлях. Похоже, она встала на этот стул, надела петлю на

шею и пинком его отшвырнула.

Но стул-то мы не нашли перевернутым, отброшенным, отодвинутым. Он, как и все остальные стулья, аккуратно стоял возле стены. И поставил его туда *после смерти Веры Клэйторн кто-то другой.*

У нас остается Блор, и если вы мне скажете, что, застрелив Ломбарда и заставив Веру Клэйторн повеситься, он вышел из дома и с помощью какого-то шнурка умудрился свалить себе на голову громадный кус мрамора, *я* просто вам не поверю. Люди так самоубийства не совершают, и, что больше, не такой Блор был человек. Мы знали Блора, и его вряд ли можно было обвинить в страсти к абстрактному правосудию.

Помощник комиссара сказал:

— Я согласен.

Инспектор Мэйн закончил:

— И посему, сэр, на острове должен был быть *кто-то еще.* Кто-то, кто, когда все было кончено, если можно так выразиться, прибрался. Но где он был все время и куда делся? Жители Стиклхзвена абсолютно уверены, что никто не оставил острова до того, как туда прибыла спасательная партия. Но в таком случае… — и он смолк.

Помощник комиссара повторил:

— В таком случае…

Он вздохнул. Он покачал головой. Он подался вперед.

— Но в таком случае, — сказал он, — *кто их убил?*

Рукопись, посланная в Скотленд-Ярд владельцем рыболовного траулера «Эмма Джейн»

С ранней юности я понял, что моя натура состояла из массы противоречий. Ну, во-первых, у меня было неизлечимо романтическое воображение. Придание бутылки с важным документом морским волнам всегда вызывало у меня трепет, когда в детстве я читал приключенческие романы. И по-прежнему я чувствую то же самое и поэтому избрал этот способ — напишу свое признание и заключу его в бутылку, запечатаю ее и заброшу в море. Наверное, сто шансов к одному, что ее обнаружат, и тогда (или я себе льщу?) до сих пор не объясненная тайна получит объяснение.

Я родился и с другими чертами, не считая романтического воображения. Я испытываю поистине садистский восторг, видя смерть или становясь ее причиной. Помню, еще в детстве экспериментировал с осами, разными домашними паразитами — с самого раннего детства я познал стремление убивать. Но бок о бок с ней шла противоречивая черта — сильнейшая

страсть к правосудию. Мне была ненавистна сама мысль, что невинный человек или существо могут страдать или умереть в результате каких-то моих действий.

Я всегда считал, что закон должен ставиться во главу угла. Поэтому понятно, думаю, любой психолог поймет, что с таким психическим складом, как у меня, я избрал профессию юриста. Она удовлетворяла практически все мои инстинкты.

Преступление и наказание всегда меня завораживали. Я поистине наслаждаюсь, читая детективы и триллеры. Ради собственной забавы я придумывал самые разные изобретательные способы совершения убийства.

Когда в свое время я стал председательствовать в суде, стал поощряться другой мой инстинкт. Видя, как несчастный преступник извивается на скамье подсудимых, испытывая муки проклятых, я испытывал чувство, что рок подходит все ближе и ближе, и это чувство доставляло мне огромное удовольствие. Имейте в виду, я никогда не наслаждался, видя там *невинного.* По крайней мере, два раза я прекращал процесс, когда, по-моему, подсудимый был невиновен, указывая присяжным, что оснований, для суда нет. Однако благодаря честности и действенности нашей по-

лиции большинство представших передо мной обвиняемых за убийство были виновны.

Таким было и дело Эдварда Ситона. Его внешность и манеры вводили в заблуждение, он произвел хорошее впечатление на присяжных. Но не только доказательства, которые были вполне определенными, хотя и неэффективными, но и собственные знания о преступниках убедили меня, что этот человек действительно совершил преступление, в котором его обвиняли, — зверское убийство пожилой женщины, которая ему доверяла.

У меня репутация вешающего судьи, но это несправедливо. Я всегда был честен и скрупулезен в своих суммированиях. Я лишь защищал присяжных от эмоционального эффекта, эмоциональных воззваний некоторых наших наиболее эмоциональных адвокатов. Я привлекал их внимание к истинным доказательствам.

Несколько лет я ощущал внутренние перемены — ослабление контроля, желание действовать, а не судить.

Я хотел — позвольте признаться мне искренне — *сам совершить убийство. Я* счел его желанием художника выразиться! Я был, или, точнее, мог бы быть художником в преступлении! Мое вообра-

жение, строго сдерживаемое рамками профессии, втайне разрасталось с колоссальной силой. Я должен… должен… *должен…* совершить убийство! И что больше — оно должно быть не обычным убийством! Оно должно быть фантастическим преступлением — чем-то сногсшибательным, необычным! Думаю, в этом смысле у меня по-прежнему, сохранялось воображение подростка.

Я хотел чего-то театрального, невозможного.

Я хотел убить… Да, я хотел убить…

Но… каким бы нелепым это ни показалось некоторым, меня сдерживала врожденная страсть к правосудию. Невинный не должен пострадать.

И потом совершенно неожиданно у меня появилась идея, ее породило случайное замечание, сделанное во время случайного же разговора. Я беседовал с врачом, каким-то обычным, ничем не выдающимся G. P.[32] Он случайно заметил, что, должно быть, очень и очень часто совершаются убийства, не подвластные законной каре.

И он привел пример: старую даму, свою пациентку, которая умерла совсем недавно. Он заявил, что убежден: ее смерть была вызвана тем, что семейная пара ее слуг, которые значительно

---

[32] Примечания: 32
Врач общей практики.

выгадывали от ее смерти, сознательно не дали ей вовремя лекарство. Он пояснил, что доказать ничего невозможно, но тем не менее сам он совершенно уверен в своих выводах. Он добавил, что постоянно происходят подобные преступления — преднамеренные убийства, за которые невозможно покарать законным путем.

Вот так все началось. Я неожиданно понял, что мне делать. И решил совершить не одно убийство, а целую грандиозную серию преступлений.

Мне вспомнилась детская считалочка — стишок о десяти негритятах. Она завораживала меня в двухлетнем возрасте — своим неумолимым уменьшением, ощущением неизбежности.

Я начал тайно подбирать жертвы…

Не буду отнимать место описанием деталей того, как мне удалось этого достичь. Я разработал внешне рутинную схему разговора, который заводил практически с каждым встречным, и получил поистине изумительные результаты. Во время пребывания в частной лечебнице я натолкнулся на дело доктора Армстронга — сестра, фанатик трезвости, которая ухаживала за мной всеми силами, пытаясь мне доказать, какое зло причиняет алкоголь, рассказала о случае многолетней давности, когда доктор под воздействием

опьянения убил пациентку, которую оперировал. Легкомысленный вопрос: где сестра обучалась, etc., и вскоре я заполучил необходимую информацию. Я без труда выследил упомянутых доктора и пациентку.

Разговор между старыми вояками-сплетниками навел меня на след генерала Макартура. Человек, недавно вернувшийся с Амазонки, дал мне сокрушительное resume[33] о деятельности некоего Филипа Ломбарда. Полная негодования мэм-сагиб[34] на Майорке поведала мне о пуританке Эмили Брент и ее несчастной девушке-служанке. Энтони Марстона я выбрал из большой группы людей, совершивших подобные преступления. Его бессердечие и неспособность чувствовать ответственность за погубленные жизни делали его опасным для общества и лишали права на существование. Экс-инспектор Блор попал в поле моего внимания совершенно естественно: некоторые мои коллеги яростно, и не стесняясь в выражениях, обсуждали дело Лэндора. Я самым серьезным образом отнесся к его преступлению. Полицейские как слуги закона

---

[33] Примечания: 33
Резюме — *фр.*

[34] Примечания: 34
Индийское обращение к замужней женщине-англичанке.

должны быть непогрешимо чисты, так как их слову волей-неволей приходится верить ввиду их ремесла.

И последним я разыскал дело Веры Клэйторн. Это было, когда я пересекал Атлантику. Как-то поздно ночью единственными обитателями курительной оказались я сам и красивый молодой человек по имени Хьюго Хамилтон.

Хьюго Хамилтон был несчастен. Чтобы смягчить свое горе, он много выпил. Он пребывал в слезливом, доверительном состоянии. Не питая особой надежды, я начал свой рутинный разговор. Ответ был ошеломляющим. Я как сейчас помню его слова. Он сказал:

— Вы правы. Убийство совсем не то, как его представляет большинство. Совсем необязательно подбросить в еду горсть мышьяка или столкнуть кого-то со скалы, — он подался вперед, приблизив ко мне свое лицо, и сказал. — Я знал убийцу — знал ее, говорю вам. И что больше — я сходил по ней с ума… Бог мне поможет, иногда я и сейчас чувствую, что обожаю ее… Это ад, говорю вам, настоящий ад. Видите ли, более или менее она сделала это ради меня… Я никогда и не помышлял, женщины — дьяволы… настоящие дьяволы… С виду никогда о ней ничего дурного не

подумаешь — приятная, честная веселая девушка — никогда в голову не придет, что она могла такое сделать, верно? А она отпустила ребенка в море и позволила ему утонуть. Вы, наверное, никогда и не помышляли, что *женщина* на такое способна?

Я спросил у него: «А вы уверены, что она это сделала?» Он ответил, и, похоже, слова неожиданно его протрезвили:

— Совершенно уверен. Больше никто не подозревал. Но я знал правду, как только посмотрел на нее, когда вернулся… после… И она поняла, что я знаю… Чего она не понимает, так это то, что я любил ребенка…

Больше он ничего не говорил, но мне было легко проследить историю и реконструировать прошлое.

Мне была нужна десятая жертва. Я нашел ее в человеке по фамилии Моррис. Он был сомнительным существом. Не считая других его противозаконных действий, он к тому же занимался распространением наркотиков и приучил к ним дочь своих друзей. Она покончила с собой, когда ей исполнился двадцать один год.

Во время поисков план постепенно формировался у меня в голове. Теперь он был завершен, и последним его штрихом стала беседа с моим

доктором на Хэрли-стрит. Я уже упоминал, что перенес операцию. Разговор на Хэрли-стрит дал мне понять, что другая операция будет бесполезна. Мой медик очень мило подал информацию в туманных выражениях, но я привык докапываться до правды.

Я не сообщил доктору о своем решении сделать так, чтобы смерть моя не была медленной и мучительной. Нет, моя смерть наступит в огне возбуждения. Я *буду жить* перед тем, как умру.

И теперь сам механизм преступления на острове Ниггер. Приобрести остров, используя Морриса для сокрытия следов, было нетрудно. Он был экспертом в подобных вопросах. Сведя в систему информацию, собранную мною о жертвах, я смог приготовить подходящую приманку для каждого. Все мои гости прибыли на остров Ниггер 8 августа. Группа включала и меня самого. Моррис уже получил свое. Он страдал от несварения желудка. Перед отъездом из Лондона я дал ему капсулу и сказал, что ее нужно принять на ночь перед сном. Я сказал, что это лекарство совершило настоящие чудеса с моими желудочными соками. Он взял ее без колебаний — он был немножко ипохондриком. Я не боялся, что после него останутся какие-нибудь компрометирующие документы

или записи. Он был не из тех.

Порядок убийств на острове я продумал с особой тщательностью и заботой.

Я считал, что у гостей были разные степени вины. Те, кто был виноват менее других, должны были умереть первыми, не страдая от длительного психологического напряжения, каковое я приготовил для более хладнокровных преступников.

Энтони Марстон и миссис Роджерс умерли первыми: один — мгновенно, другая — в мирном сне. Марстон, как я понял, был рожден безо всякой моральной ответственности, каковая имеется у большинства. Он был аморальным человеком — язычником. Миссис Роджерс, я не сомневался, в основном действовала под влиянием мужа.

Нет надобности описывать тщательно, как умерли эти двое. Полиция без труда все узнает. Домовладельцу раздобыть цианид кальция для уничтожения ос проще простого. Он у меня был, и подбросить его в почти пустой бокал Марстона во время напряженного периода, наступившего после того, как прозвучала граммофонная запись, было нетрудно.

Могу сказать, что во время зачтения обвинения я пристально наблюдал за лицами гостей и благо-

даря моему долгому опыту работы в суде убедился еще раз: все как один они были виновны.

Во время недавних приступов боли мне прописали снотворное — хлоралгидрат. Мне было довольно просто перетерпеть боль и скопить его смертельную дозу. Когда Роджерс принес для своей жены бренди, он поставил бокал на стол, и, проходя мимо стола, я подбросил яд в напиток. Это было легко потому, что тогда никто ничего еще не подозревал.

Генерал Макартур умер совершенно безболезненно. Он не слышал, как я подошел. Конечно, я очень тщательно выбирал время для ухода с террасы, но все прошло успешно.

Как я и предвидел, был сделан обыск острова, и гости обнаружили, что на нем нет никого, кроме нас семерых. В результате сразу же создалась атмосфера подозрения. В соответствии с моим планом в скором времени мне должен был понадобиться союзник. Я выбрал доктора Армстронга. Он был легковерным человеком, знал как меня лично, так и мою репутацию, и для него было непостижимо, что человек с моим положением должен быть убийцей! Все его подозрения были направлены на Ломбарда, и я сделал вид, что с ним согласен. Я намекнул, что разработал схему,

посредством которой можно заманить убийцу в ловушку и заставить его выдать себя.

Хотя обыскали все комнаты, никого еще лично не обыскивали. Но вскоре это должно было произойти.

Я убил Роджерса. Утром 10 августа. Он колол дрова и не услышал моих шагов. Я нашел ключ от столовой в его кармане. Он запер комнату предыдущей ночью.

В суматохе, последовавшей за находкой трупа Роджерса, я проскользнул в комнату Ломбарда и похитил его револьвер. Я знал, что у него будете собой оружие — точнее говоря, Моррис по моей инструкции предложил ему захватить пистолет с собой во время беседы.

За завтраком я подбросил остаток хлорала в кофе мисс Брент, когда подливал ей напиток. Мы оставили ее в столовой, Я проскользнул туда позднее — она была почти без памяти, и мне было легко сделать ей инъекцию насыщенного раствора цианида. Шмель был настоящим ребячеством, но, знаете, почему-то это доставило мне удовольствие. Мне хотелось как можно точнее придерживаться считалочки.

Вскоре после этого произошло то, что я предвидел, честно говоря, сам это предложил. Мы все

подверглись тщательному обыску. Я отлично спрятал револьвер, а ни цианида, ни хлорала у меня больше не было.

Вот тогда-то я объявил Армстронгу, что пора приводить в исполнение наш план. Он был очень прост: я должен притвориться следующей жертвой. Это якобы взбудоражит убийцу, и, во всяком случае, если будут считать, что я мертв, я смогу спокойно передвигаться по дому и следить за нашим неизвестным преступником.

Армстронгу идея пришлась по душе. Мы привели план в действие в тот же вечер. Красная краска на лбу, алая занавеска, шерсть — и сцена готова. Свечи сильно мерцали и освещали комнату плохо, и только Армстронг должен был меня тщательно осмотреть.

План сработал безупречно. Мисс Клэйторн визжала на весь дом, когда нашла водоросли, которые я предусмотрительно повесил в ее комнате. Все ринулись наверх, а я принял позу убитого.

Мой «труп» произвел на них желаемый эффект. Армстронг очень профессионально исполнил свою роль. Они отнесли меня наверх и уложили на кровать. Никто обо мне не беспокоился — все были слишком напуганы и до смерти боялись друг друга.

Я условился с Армстронгом о свидании возле дома без четверти два. Я отвел его чуть поодаль к краю утеса. Сказал, что отсюда мы сразу увидим, если кто будет к нам приближаться, зато нас никто из дома не заметит, потому что спальни выходят окнами на другую сторону. Он по-прежнему ничего не подозревал — и, однако, ему следовало бы понять, если бы он только вспомнил слова считалочки: «Копченая селедка проглотила одного...» Он прекрасно клюнул на копченую селедку.

Убить его было легко. Я издал восклицание, наклонился, велел ему посмотреть, не вход ли это в пещеру. Он далеко нагнулся. Быстрый мощный толчок заставил его потерять равновесие, и он полетел в бушующее море. Я вернулся в дом. Должно быть, Блор слышал мои шаги. Через несколько минут я вернулся в комнату Армстронга к оставил ее на сей раз достаточно громко, так, чтобы кто-то *обязательно* меня услышал. Дверь открылась, когда я был на нижних ступеньках лестницы. Они, должно быть, мельком видели меня, когда *я* выходил из дома.

Через минуту-другую они последовали за мной. Я обошел дом и взобрался в него через окно в столовой, которое предварительно оставил от-

крытым. Я его закрыл и потом разбил стекло. Потом поднялся наверх и снова улегся на свою кровать.

Я рассчитывал, что они снова обыщут дом, но не думал, что они особенно тщательно будут разглядывать трупы — просто сорвут на мгновение простыню, чтобы убедиться, что это не Армстронг, маскирующийся под мертвое тело. Все произошло именно так.

Я забыл сказать, что вернул револьвер в комнату Ломбарда. Может быть, кому-то будет интересно узнать, где же я его спрятал на время обыска. В кладовой была большая груда консервированной еды. Я открыл самую нижнюю — кажется, там были бисквиты, уложил туда револьвер и вновь заклеил банку липкой лентой.

Я рассчитывал, и совершенно правильно, что никто и не подумает просматривать явно нетронутые консервы, тем более, что верхние банки были запаянные.

Красную занавеску я скрыл, положив на сиденье одного из кресел в гостиной под покрывало из вощеного ситца, а шерсть — в подушке сиденья, прорезав в ней небольшое отверстие.

И теперь наступил момент, который я предвидел; три человека так боялись друг друга, что

могло произойти что угодно, *у одного из них был револьвер…* Я наблюдал за ними из окон дома. Когда Блор один направился в особняк, я приготовил большие мраморные часы. *Уход со сцены Блора…*

Из окна я видел, как Вера Клэйторн застрелила Ломбарда. Рискованная и изобретательная молодая особа. *Я* всегда считал, что она достойный ему соперник, а то и более сильный. Как только это произошло, я приготовил сцену в ее спальне.

Это был интересный психологический эксперимент. Хватит ли осознания собственной вины, состояния нервного напряжения — ведь она только что застрелила человека! — в сочетании с гипнотическим влиянием окружающей обстановки, чтобы заставить ее покончить с собой? Я счел, что будет. И оказался прав. Вера Клэйторн повесилась на моих глазах, когда я наблюдал за ней, скрывшись в тени гардероба.

И теперь — последняя сцена. Я поднял стул и поставил его возле стены. Нашел револьвер на верхней лестничной площадке, там, где девушка его уронила. Я постарался сохранить на нем отпечатки пальцев.

А теперь?

Я закончу это писать. Положу в конверт, запе-

чатав в бутылку, и заброшу бутылку в море.

Почему?

Да, почему?

Моей честолюбивой мечтой было *придумать* тайну, которую никто бы не смог разгадать.

Но сейчас я понимаю, что ни один художник не может получить удовлетворения только от самого искусства. В нем всегда есть жажда признания, которую невозможно подавить…

Позвольте мне признаться со всей смиренностью: я испытываю жалкое человеческое желание, чтобы кто-то знал, сколь умен я был…

При всем при том я полагаю, что тайна острова Ниггер останется неразрешенной. Но, конечно, вполне может статься, что полиция окажется умнее, чем я думал. В конце концов, есть три ключа, ведущих к разгадке. Первый — полиции прекрасно известно, что Эдвард Ситон был виновен. Посему они знают, что один из десяти человек на острове не был убийцей, откуда следует, как ни парадоксально, что именно этот человек и должен быть *убийцей.* Второй ключ лежит в седьмом куплете детской считалочки. Смерть Армстронга связана с «копченой селедкой», которую он проглотил, или точнее, которая в результате проглотила его! Точнее говоря, тут есть указание

на какой-то фокус-покус: и что Армстронг был обманут и тем самым пошел навстречу своей смерти. Это может дать многообещающую линию расследования, ведь кроме него оставалось четыре человека, и из всех четырех только я мог вызвать у него доверие.

Третий ключ — символический. Смерть ставит метку на моем лбу. Клеймо Каина (первый библейский убийца, убивший своего брата Авеля, за что был заклеймен Богом).

Думаю, мало, что осталось сказать.

Доверив бутылку и сие послание морю, я поднимусь в свою комнату и лягу на кровать. К моему пенсне прикреплен тонкий черный шнурок, но он эластичен. Я лягу на пенсне, сам шнурок накину на дверную ручку и прикреплю его не очень прочно к револьверу. Думаю, произойдет следующее.

Мой палец, защищенный платком, нажмет на курок. Рука упадет вдоль тела. Револьвер вместе со шнурком отлетит к двери, ударится о ручку, оторвется от шнурка и упадет. Сам шнурок невинно свесится с пенсне, на котором лежит мое тело. Носовой платок, который упадет на пол, не вызовет никаких подозрений.

Меня найдут аккуратно лежащим на кровати,

застреленным в лоб, в соответствии с записями, которые вели мои жертвы-собратья. Когда наши тела обследуют, время смерти никого из нас назвать точно будет невозможно.

Когда море успокоится, с материка придут лодки и люди. И они найдут на острове Ниггер десять трупов и неразрешимую тайну.

Подписано: Лоуренс Уогрейв.

КОНЕЦ

